

НИЖНИЙ НОВГОРОД

N I Z H N Y N O V G O R O D 1 (6 0) / 2 0 2 5

ИГОРЬ
КАРАУЛОВ
МОСКВА

4

МАРИНА
ВОЛКОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

10

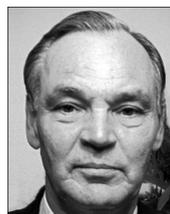
МИХАИЛ
КАЛАШНИКОВ
ВОРОНЕЖ

18

ТАТЬЯНА
ПОПОВА-
БОРИСОВА
КАМЕНЬ-
НА-ОБИ

47

ВАЛЕРИЙ
РУМЯНЦЕВ
СОЧИ

55

ПАВЕЛ
КРЕН'ЁВ
МОСКВА

61

МАРИЯ
СМИРНОВА
ПИТКЯРАНТА

79

ГАЛИНА
ТАЛАНОВА
НИЖНИЙ НОВГОРОД

88

НИКОЛАЙ
СВЕЧИН
НИЖНИЙ НОВГОРОД

106

ИРИНА
ЧАСЕВИЧ
САРОВ

132

АЛЕКСАНДР
ЛУШИН
НИЖНИЙ НОВГОРОД

144

ИОСИФ
КУРАЛОВ
КЕМЕРОВО

145

ИВАН
НЕЧИПОРУК
ГОРЛОВКА

149

АНДРЕЙ
РУДАЛОВ
СЕВЕРОДВИНСК

151

ЭДУАРД
КУЗНЕЦОВ
НИЖНИЙ НОВГОРОД

233

16+

В НОМЕРЕ

Поэзия

Игорь КАРАУЛОВ ГОВОРИЛИ О ТОМ, ЧТО РОДИНА – ЭТО ВДОХ....	4
Марина ВОЛКОВА ЛЕБЕДИЯ	10
Сергей ЖЕНИХОВ РОССИИ СНИЛСЯ СОН....	14

Проза

Михаил КАЛАШНИКОВ АННА ДОМИНИ	18
Евгения КИСЕЛЕВА РУКИ В ЗЕМЛЕ И В НЕБЕ МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ	37 41
Татьяна ПОПОВА-БОРИСОВА ЗАТЯНУВШИЙСЯ АВГУСТ	47
Евгения КОСТИЦЫНА БЕБИСИТАР	51
Валерий РУМЯНЦЕВ ГОЛОС ПРОШЕДШИХ ЛЕТ	55
Павел КРЕНЁВ БОЛЬШОЙ КАБАН	61
Вячеслав ЗАСУХИН ДРАНИКИ	72
Иван БОЧАРНИКОВ ДЯДЯ ТОЛЯ	75

Поэзия

Мария СМИРНОВА МЫ РАЗГАДАЛИ ИМЯ ГНЕВА....	79
Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ ТА ДЕВУШКА УСТАЛА БЫТЬ ОДНА....	83
Галина ТАЛАНОВА Я Б ХОТЕЛА ЭТОТ СВЕТ ВОБРАТЬ....	88

Проза

Антон ЗВЕРЕВ ЗЕРКАЛО	92
Николай СВЕЧИН В ПОХОДЕ (Глава из книги «Рыжъё»)	106
Евгений ТОЛМАЧЁВ ДОРОГА В ДОМ СКОРБИ	112
Валентина ЮРЧЕНКО КОНЦЕРТ РЫБА МОЯ!	117 127

Илья КРИШТУЛ	
ДОРОГИ, КОТОРЫЕ....	130
Инна ЧАСЕВИЧ	
ПОЧТИ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ	132
Дамир ХАНИФУЛЛИН	
ЧЕЛОВЕК-ГИПС	136
Альберт ЮСУПОВ	
ВОТ БЫ...	142

Стихи по кругу

Александр ЛУШИН	144
Иосиф КУРАЛОВ	145
Диана БЛИНЦОВСКАЯ	146
Сергей СКУРАТОВСКИЙ	147
Ирина ШЕЙБАК	148
Иван НЕЧИПОРУК	149
Евгений ХАРИТОНОВ	149

Публицистика

Андрей РУДАЛЁВ	
<i>Из книги ПРОКЛЯТЫЙ ГЕРОЙ</i>	
Роман «Санька» Захара Прилепина в контексте эпохи	151

Вехи памяти

Евгений ЭРАСТОВ	
ПТИЦЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ	
90 лет со дня рождения поэта Виктора Кумакшева	209
Виктор КУМАКШЕВ (1935–1997)	
КОГДА БЕССОННИЦА	216

Литпроцесс

Лариса ЕСИНА	
ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ	
О пьесе Юрия Васина «Ласточка»	224
Ольга БЕЛОВА-ДАЛИНА	
ТРЕТИЙ ГЛАЗ ЭДУАРДА ПОБУЖАНСКОГО	229
Эдуард КУЗНЕЦОВ	
САМИ О СЕБЕ	
В лабиринтах автобиографий	233

Игорь КАРАУЛОВ

Поэт, переводчик, публицист. Родился в 1966 году в городе Москве. Окончил географический факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Работает переводчиком.

Автор поэтических и публицистических книг. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Нижний Новгород», «Волга», «Бельские просторы», «Плавучий мост» и других. Выступал с публицистикой в газете «Известия», «Литературной газете», на сайтах «Свободная пресса», «Русская идея» и АПН. Лауреат Григорьевской поэтической премии (2011). Победитель Волошинского литературного конкурса (2017), дипломант премии «Московский счет» (2019). Лауреат премии «Лицо нации» (2022).

Живет в Москве.

ГОВОРИЛИ О ТОМ, ЧТО РОДИНА – ЭТО ВДОХ...

* * *

Город сморщен, по краям обуглился.
Мы его сжигаем, как письмо.
Дымом задохнувшиеся улицы
мусорным самумом занесло.

Падал батальон за батальоном
замертво у этих чёрных врат.
Город будто был заговорённым:
от стены отскакивал снаряд.

Чародей под вечер слал ворону,
и ворона каркала во тьме:
«Русский воин, позабудь дорогу
в неприступный город на холме.

Здесь тебе прожгут затылок оловом,
немочью обвяжут, как ремнем».
Командир закуривал и сплёвывал:
«Ничего, ещё раз поднажмём».

Поднажали. Рухнуло заклетье,
и сквозь чёрный холод, чёрный жар

с четырёх сторон заходят братья
в обречённый город Угледар.

Сдаться в плен считайте высшим благом,
если жизнь хоть как-то дорога.
Хорошо горит под русским флагом
гордость неуёмного врага.

БМП елозит пыльным траком
по костлявым пальцам колдуна,
и немногим выжившим собакам
мы даём иные имена.

* * *

По земле, отобранной у немцев,
хорошо шагать: айн, цвай.
Покупать в ларьке солёный брецель,
с ним тянуть зелёный сладкий чай.

Русские играют в немцев сами,
надевают рыцарскую сталь.
Хищными тевтонскими глазами
через море смотрят вдаль.

Будет, будет русским город Данциг,
станет Висла – новая Нева.
Чувствую, что Рига хочет сдаться,
как солдатская вдова.

Не глядим на расы, мы же не тарасы,
каждого наш дом принять готов.
У цветочницы на Розенштрассе
мы попросим русских васильков.

* * *

Не понимаю толку в этих пьянках,
когда на живописном берегу,
у озера, при лодочных стоянках
готовится шашлык или рагу.

И коньячок взирает на паштеты,
и водочка танцует на столах,
а вдоль столов – художники, поэты
и режиссёры тоже при делах.

Как на подбор, мужчины бородаты
и женщины не в первый раз свежи.
Они родной духовности солдаты,
и фрейлины, и верные пажи.

О чём они сегодня травят байки?
О том, что рыбка – к белому вину

и как под звук всё той же балалайки
они сидели как-то на Дону,

в Карелии, в Сургуте, на Байкале
и пили за Россию, за народ,
как сообща духовности алкали,
а Л. – дала, но больше не даёт.

И я там был! Не там, но где-то вроде.
Холмы и ёлки. Может быть, Урал.
Пока я шарил взглядом по природе,
мне культуролог тихо подливал.

А я смотрел на юбки и на лица
и думал, как бывает иногда,
что впору мне сквозь землю провалиться
от нежности, как будто от стыда.

Какой нетворкинг вымутим в итоге?
Когда-нибудь хозяйка галерей
моё увидит фото в некрологе
и спросит: как, он разве не Андрей?

Мёд-пиво пил и утирал салфеткой
следы недietetической еды.
Умел на миг блеснуть остротой меткой
во дни народной гибельной беды.

И каждый раз дивился, как же просто
кончаются поездки по стране.
Смерть на миру имеет форму тоста.
Бессмертье – лишь с собой наедине.

* * *

Мой друг похож на ледокол,
он вам не траулер, не сейнер.
Пока здесь сад вишнёвый цвёл,
он пробивал свой путь на север.

Среди безлюдной красоты
он подчинён своей задаче.
Его подлёдные киты
считают богом, не иначе.

Но так ли он необходим
в высоких северных широтах?
Суда не следуют за ним,
отстали, в порт ушли на отдых.

А он не выбился из сил
и не утратил счёта вёснам.

Войдя в содружество светил,
он стал упорным и несносным.

Вокруг меня друзей полно,
они витийствуют и спорят,
но ледяное полотно
никто ножом своим не вспорет.

И вдруг ломается ледок
и трещинка бежит по лицам,
как будто слышится гудок,
обычно внятный только птицам.

И кто-то вспомнит: был такой,
пил водочку, ругался матом,
а стал как будто ледокол
и бедным сердцем движет атом.

* * *

Присмотри за мёртвым пчеловодом,
чтобы ничего не натворил,
чтобы под цветочным небосводом
незнакомых слов не говорил.

Вот он в чёрной маске самурая
на участок ломится с угла,
будто в небе пасека вторая,
будто сам он звонкая пчела.

А на деле он похож на муху,
что попала в сети сентября.
Ты не верь его кривому слуху,
он зарвался, мягко говоря.

Пасечник хоронится за тыном,
ростом карлик, тенью великан.
Пасечник сигналил сивым дымом
мотоциклам и грузовикам.

А пора уже застыть колодой,
малой формой, мишкой из сосны.
Скромной мелколиственной породой
облететь, уняться до весны.

Тут такие дети ходят в школу,
тут такую музыку листвы
на альтах играют богомолы,
не щадя зелёной головы.

Тут такая дивная столица
в облаках купает алый флаг.
Не зазорно мёртвым притвориться,
даже если думаешь не так.

* * *

Работа всё не движется никак,
дай отдохнуть от умственных стараний.
Я так люблю цыганщину, блатняк
и чтобы скрипка пела в ресторане.

Расслабишься, и сердце защемит,
когда звучит простая шансонетка.
Я провалюсь в советский общепит,
как в таксофон ребристая монетка.

Передо мной меню былой поры,
но, как назло, в кармане ни дуката.
Не нужно мне жульенов и икры,
я буду сыт дворовым пиццикато.

Советский быт, язвительный халдей,
сдающий посетителей в гэбуху.
Но музыка – простишь ли, Амадей, –
приятна моему плохому слуху.

Печальный Смеляков мелькает тут,
и Межиров бредёт с бильярдным кием,
и цинику Нагибину несут
огромную котлету а-ля Киев.

Пропой на бис хотя бы пару строк,
волшебница, и я в долги залезу.
А на пороге появился Блок,
и лысый лабух грянул «Марсельезу».

* * *

Вспоминаю запущенный быт
и усилие быть, не казаться.
Но Василий Казанцев забыт,
не прославлен Василий Казанцев.

Мой народ не возвёл его в культ,
не читает в метро и на даче.
Я не жалею слова «манкурт»,
только как тут сказать-то иначе?

Да, не гений, какого вовек
материнская плоть не рождала.
Просто мыслил и жил человек.
Жил и мыслил... а этого мало?

Сколько их по хрущёвским домам
и по брежневским башням родимым
собирало блистательный хлам,
с крематорным растаявший дымом?

Сколько их и теперь по Руси
мастерит, маракует и петрит.
«Что вам эта Гекуба?» – спроси.
Помолчат, ничего не ответят.

Кто-то смотрит на нас с высоты,
различает Рифей и Пацифик.
В мир невидимый строит мосты
одинокий сибирский понтифик.

Мир невидимый, шар золотой
нависает над утренней ленью.
Жаль, не хватит одной запятой,
чтобы предотвратить столкновенье.

* * *

Вылета ждали ночью, почти до трёх.
За беседой успели забыть о делах, обидах.
Говорили о том, что Родина – это вдох,
но до чего же разным бывает выдох.

Родина ежесекундно глядит на нас
глазами ребёнка, бармена, стюардессы.
Не хочется выдыхать углекислый газ,
хотя, говорят, он полезен для роста леса.

Сколько не сделано, сколько не спасено
жизней, снов – а дыхание иссякнет скоро.
Но кто выдыхает инертный газ ксенон,
тот ни свободы не стоит, ни разговора.

Марина ВОЛКОВА

Родилась в 1981 году в Ленинграде. Окончила Александровский лицей и Высшую административную школу, специальность: «юрист-правовед».

Работала следователем в МВД, заместителем главного редактора частного издательства. С 2013 года автор и ведущая литературного проекта «Виват, Петербург!», редактор одноимённого альманаха.

Автор четырех поэтических сборников и публикаций в коллективных и периодических изданиях («Наш современник», «Север», «Роман-газета», «Новгород литературный», «Царицын», «Голос эпохи», «Мгинские мосты» и другие).

Лауреат фестиваля исторической поэзии «Словенское поле», премии им. Ю.П. Кузнецова от журнала «Наш современник» (2014), конкурса «Северная звезда» от журнала «Север» (2011), премии «Справедливая Россия» (2020), фестиваля «Славянское слово» (2021).

Живет в Санкт-Петербурге.

ЛЕБЕДИЯ

И даже малости довольно

За далью – даль. И только ветер
Усталый бродит меж полей.
Тебя прекрасней нет на свете.
Тебя на свете нет грустней.

Земля моя, в осенней неге
Смотря несбыточные сны,
Ты каждый год грустишь о снеге,
А как пойдёт, то ждёшь весны.

Не птиц, а вьюг здесь слышно пенье,
И кровь на травах как роса.
Но мы – иного измеренья,
Не под ноги, а в небеса

Глядим и грезим правдой вечной,
Поняв душою лишь одно:
Что Богово и человечье
В тебе навеки сплетено.

Пусть очень часто слишком больно
И горько так, хоть волком вой.
Но даже малости довольно –
Вдохнуть морозный воздух твой.

Слово

Наши души нельзя умертвить ни металлом, ни током,
Не распять на кресте, не купить посулённою мздой.
Между Западом грубым и алчным, зломудрым Востоком
Русский Север сияет под светлой Полярной звездой.

И покуда над Русью рождаются новые зори,
Божье Слово в стихах произносится громко и вслух;
Ни горящий Кавказ, ни китайское жёлтое море
Не сумеют сломить этот вольный, светящийся дух!

Каждый слышащий рано иль поздно срывает оковы,
Голос крови услышав, что в венах кипит, горяча;
И кидается в бой, повторяя заветное Слово,
Что разит всех врагов лучше пули и пуще меча!

* * *

Вечер пахнет дождём и прошедшей грозой,
Красен солнца вечернего круг.
Тонких трепетных рук золотистой лозой
Обовью тебя, милый мой друг.

Очерстев от потерь, одурев от войны
(Сам себе – и судья, и палач),
Сердце бедное хочет такой тишины,
Где не слышен ни возглас, ни плач,

Где по Правде живут, никого не губя,
Умножая добро на Земле.
На каких перекрёстках найду я тебя?
След совсем затерялся во мгле.

Мне б услышать один среди всех голосов –
Он пробьётся сквозь отзвуки тризн,
И опустится зыбкая часа весов,
На которой написано «жизнь».

Иван-чай

Север. Свечи иван-чая, словно стражи, вдоль ворот.
Красно солнце привечая, пьют луга рассветный мёд.
Вот бы ладом, вот бы миром жить, не биться рать – на рать...
Нам бы Спас Медовый пиром всем народом отмечать.
...Над заброшенной деревней тишь, но тяжек неба взор:
Сказки юной, были древней боль сплелась в один узор –
Вместе с горем беспредельным да слезами без границ.
Вновь горят в огне смертельном слётки гордых белых птиц.
И душа болит всё пуще, наполняясь до краёв
Тяжкой горечью грядущих и минувших всех боёв.

Сколько грусти необъятной... Лес вдаль стоит стеной.
 Не воротится обратно стая белая домой,
 И на пустошах печальных, там, где ясен неба край,
 Словно сонм свечей прощальных, догорает иван-чай.

Обними

Не из страха, не из жалости (коль жалеешь – не зови)
 Обними меня, пожалуйста, если можешь, из любви.
 Всей душою, словно крыльями, будто мы – единый сплав,
 Обними руками сильными, к сердцу бережно прижав,
 В феврале, сыром и слякотном, где волкам – не выюгам выть...
 Я почти забыла, как это – близко-близко рядом быть,
 Слушать сердце под рубахою, пить дыханья сладкий мёд,
 Лгнуть к ладоням певчей птахою, вечно верящей в полёт.
 От лихого, неизбежного, в зной палящий и в пургу
 Я тебя, родного, нежного непременно сберегу.

* * *

Умыться, помолиться и уйти
 В промозглый день. Запутавшийся в травах,
 Дождь будет петь нам песни по пути,
 А дуб, расправив ветви величаво
 И ласково над мокрой головой,
 Пузатыми бросаясь желудями,
 Шепнёт: «Будь благодарен, что живой.
 Что дышишь – дымом, ветром и дождями».

Вся наша Русь – домов ушедших дым,
 Дерев могучих срубленные рощи
 Да пыль дорог. Ты стал уже седым,
 Смирясь со многим, и уже не ропщешь,
 Но вот душа – нет-нет, а заболит.
 Такой тоски иные не видали.
 И от неё не установишь щит,
 И за неё не выдадут медали.

Ступаешь, гордо голову держа,
 А сердце любит мир и многих греет.
 Тот, кто ходил по лезвию ножа
 Хоть раз, – к другим обязан быть добрее.
 И даже если ты устал любить,
 Вздохни и – в путь! Ведь ждут тебя на свете
 В желтеющих лугах тропинки нить,
 Старинный дуб, поющий дождь да ветер.

Лебедия

Засверкали ветви в инее узорном,
 Ходит по лесу Зима, белым-бела.

Лебедь нежная на зеркале озёрном
Спит, сложив свои прекрасные крыла.

А над ней, зовя и плача, кружат птицы:
«Лес дремучий хладным снегом замело,
Просыпайся, наша милая сестрица,
Полетим в края, где сытно и тепло!»

Но не слышит лебедь птичьего привета
И зимует под метелями одна,
Будто нежностью неведомой согрета
Или слову изреченному верна.

Так и Русь – среди унылой, зимней стужи
Ждёт весны под тусклым светом звёзд-ламп, ад,
А над ней метель неистовая кружит,
Норовит засыпать буйный снегопад.

Но она стоит, под вьюгами не гнётся,
Не страшат её сраженья и бои –
Пробудится под весенним ярким солнцем
И расправит крылья белые свои!

Летнее зелье

Лёгким пёрышком – память. Словно след на воде.
Мне – лелеять, не ранить. Я – нигде и везде,
По небесному краю искры-звёзды несущу,
С ветром в прятки играю, глажу камни в лесу.

Если вспомнишь, то мельком, улыбнёшься слегка.
Выпей летнего зелья, и отступит тоска.
Пусть в шиповника чаше сладкий зреет нектар.
Жизнь короткая наша – не обуза, а дар.

Вихрем солнечных строчек пронесусь в голове.
Прозвенит колокольчик в придорожной траве
Ноты песни заветной, в ней и будет ответ.
Я уйду незаметно, но останется свет.

Сергей ЖЕНИХОВ

Родился в 1950 году в районном центре Тоншаево Горьковской области. Поэт, бард, художник. Стихи печатались в коллективных сборниках, а также в периодической печати городов Кривого Рога, Нижнего Новгорода, Кирова и Красноярского края.

Живет в Шахунье, Нижегородская область.

РОССИИ СНИЛСЯ СОН...

Становление

Казалась жизнь забавой.
Я клялся, но грешил.
Я жил не по уставу –
по замыслу души.

Как всех, меня коснулась
и даже обожгла
проветренная юность,
рисковые дела.

Сверкали дни, как искры.
Стихи лились рекой.
Взрослелось слишком быстро,
влюблялось так легко!

Под благодать сердечной
молитвы соловья
все представлялось вечным:
ты,
Родина
и я.

* * *

Легко листая Божье Слово,
томясь открытием его,
душа распять себя готова
за непохожесть,
за родство.

В кругу сплошных несовмещений,
где ложь – не диво, зло – не грех.

душа моя не жаждет мщений,
она тревожится.
За всех!

Она признанием томится,
другим на выручку спешит.
Судьба моя, видать, боится
деяний ветреной души.

Враждует с ней, плетет интригу,
прилюдно хая и кляня...

Душа, вздыхая, пишет книгу
про непутевого меня.

На смерть Акима

Все копался в огороде,
в гости часто заходил...
Слег Аким сивобородый –
что-то треснуло в груди.

У его кровати шаткой,
у печи и у стола
день и ночь крутилась бабка,
заводная, как юла.

По-простому – бабка Нила,
по-законному – жена.
И поила, и кормила
мужа с ложечки она.

Дед вздыхал, своей «матане»
жалился, что мочи нет,
что живет, резину тянет,
что не может «околеть».

Взял и умер.
Гроб строгали.
В изголовье свечи жгли.
Приходили. Отпевали.
Поскулили и ушли.

Бабка Нила овдовела.
Возле гроба у стола
все сидела и сидела –
наседеться не могла.

* * *

Без улыбки твоей обнищал
мир, в котором мы, царствуя, жили.

И лицо не мое, и душа.
И слова тяжелы, как чужие.

Ни друзей у меня, ни врагов –
сам живу
и от страха немею:
у любви моей нет берегов,
а я плавать совсем не умею.

Родной мотив

В нашем крае деревни лучше
днем с огнем ищи – не найдешь.
С двух сторон, словно лес дремучий,
подступает к постройкам рожь.

По-над крышами – яблонь грозди,
пруд с кувшинками,
день-деньской
бродит берегом стадо козье,
копит в вымени молоко.

А вода в пруду мутновата.
Караси на заре клюют.
Друг за дружкой, как лягушата,
ребятишки ныряют в пруд.

Тут же бабы белье полощут,
чешут сплетницы языки.
У плотины качается роцца –
белоствольные стебельки.

Все дома у нас – загляденье!
Принаряжены, в кружевах.
На заборах в час песнопенья –
петухи, как тетерева!

И собак у нас тоже много,
необлачным не пройдешь.
За деревню выйдешь, дорога
рассекает надвое рожь.

Удивленно дали окинешь,
заглядишься из-под руки.
Как у Шишкина на картине:
рожь,
и сосны,
и васильки.

Прозрение

Посмотри, какая красотища
среди бела дня перед тобой!

Ты ее по свету годы ищешь,
а находишь, воротясь домой.

Колесит дорогой в поле речка.
И лесок виднеется вдали.
А в тени под липой вековечной
воробьи купаются в пыли.

Вот и все.
Не так богато, вроде.
Потому люблю еще сильнее!
Ничего нет лишнего в природе
деревенской родины моей,

дым которой сладок и приятен...
Мне как соплеменнику Христа
распахнула радужно объятья
эта неземная красота.

И досадно вроде бы и странно —
ведь искал, томился: где она?
Ждал ее за синими морями,
а увидел дома, из окна.

* * *

России снился сон.
Безумствуя и плача,
довлел над миром Век
разящий,
роковой...

Я помню обо всем.
Родник души прозрачен.
Не замутишь вовек
воды его живой.

Михаил КАЛАШНИКОВ

Родился в 1985 году в селе Белогорье Подгоренского района Воронежской области. Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического университета. Работает помощником начальника караула в пожарно-спасательной части. Участник поискового движения, Богучарский поисковый клуб «Память».

Автор романов «Летом сорок второго», «Красный демон», «Расплавленный рубеж», «Челюскин. В плену ледяной пустыни». Публиковался в журналах «Подъем», «Наш современник», «Сибирские огни», «Роман-газета».

Лауреат премий «Щит и меч Отечества» (2017), «В поисках правды и справедливости» (2018), им. Исаева (2020), шорт-лист «Болдинской осени» (2021), приз в номинации «Новое имя» журнала «Сибирские огни» (2022), им. В. П. Астафьева (2023).

Живет в Воронеже.

АННА ДОМИНИ

1

Москве жилось сытнее. Даже в февральские дни, когда столица еще не переехала обратно в Белокаменную. Василий Голицын вел переписку с университетскими друзьями, его звали жить и работать в новые, каждый день нарождавшиеся учреждения.

Родители с младшими братьями-сестрами уехали в Финляндию сразу после Октября. «Пока ходят поезда», – твердил отец, раскладывая по портфелям бумаги. Мать неумело увязывала вещи – прислуга уже покинула особняк, – торопила первенца:

– Базиль, крошка, помоги мне с этой застежкой.

Голицын бродил по разоренному дому, кидался помогать матери, потом нелепо замирал, таращил глаза в пустоту. Не выдержав понуканий отца, Голицын со слезами в голосе накричал на семью. Что именно он орал – люди в такие моменты не помнят, психика щадит их разум от разрушения. Но ответ отца он запомнил навечно:

– Что ж – оставайся. Уверен, одиночество твое продлится недолго.

Он быстро проел оставленные в квартире вещи – фамильные, золотые, не влезшие в родительские чемоданы. От бабушки оставалось столовое серебро, изготовленное в Италии бог знает в каком веке, и стекло тончайшей работы, дунешь – разлетится, а тронешь его – поет. Оно переходило из поколения в поколение, хранилось в длинных больших коробках, выложенных внутри бархатом. Бабушка занавешивала

окна, чтобы снаружи ничего не было видно, и тогда только открывала эти коробки. Теперь они пусты.

Декабрь прошел в голоде, январь еле закончился, и Голицын, пожалуй, был единственным, кто радовался новому, введенному большевиками календарю. Он проснулся не первого, а сразу четырнадцатого февраля, и с робкой радостью подумал: «А ведь и этот месяц я переживу! Половина уже пролетела...».

За стеной шумело уплотненное жилище. Ему оставили одну комнату, но предупредили, что, возможно, и здесь скоро отгородят угол, развешат мокрых простыней, расставят кухонной утвари, разбросают по полу грязного тряпья, вытравят буржуазный аромат «Ралле и Ко» пролетарским чадом семижды семи примусов.

Голицын оглядел свой бледный кабинет, свет вместо штор крали стопки книг на подоконнике. Ему вспомнился старый генерал, бывавший иногда у них в гостях. Василий увидел себя со стороны: ему не больше семи, он играет на оттоманке со спичками, выкладывая из них геометрические фигуры. В комнату заходит генерал, спрашивает позволения присесть, начинает рассказывать, что это не простые спички, и даже пообещал показать мальчику фокус с ними, но появился адъютант и доложил генералу:

– Ваше высокопревосходительство, вы назначены командующим в Маньчжурию.

Генерал крикнул, поднялся, разбросанные по оттоманке спички подпрыгнули ему вслед. Когда ноябрьской ночью Голицын шел провожать семью на вокзал, на разводном мосту их остановил седобородый мужик в овчинном тулупе. Он попросил огонька, и отец поднес ему зажженную спичку. В ее свете Василий узнал постаревшего генерала. Голицын вспомнил те самые «волшебные» спички. Они давно затерялись или были истрачены кухаркой, провалились в тартарары, как провалилась армия, страна, прошлое. Василий попросил на вокзале отца отдать ему эту коробку спичек, он был уверен: растерявший все генерал снова вдохнул в них порцию «волшебства».

Голицын достал заветный коробок из ящика стола, сжал его в кулаке:

– Все провалится, а я нет.

Гнал его из родного дома бродивший по Петрограду анекдот: «В анкете появилась обязательная статья – подвергались ли вы аресту, и если нет, то почему?»

В тот же день он собрал в два узла книги, снес их в места, где они еще имели цену, и укатил в Москву за лучшей долей. Его встретили, устроили на должность в Наркомпросе.

В ту пору над городом пронесся слух о «небесном знаменнии». По дороге со службы Голицын видел сам, как в морозном воздухе от заходящего солнца поднялся вверх огненный столб, перерезанный поперек другим лучом. Багровый крест нависал с запада. В очередях и курилках толковали:

– Немцы идут, скоро вернут нам крест, в Гатчине драгунские разъезды видели, на Фонтанке с аэропланов бомбы сбрасывали.

Голицын отчаялся: «Сидел бы дома! Чего понесло в Москву?», потом перевернул на свой лад: «Кого слушаешь, обывательщину серую? Это тебе знак – верно сделал, что уехал».

Он стал тянуться за обществом, в которое попал, посещать театр свежей формации. Новаторство с умопомрачительных афиш: «“Царские грешки” – фарс минувшаго в трех действиях с прологом. Главные

роли исполняют: балерины Пшесинской – актриса Рахманова, принца Ники – актер Емельянов. Снимать верхнее платье не обязательно».

Появления другого театра ждать было бессмысленно. Теперь здесь выступали даже циркачи. Вышел факир с провалившимися глазами, показал чудеса: совал себе в тело железные спицы, без крови прокалывал голые ноги и руки. Из ложи неслись возгласы работников чрезвычайки:

– А если его стрельнуть – врет, потечет с него, как с кабана.

Классическая постановка сопровождалась тишиной. Проникнутые революцией зрители не скрывали презрения к романтическому сюжету, музыка не звучала как военный марш, не взбадривала, храп заглушал оркестровую яму. Лишь самоубийство главного героя нарушило идиллию. Выстрел бутафорского пистолета на сцене встретил на галерке отклик: четыре по-настоящему грозных залпа. Зал омертвел, ждали продолжения стрельбы или объяснений. По рядам прошла весть: это утомленных чекистов разбудила сцена, они не собирались причинять вред – просто рефлекс.

В общей ложе судьба столкнула Голицына с будущей женой. На этом направлении он оказался одиночкой. Приятели его наслаждались свободными отношениями. Помимо продажной любви, жизнь наполнилась новой этичной нормой: женщина не обязана себя хранить для аморфного будущего мужа, к плотской любви надо относиться проще, с ней как с жаждой. Не все барышни поддались веяниям моды, но и приверженок оказалось достаточно. После свадьбы Голицын осознал: его жена из их числа.

Он сразу остыл в браке, меньше читал газет, перестал мечтать об иной, не большевистской прессе. Жена его была с неоконченным реальным училищем, но ему было о чем с ней поговорить. Она ушла от матери к нему в комнатку – выделенное Наркомпросом казенное жилье, и соседи им попались из бывших служащих, тихие, не скандальные. Лишь иногда донимал соседский четырехлеток Ромка, сын провинциальной актрисы Овчинской, переехавшей в пятнадцатом из охваченного войной Вильно. С нею ругалась вся коммуналка из-за бытовых раздоров на общей кухне. На шалости своего отпрыска Мина Йоселевна лила мягкий польский акцент:

– Вы, дражайшая, еще услышите о моем Ромуальде! Он станет скрипачом или танцором не хуже Нижинского! Вспомните и простите себе свою глупость, с которой сегодня так тщательно требовали его наказать.

Фамилия у ребенка была не материна – Кацев, и супруга часто жаловалась Василию:

– Нагуляла и бесится теперь. Мечтает, что он ее вытащит из нищеты.

По нескольку раз в неделю навещала чету Голицыных мать супруги. У этой женщины был еще сын, и она им вечно хвалилась:

– В отряде реквизиторов служит. После четвертого класса реалки Колька мой сразу в контору вышел. Знайте, Васенька, вы попали в образованную семью. Мы с мужем швейную мастерскую держали, четыре работницы у нас было, пол-Москвы обшивали, все честь честью... Да вот муж подкузьмил – умер.

Голицын смотрел на тещу и понимал, почему ее дочь стремилась выскочить замуж и съехать от своей матери.

Первомай грянул над Москвой новым знаменем. Одна толпа пришла к площади на митинг, вторая – поклониться чуду. За день до Первомайской ниши с иконами на кремлевских башнях затащили праздничным кумачом, а ночью в одном месте красная тряпка истлела, и выглянул

на свет Никола Угодник. Толпу разгоняли красноармейцы, стреляли поверх голов. В прессе дали вразумительное объяснение: «никакое не чудо, обыкновенным ветром сорвало красное полотно». Обыватель посмеивался:

– Разборчивый ветер, на одной башне только и ободрал.

В начале осени к Голицыну в Отдел изобразительных искусств, где он сидел на делопроизводительной должностенке, пришел товарищ:

– Вася, выручи – у тебя полномочия. Надо бы пропуск одной даме выписать.

Голицыну приходилось слышать, что «мешочная конституция» с каждым днем работает все хуже, мужиков, везущих из деревни в город сало, масло и хлеб, перехватывают в поездах красноармейские патрули, на вокзалах стоят заслоны. Мешочникам накинута удавка на горло, а заодно и голодающему городу. Но неделю назад вышло разрешение каждому «трудящемуся» свободно провозить полтора пуда продовольственных продуктов. Люди стали изыскивать способы покинуть Москву, Наркомпрос в этом деле преуспел: Голицын выписывал пропуска для этнографических исследований с пометкой «изучение кустарных вышивок». От него в этом многоуровневом процессе зависело немного, и он честно признался:

– Такая справка – не моих рук дело. Мне приносят их, я выписываю, что требуется, и дальше она течет по кабинетам, обрастает печатями, подписями, визируется.

– Но ты же знаешь процесс. Посули гостинцев или чего-нибудь там.

– Ха, а чем я буду отдавать? – усмехнулся Голицын.

– Поехали с нами. Я так и сказал этой даме: справку сделаю, но тоже еду по вашей справке.

– Теперь ты предлагаешь нам троим ехать по одному документу.

– Где двое, там и трое. В патрулях солдатня необразованная, они в этой справке один черт не разберутся, – стоял на своем товарищ.

День беготни по кабинетам увенчался заветной справкой. Вечером Голицын сообщил жене, что отъедет на несколько суток, а уже очень скоро в их комнатке торчала теща:

– Справку надо выправить наново. Этой барыньке все одно куда ехать, вышивка, она везде одинаковая, а нам с тобой, Вася, надо в Тамбовскую губернию. У меня там на станции Колька в реквизиторах. Три раза ездила: уж почет-то мне там у него на пункте – ей-богу, что вдовствующей Императрице! Сахару-то! Яиц! В молоке только что не купаются! Четвертый раз поеду.

Голицын еще день обивал пороги. В конце новой справки стояла незначительная приписка: разрешается вольный провоз одиннадцати пудов пшена. Через день встретились на вокзале все четверо: Голицын с тещей, его товарищ и «барынька». На ней была простенькая шляпка, дорожное платье, и полные руки сумок – текстиль в обмен на продукты.

Вокзальная толкотня, скабрзности со всех сторон. Вульгарного вида дамочка просила закурить у матросика, тот бросал ей с ухмылкой:

– Есть у меня одна папиросина...

Дамочка возмущалась:

– Двадцать первая? Спасибо, курите сами.

Деревенский мужик, расторговавшийся или ограбленный на вокзале заградотрядом, обводил ошарашенно несметную толпу:

– Неужто все они поели?..

Он впервые видел такую пропасть народа, с младенчества знал цену каждому зернышку: чтоб одну семью прокормить, сколь работы нужно, сколь трудов. На его сорокалетнем веку голод приходил в деревню не раз, но все эти разы город не знал голода. Теперь они с городом поменялись.

На углу вокзального буфета безжалостно рвали гармошку:

Девочка лет пяти спрашивала у матери выхваченную в толпе фразу:

– Мам, а что такое «дойти до ручки»?

– Раньше были такие калачи, работные люди в обед брали калач немытой рукой, объедали его, а испачканную ручку от калача бросали бездомным собакам... или нищему.

– Хлеб выбрасывали? – не верил своим ушам ребенок.

Время шло медленно, словно у него недоставало одной ноги. Долгая проверка документов, толкотня и бабьи визги в переполненных вагонах. Вот-вот отправка, тревожное нетерпение... заветно лязгнули буфера и... поезд встал. Вагон – мертвый гроб. И через минуту крики, толкотня, угрозы:

– Освобождай, сказано! Вагон для Красной Армии! Фронты трещат, как худые штаны, с юга Краснов напирает.

Билеты, разрешения, справки, командировочные листы – все по боку. Перед самой отправкой товарищ Голицына бегал с документами от вокзального коменданта обратно к вагону, вытирал на ходу пот, покрывался багровыми пятнами и в последнюю секунду затолкал всю «делегацию» в вагон.

Красноармейцы в полной сбруе: манерки, котелки, вещмешки, оружие, брезентовые и кожаные ремни. На скамейках теснота. Махорочный дух, смрадный пот, сыромютное амбре от мокрых ботинок. Их четверке выделили уголок и два диванчика. Сели друг против друга, теща с «барынькой», Голицын с товарищем. Солдатский гомон через версту стал стихать. Часто бьющее сердце Голицына – замедлилось. Тихонько разговорились, верховодила теща:

– Уж три раза ездила – Бог миловал. И белой пуда-ами! А что мужики злобятся – понятное дело... Кто же своему добру враг? Ведь грабят вчистую! Я и то уж своему Кольке говорю: «Да побойся ты Бога! Ты сам-то, хотя и не из дворянской семьи, а все ж и достаток был, и почтенность. Как же это так – человека по миру пускать?» Потому что, барышня, у каждого своя планида. Ах, вы и не барышня? Ну, пропало мое дело! Я ведь и сватовством промышляю. Такого бы женишка просватала! А муж-то где? Без вести? И детей двое? Плохо, плохо!

Глаза «барышни» округлялись, только теперь она стала уяснять, куда едет и в качестве кого. Она стянула шляпку, показались коротко стриженные волосы, по-новому открылись зеленые глаза. В них мелькнуло что-то знакомое Голицыну, будто видел он этот портрет раньше. Василий тихо спросил у товарища:

– Ты ее откуда знаешь?

– Дочь директора Музея изящных искусств, – так же тихо ответил тот.

Трещала теща:

– Так я сыну-то: «Бери за полцены, чтоб и тебе не досадно, и ему не обидно. А то что ж это, вроде разбоя на большой дороге». Пра-аво! Оно, барышня, понятно... Что это я все «барышня», – положение-то ваше хуже вдовьего! Ни мужу не жена, ни другу не княжна!..

Голицын скользил взглядом за окном, но то и дело возвращал его в вагон, к дивану напротив себя. Иногда он касался коленкой платья «барышни»: «Что бы было, будь она из Петербурга или я родился в Москве? Встретились бы, смогли дружить?» Память затуманивалась монотонным вращением колесных пар, хотела заровнять неловкие выпуклости, бугры врожденного уродства.

Поезд застопорил ход. Станция была некрупная, с миленьким вокзалом, почти не загаженным. Солнце сбросило мутную шелуху туч, сияло золоченой луковицей. Ходили за кипятком, больше достать было нечего, торговки повсюду разгоняли, обвинив в спекуляции – изымали товар. Государство объявило монополию на жизненно важные продукты. Только оно могло их перемещать, закупать, реквизировать и распределять.

Голицын раздобыл свежую «Правду»:

К расстрелам.

Вслед за столицами, гулким эхом лозунг дня о красном терроре раскатывается по городам и селениям Советской России. Из ряда местностей сообщают длинные списки своих знаменитостей. С ними сходит в могилу черное прошлое России. Освобождаясь от этих пленников, мы отдаем только некоторую дань человеческой справедливости.

Голицын нервно свернул газету. После жуткого наплыва стилистических ошибок в статьях накатывала тошнота. Он пристально поглядел на «барышню», набравшись смелости предложил:

– Не хотите выйти на перрон, прогуляться?

Она заметно растерялась, но было видно, охотно бы приняла предложение:

– А успеем влезть, когда поезд поедет?

Поначалу она боялась покидать перрон, потом – отходить далеко от поезда. Голицын убеждал, что опасности нет. Разговора не выходило. Василий хотел спросить ее о прошлой жизни, но понимал: воспоминания о благополучных временах вызовут только тоску у обоих. Со стороны налетали жалобы мешочников:

– Чего это я должен хлебец отдавать? Да пусть он хоть вымрет, город этот! Мне что с него проку? Ни карасину не шлет, ни мануфактуры.

– Нынче времена, что любая крыса кошку поборет. Кошка от голода полудохлая, а крыса с падали – нажиревшая. Кошка добрая тикать, а крыса лютая – пировать. Вся Россия с ног на голову стала.

Голицын переваривал известные истины: «Большинство отправились грабить, оружия стало вдосталь, а слабый духом и телом, вроде меня, остался дома. Он перестал сеять, не выкармливают скотины, потому как спрятать надежно продукты не может, а в одиночку съесть ему не дают, он просто не успевает, приходят отряды опричников».

Спутница его внезапно разговорилась:

– Я давно мечтала оказаться в глубинке, в этаких древних углах, где вам без тени лукавства покажут клок рыжей шерсти и станут утверждать, что она принадлежит домовому.

– О, про домового я слышал от кухарки, – подхватил Голицын. – Увидеть его можно в Великий четверг, понести ему творога. Так она и сделала. По ее словам, видеть его не видела, а только ощупала – мягкий.

Спутница Голицына прыснула и тут же грустно вздохнула. Василий заметил, что смех ее вымученный. Изящно ставя ноги, она говорила:

– В пять лет я впервые испугалась по-настоящему, увидела непонятное... Он был голый, в серой коже, как дог, глаза бесцветные, безразличный и беспощадный. Я назвала его «Мышатый». Он стал приходить чаще, уже не пугал меня. Со временем я закрыла икону в своей комнате портретом Наполеона, у которого были такие же глаза, как у Мышатого. Отец увидел – возмутился, попросил вернуть икону. Не помня себя, я схватила тяжелый подсвечник и приготовилась защищать свои владения. Отец молча отступил... Бог был чужой, а Мышатый – родной.

Голицын хотел уточнить: как именно она его увидела, но сдержал себя, боясь спугнуть вопросом ее вдохновенную улыбку, ее милое лицо. Он живо и с легкостью представил свою спутницу в новых реалиях – выносящую помойные ведра, в старой робе, с раздувшимися от работы руками. Василий боялся взглянуть на нее, стал тяготиться присутствием этого безумно ранимого, ничем не защищенного существа.

Голицын перешел на другой говор, более сокровенный:

– А я помню, как впервые услышал купальские песни. Мы гостили в Тверской губернии, имение стояло на бугре, внизу текла речка. Была лунная холодная ночь, я проснулся и с ужасом прислушался к далекой ведовской песне. Женские охрипшие голоса врозь с мужскими. Голоса скакали, крутились, били, а я не мог пошевелиться, не мог натянуть подушку на голову, позвать на помощь или убежать к маме... Я только слушал.

Спутница, казалось, его не воспринимала, толковала о своем:

– Думала, настанут благоприятные к поездке времена... А они никогда не вернутся, как моя сломанная шарманка – никогда не будет петь. Знаете, я нашла ее в одном антикварном магазине, тут же купила, надеялась, что со временем починю... Даже не давала Але с ней играть...

У Голицына жалостью скомкалось сердце. Впервые за многие месяцы ему стал виден кто-то кроме него самого. Она отчего-то пустилась в веселое прошлое:

– Перед войной я попала в экспериментальный столыпинский поселок. В ночь под Ивана Купалу начальство подписало кучу бумажек, отпустило сажень дров на купальные огни, земство готовило праздник. Из окрестностей сошлись люди, по деревьям развесили фонарики, сколотили сцену, гирляндами из березовых веток убрали стены домов, пригласили оркестр. По берегу запылали костры, и девушки мчались, прыгали через них, но всем было ясно, что праздник испорчен всей этой казенщиной. Из темной реки выходил ряженный водяной, рыбаки щупали его и ухмылялись. Дети, наряженные чертенятами, летучие мыши... И старики, и молодежь видели, что все фальшиво, чиновничий бред вместо обряда. Бездушная штамповка заслонила народную толщу. Так что я завидую вам, вы слышали настоящие купальские песни...

Она нагнулась, подняла круглую стекляшку из выбитого пенсне:

– Смотрите, перегородка между чьим-то внутренним миром.

Голицын подумал: совершилась ли здесь над кем-то расправа, или пенсне обронил в дождь провинциальный землемер, шедший со службы к дому.

Перед ними стелилась голая степь, в нее уплывали рельсы, солнце садилось. Они далеко ушли от станции, понимали, что пора возвра-

щаться, но не могли повернуть, ведь тогда снова открылся бы дикий эшелон. Она провела рукой по воздуху, словно нащупывала горизонт:

– Дорога вытянута гитарным грифом. Вместо семи струн тянутся четыре – близнецы-рельсы. Шпалы вместо ладов... Не верится, что на этом бесконечном «грифе» все те же консервативные семь нот. Знаете, мой знакомый любит музицировать у себя на даче. Его флейте однажды стал подпевать соловей... Он следовал вверх и вниз, вслед за инструментом, пытался подражать, держал тон. Я сама слышала... Мы не знаем себя, и больше того – не знаем природу.

К станции они возвращались в сумерках. Уже совсем бы стемнело, но луна перезрелой дыней выкатилась на горизонт. Высохшее дерево захватило ее в цепкие лапы, впиваясь когтями-ветками, но на самом деле – заботливо покачивало на ветру.

2

Ледяной ветер со взморья. Глыбы льда, навороченные гигантской силой. Заметенные по горло парадные. Не разобрать – где мостовая, где тротуар. Обезтрамваевшие улицы. Балконы, карнизы, статуи, лепнина и любые уступы на домах заросли снегом. Голые фасады с вывернутой из кирпича торговой вывеской и рекламой, ржавые крыши. Стеклопакеты заколочены горбылем, кривыми щитами. В окнах не моргнет огонек, они затянуты одеялами.

Летела скрипучая метель. В хороводах ее пряталась худая старуха. То кривя уродливую личину, то злорадно хохоча, била оглоданной костью об подоконники, в заколоченные двери, безносую рожу плющила о мутные стекла, подолом рваного савана стегала по трепетавшим воззваниям. Они покорно шелестели, а старухе и дела нет, ее силами промерз и скрючился растерявший великолепие столичный град.

По вытоптаным в белых барханах тропам шатались люди-призраки, безмолвные и худые. Их музыка – хруст кофейных мельниц, моловших пайковый овес.

Василий Голицын не бывал здесь ровно год. В то время город выглядел скверно, сейчас вид его леденит кровь в жилах. Исчезли дворники, стоявшие раньше на мостовых через каждые две сажени, сгребавшие лопатами снег и топившие его в снегоплавильных печах над ливневыми решетками. Голицын думал: «Москва так же застыла в недоумении, в страхе за жизнь. Взять хотя бы декабрьский приказ – снять все вывески. Их там такая пропасть, и они такие громадные, а как крепко прибиты к стенам. С грохотом валились под ноги, на тротуары, может, и убило кого. Стены домов оголились, углы вывороченные, карнизы и окна разбиты. Вид – точно после пожара. И что этим достигли? Использовать железо в дело при варварском сдирании нельзя, оно исковеркано, никуда не годно. Только портят и само железо, и кирпич, и штукатурку, и окраску домов. Нет теперь пошлых названий: “Братья Васюки”, “Сукин и сын”, город одинаково гол, сер и нищ».

Парадная, как и ожидалось, была заколочена, наглухо замечена. На обледенелых ступенях черной лестницы можно было убиться. В пролетах выросли желто-грязные сталактиты – ватерклозеты давно не работали, у ослабевших людей не хватало сил выносить помойные ведра в ретирадники*.

* Ретирадник – дворový клозет для прислуги.

Голицын взобрался на нужный этаж, долго стучал в дверь. Из квартирных глубин донеслось слабое шевеление, долго шарили по двери слабые руки, открылся васисдас*, за его стеклом вялый свет, в нем неизвестное лицо.

– Виноват, тут жили Дубинские... Дмитрий Павлович... Вы?

Дверь отворилась:

– Нет, Вася, это я. Папу схоронили осенью.

Голицын обнял хрупкое тело так и не узанного приятеля:

– Это свет, наверное, так падает.

Дубинский отстранился, пряча виноватое лицо. Внутри квартиры стоял такой же зверский холод, что и на улице, Голицына обдало духом ледяной пещеры.

– Ты здесь живешь?

– Нет, не здесь. Пойдем, – поманил его Дубинский и зашаркал в глубину темной бездны.

Жуткий голубоватый свет в дрожавшей руке, рождаемый огарком, слепленным из лоскутьев, вервья и жировых отходов, выхватывал нагромождения массивной мебели, закоптелую посуду, покрытые наростами пыли волны гардин. Тускло блеснули зеленью глаза жестяной кошки, вмурованной в тело ослепшей лампы. Дубинский при ходьбе держался за полированные стенки комодов.

Они прошли в обширную залу, здесь когда-то пиновала их компания, праздновала первую революционную Пасху. Голицын часто вспоминал тот вечер: Петр клялся, что уйдет добровольцем на фронт, Щерба ему вторил, а Виктория собиралась убежать из дома и записаться на курсы сестер милосердия. У всех сбилось, наверное.

Посреди залы из огромного ковра был скручен шалаш – дом внутри дома. Дубинский откинул ковровую полу:

– Ныряй скорее, не расходуй тепло.

Голицын проворно заскочил в низкое логово, у самого хозяина получилось не столь ловко. Внутри оказалась железная печурка, с выведенной в крышу палатки трубой, а там, в свою очередь, труба железным горлом тянулась к заваленному перинами окну. Печурка пережевывала осколки мебели, слабо потрескивая.

– Аркаша, тебе надо уезжать отсюда, – распаковывая сумку с сухарями, немедленно начал Голицын. – Ты либо устроишь пожар, либо угоришь в своем шалаше.

– Куда мне ехать? – возразил Дубинский слабой улыбкой фаталиста.

– Ко мне, в Москву. Ты знаешь, после годовщины Октября началась выдача всем, без различия категорий, праздничного подарка: полфунта подсолнечного масла, конфеты, по два фунта хлеба и рыбы. День и ночь у лавок нескончаемые хвосты стояли. Всем хватило.

– Без гроша и Москва – вша.

Голицын нашарил сухарь:

– Но там ведь жалование, там теперь столица, служба.

– Всего лишь временная вежливость, из которой торчит виселица.

– У тебя есть в чем согреть кипяток? Давай размочу сухарь.

Аркадий взял угощение, стал осторожно сосать потревоженным цингой ртом, шамкал и причмокивал:

– Подождли Россию и наблюдают, сидя в башне из слоновой кости. Чувственно напевают «Крушение Трои». Мы вымерзаем квартирами,

* Васисдас – проделанное в двери окошко.

наши трупы несут не на кладбища, а в зоосад, на прокорм гиенам. Вместо опустевших скотобоен работают сырые подвалы, там теперь скрипят производственные лифты, вынимают кровавые туши на свет. Недавно расстреляли профессора Никольского. Имущество и великолепную библиотеку конфисковали. Жена его сошла с ума. Остались дочь восемнадцати лет и такого же возраста сын. Его потребовали во Всевобуч, там комиссар ему с хохотком объявил: «А вы знаете, где тело вашего папашки? Мы его зверькам скормили!» Еще не подохших жильцов Зоологического сада кормят свежими трупами, благо Петропавловская крепость близко. А у вас в Москве не так?

Голицын не отвечал, хрустел щепками, укладывал их на слабый огонь. Дубинский не умолкал:

– Слышали у вас в Москве про «китайское мясо»? Не все трупы из Чрезвычайки отдают в зоосад, какие помоложе – утаивают и продают под видом телятины. Скот на Руси перевелся, зато человеческого материала вдосталь. Говорят, на Сенном рынке поймали китайца, торговал мясом. Один доктор купил «с косточкой», узнал в ней человечью. Понес в ЧК, ему там очень внушительно посоветовали не протестовать, чтобы самому не попасть на Сенной.

Голицын отыскал в наваленном хламе небольшой чайник, бутылку с водой, колдовал в печной утробе, раздувал угли, почти не слушал приятельский бред:

– Тебе надо к доктору. У тебя ноги, десны... да и общая слабость организма.

– А зачем? – не выпуская сухаря изо рта, шамкал Дубинский. – Все равно городу быть пустым. Стояла на этом месте шведская Ландскорона, русские ее разрушили и возвели Невское устье. Шведы выстроили Ниеншанц, пришел Петр и снес его, поставил Шлотбург-Петрополь, свой выстрадавший парадиз – русский парадоксальный рай. Нынешнему городу выпал долгий век – две сотни лет, и вновь здесь будет пустыня, только останется торчать из болот Александрийский столп.

Глаза Голицына слезились, когда он дул на угли, покашливая, разгонял в стороны наползавший из печного зева горький туман. Тоску и дурные мысли приятеля Голицын пытался отпугнуть своим оптимизмом:

– Большевики расстарались по осени ради праздника. Красную площадь, Воскресенскую и Театральную украсили громадными плакатами, лозунгами по шаблону. Были щиты, исполненные очень талантливо, но преобладали футуристы. Мазня не веселящая, а устрашающая. В сквере против Большого театра даже кусты, сбросившие листья, раскрасили ярко, разноцветно. Наскоро налепили памятников, бесчисленных шатров, трибун и киосков. Флаги, прочая мишура.

Баюкая Дубинского ласковым голосом, внутри себя Голицын думал: «До вокзала я его не дотащу, надо подправить на месте. Но чем лечить? В городе не осталось никого из всемогущего прошлого».

Аркадий дождался едва вскипевшую воду, опустил в кружку обсмоктанный сухарь. Хлебнув, немного окрепшим голосом заговорил:

– Живого человека я видел неделю назад. Он не узнал мою опухшую морду и сказал: «Эта зима самая лютая за всю историю метеонаблюдений». Я с ним заспорил: морозы не такие бывали, просто топить нечем. Вот у меня весь дом завален мебелью, но продавать дрова нельзя, они, как хлеб, – товар «нелегальный». Само собой, и покупать не разрешается, за это тоже: попадешься, не обрадуешься... На Пантелеймоновской собралась толпа возле дома, там арестовали человека, раздававшего

свою жену на пропитание... Мы теперь как Израиль: вышли из Египта, а до Палестины дойдут лишь наши дети.

– Брось, не ворчи, – истратил доводы и терпение Голицын.

Дубинский отставил порожнюю кружку, медленно укладываясь на бок, скрипел:

– Я тебя утомил своим нытьем, Вася, понимаю. Если в сухарях есть жизнь и они вернут в мои кости хоть каплю силы, я выведу тебя в здешний свет. Питер умрет, когда здесь перестанут читать стихи. Можешь удивиться – их до сих пор читают. Собираются призраки, вроде меня. Женщинами не интересуюсь, стали импотентами, а у них пропали месячные.

Скоро Аркадий уснул. Голицын провел в поезде беспокойные сутки, почти не смыкал глаз. Он долго гнезвился в ворохе покрывал и подушек, ворочался, снова колдовал над затухающей печкой, колот ножом щипки, вылезал из палатки с зажженной лучиной, бродил по замороженному гроту, потерял счет времени, не мог понять – почему так долго не настает утро? Подойдя к задрапированному одеялом окну, оторвал плотно подогнанный край. В комнату упал бледный свет. Голицын испугался его, снова прикрыл окно, обратив просветлевшую и оттого страшную комнату обратно в пещеру, в первобытное логово. Тихо собравшись, он прокрался к двери, уходя, подложил обувную щетку, чтобы дверь не захлопнулась.

Редкие прохожие, человеческие тени. Красноармеец на углу спросил «документ». Жалкое лошадиное копыто из сугроба, обрамленное заиндевелой шерстью, все, что ниже копыта, – оглоданная людьми и собаками кость. Хотя врут, что уже и собак в городе не осталось.

Около учреждения – мобилизованные из «бывших» людей: старик в измазанной шубе; женщина с серым лицом; из-под длинного края пальто стелется ряса священника – выеденный взгляд, проседь в бороде. Вяло долбают лед, таскают глыбы на носилках, чистят вход в подвал. Конвойные болтают:

– В Москве запретили им пользоваться лошадиными силами, так они тогда наняли себе верблюда из зоосада.

– Молодцы, ловко обошли декрет!

На углу торговка, выложила на застеленном холстиной ящике еловые ветки.

– С Рождества, что ли, здесь? – удивился Голицын.

– Что ты, милый, – растянула худую улыбку прибывшая из деревни баба, – это не для веселья. Отвар с елки для лекарства. От цинги, против куриной слепоты – первое средство.

Голицын поворошил лапник, будто что-то понимая в товаре, узнал цену, полез в карман за деньгами:

– Не гоняют тебя?

– Отцы-святители, хоть на это запрет еще не наложили, – порадовалась торговка и тут же шепотом:

– Хлебца хоть чуть нету? Я царскими заплачу.

– Откуда? – обиделся Голицын.

– Известно: у нас хлеб гребут, для вас, городских, пайками раздавать.

Голицын упрятал за пазуху еловый лапник, виновато нагнул голову, пряча от торговки свое сытое по питерским меркам лицо.

Через два дня Дубинский решил на выход из своей пещеры. Помогли сухари или горький отвар из елки – не имело значения. Он покорно дал Голицыну выскоблить от щетины свои щеки, не возражал против

стрижки, мытья головы и шеи, согласился сжечь кишевшее насекомыми белье.

Под сводами бывшего дворца, на скорую руку перекроенного в новый университет, собралась публика. Много бывших, не уехавших за границу, не вымерших в ледяных квартирах, не растерявших жизненной жажды:

– Думаю: а вдруг за это время назначат какую-нибудь неделю бедности или, наоборот, неделю элегантности, и все мои вещи конфискуют? Попросила заявить, что сундук пролетарского происхождения, принадлежит бывшей кухарке Федосье. А чтобы лучше поверили и вообще отнеслись с уважением – положила сверху портрет Ленина с надписью: «Душечке Феничке в знак приятнейших воспоминаний. Любящий Вова».

Среди них – люди новой формации, нарождающаяся интеллигенция со своими пережитками:

– Генерал был так себе, невзрачненький, но голос командирский имел. Бывало, как чихнет, так у мамзели ихней аж собачка под себя мочилась, а один раз даже померла со страху, сердечко воробьиное лопнуло.

– Англичане высадили в Баку стада обезьян, обученных правилам военного строя. Их нельзя распропагандировать – у нас на обезьяньем пока не говорят. Вот с этими обезьянами в войсках может выйти заминка.

Кто-то озабоченно качал головой, другие прятали робкие усмешки и дивились святой наивности. В уголках потемнее – глухие разговоры:

– На днях схоронили Засулич.

– Враки. Что-то я не слышал о похоронах.

– Померла в нищете и забвении, оттого и не слышал никто.

– А я вчера встретил старого инвалида, шагает на костылях по Невскому, из узелка хвост ржавой селедки торчит, пригляделся – Кони. Ведь я его не раз на процессах видел, да и открытка у меня есть... Стал похож на убогого нищего.

– Старик читает лекции о праве новым юристам, трудится за паяк.

– Говорят, дочь Пушкина скончалась в полном одиночестве, в маленькой комнатке Собачьего переуллка.

– Чему удивляться – молодые-здоровые мрут, а тут старушка вековая.

– Уехала в Москву, спасалась от голода. Луначарский ходатайствовал и выбил ей денежный пансион, но власти так долго совещались, что первую пенсию принесли ей в день похорон.

Голицын видел хрупкую старушку на Тверском бульваре, на скамейке у памятника ее отцу. Говорили, она проводит здесь все дни до самых сумерек, всегда на одном и том же месте, и в дождь, и в снег, а приют ей дала сестра бывшей горничной.

Среди публики – сонмы неизвестных поэтов: вышедшие из прошлой сытой жизни, увлеченные декадансом и прочей мистикой, ненужные слушателю ни тогда, ни сейчас. Между ними роились новые – пролетарские, крестьянско-батрацкие. Они сменяли друг друга на сцене, взаимно пыжились перед собратями по перу и аудиторией. Стулья в зале пустели, по рядам бродило:

– Не расходитесь, в конце обещают выступление звезды.

– Где же мэтр?

Очередной чтец, чье ухо резанула эта дерзость, оборвал недочитанный стих, ушел, гневно топая башмаками. Сцена долго оставалась

пустой, за кулисами слышался небольшой шум и настойчивые уговоры. Ведущий в буквальном смысле вытолкнул на сцену человека с худым породистым лицом и сведенными вверх, как у Пьеро, печальными бровями. Немногие узнали в нем мэтра. Залу покрыли ровные аплодисменты, похожие на шум ночного дождя.

Мэтр долго молчал, поглядывал вбок и, видно, рассуждал про себя: можно ли уйти, вовсе не начав? Дома его ждала жена, он думал о ней: «Бедняжка, старается прокормить меня, не пожалела пяти сундуков своего актерского гардероба, коллекции старинных платков и шалей, обожаемой нитки жемчуга...».

Из зрительских рядов повелительно закричали:

– «Двенадцать»! Даешь «Двенадцать»!

Мэтр перебирал на месте ногами, молчал, потом вздохнул, – в зале повисла тишина. Он грустно сказал:

– Стихи о России.

Опять долгое молчание. Публика потеряла терпение, начала возмущаться, даже оскорблять поэта. Тогда он вздернул голову, зала притихла.

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою...

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у царских врат,
Причастный тайнам, – плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Залу окутала могильная тишина. И те, кто что-то смыслил в поэзии, и те, кто никогда не думал об «этих глупостях», понимали – мы никогда не вернемся назад. В стихах не было никакой надежды, но все уверяли себя: это отчаяние и есть самая настоящая надежда.

За окном носилась метель. Оглоданной трубочатой костью погромыхивала безносая старуха. Ангел Питера взирал со столба на выжженные морозом и метелями улицы, на дикий танец безумной старухи. Смотрел, не меняя каменного лица. Над метелью, над голодом, войной и разрухой, с заплатанными полотняными крыльями и небритым лицом плыл скорбный Ангел. Ронял соленые льдинки на Россию. Ведь должен же быть Ангел и у нее. Иначе как она выстояла?

3

Забитые уличной грязью, не метенные два года торцы мостовых с кустистой травкой. Торчат из наслоений человеческой жизни обрывки ветхих, чудом не истлевших воззваний: «Вся власть Учредительному Собранию!». Вековая пыль на окнах, в уступах лепнины, богатого фасадного декора. Выплывшая из невских глубин Атлантида, затерянная античность, так и не отмытый музейный экспонат, для антуража покрытый запустением.

Аркадий Дубинский тащился домой с фронта под Ямбургом, где рыл окопы. Ничего не изменилось, город остался прежним. Серый от камня, глухой и пустынный. Бледное солнце светило вполсилы, смотрело на горожан меланхолично, как старушка через лорнет.

Зимой Аркадий был близок к смерти, но приехал друг из Москвы, поставил его на ноги, хотел увезти с собой или устроить на службу с хорошим пайком. Дубинский за все его благодарил, уверял, что сам устроится и теперь не пропадет. С весны он мытарил по работам.

Все население разделили на три категории: люди, занятые физическим трудом – советское дворянство; занятые интеллигентным трудом – бессловесные трутни; и ничем не занятые – буржуи.

Пережившие страшную зиму жильцы собрались для выборов комбеда, товарищ Шкорбан предложил поднять руки всем принадлежащим к первой категории, а остальным – удалиться. Это и было «всеобщее, прямое, равное, тайное голосование», за него так отчаянно бились поколения Дубинских и прочих фамилий, ради этого вот «народоправства».

Война подползала к Ямбургу и Гдову. Появились радостные лица на улицах, по городу прокатилась эвакуация, сновали автомобили, гремели грузовики. На фронте не хватало военных и рабочих рук. Дубинскому выдали ношеную форму, зачислили в землекопную дружину. Он ехал в трамвае, в грязном, залитом подсолнечным маслом обмундировании, с интересом ловил на себе ненависть и презрение – защитник палачей, воров и убийц. Люди ничего не смели сказать, пикнуть не могли, а глаза их говорили. Совесть Дубинского спокойна, всего лишь землекоп, у него нет шпаги, и он не продал ее Бронштейну.

Аркадий попал в деревню Завалинку, отдыхал в ней до войны с родителями. Пошел побродить по знакомым местам. Покинутые, густо рассыпанные дачи, церковь в парке, кладбище, пруд, где купались в то лето. Грустно пошел назад, к теплушкам, по единственной улице. У дома сидел крестьянин, пригляделся:

– Слушай-ка, барин, да ведь ты бывал здесь у нас... Ну, здравствуй!

Как кулаком ударило по душе «барином» – бросился бежать без оглядки, решил прогулочки свои прекратить.

Желудок Дубинского с утра оставался пустым, но не «наигрывал вальсов», не клячил еды. Он покорно ждал, когда хозяин соизволит чего-нибудь закинуть внутрь себя, будто на дно тюремной ямы. Свыклись не с голодом – к чудовищу нельзя привыкнуть, свыклись жить впроголодь. В кооперативных лавках даром выдавали порции мокрого хлеба, нюхательного табака, каменного мыла, но попробуй потолкайся в километровой сутолоке за этим богатством – на голодный желудок не выстоишь.

Впереди него шла худая тростиночка, покачивалась от слабости. Развалившиеся боты, жалкое пальто, ужасная шляпа. Она приостановилась, сбросила на гранитный панцирь свою ношу в мешке. Дубинский приблизился, разглядел подробности лица: нос с горбинкой, стриженная челка, шея, созданная для гильотины, туманный северный взгляд. Даже в этих обносках ее невозможно с кем-то спутать – пылающую звезду северной Пальмиры, теперь не светившую ярко, едва тлевшую. Говорили, что она торгует пайковой селедкой и на вырученные деньги покупает своему новому мужу чай и курево – без них он не может существовать. Он у нее гениальный ученый с багажом в 52 языка, половина из которых древние – вымерших цивилизаций.

Дубинский видел на поэтических вечерах этот гордый взгляд: обладательница его будет гибнуть, но пощады не попросит. Она и сейчас его не утратила.

За углом стояла старушка, Дубинский быстро протянул ей свернутые в жгут купюры:

– Мамаша, такая беда у меня... отдай это вон той дамочке, что за углом стоит... От меня она брать не хочет... Возьми там себе из них, сколько нужно, за услугу...

Старушка оказалась сообразительной, быстро закивала, скрылась за углом:

– Возьми, Христа ради, не отказывай мне...

Дубинский ускорил шаг, не видел, как она поглядела вслед уходящей старушке, убрала ее подарок в карман и взвалила неполный мешок с картошкой себе на плечи. Ее шатнуло силой мешка, она туманно подумала: «Скоро стану на четвереньки и завою». В глазах ее качнулись фасады домов, золотая надпись на одном из них – Anno Domini.

Перехватив мешок надежнее, она сделала шаг. Вместе с ним попыталась отогнать дурные мысли, вспомнить иные миры и времена.

...Шумный вечер в «Собаке», приятель с милыми тонкими бровями каламбурит:

– Знаешь, почему мама назвала Антиноя именно так? В младенчестве он мало плакал.

Всего три года назад... Как там он нынче? Все больше болеет, все меньше появляется на людях. Из сожженного имения ему прислали крохотный конверт с черновиками его стихов, на них следы человеческих копыт – все что осталось от богатого наследия. По слухам его тоже уплотнили, подселили матроса. Как съязвила одна не совсем умная женщина: «Надо бы двенадцать». Ей хорошо любить родину издалека, она эмигрировала и теперь может шутить про наши порядки...

А тот подселенный матрос, естественно, шумит, поет и пьет, мешает матери хозяина квартиры. Он пытался утихомирить матроса, но мать не позволила: «Саша, разве ты не слышишь? В его пении такая нежная душа». Сам он раньше восхищался музыкой революции, а теперь жалуется, что она исчезла.

Последний раз слышала про него, будто ночью он нес за пазухой кирпич хлеба, получил поленом по голове на черной лестнице, не дойдя до дома ступеней десять-двенадцать. Хлеб из пазухи вытащили. Теперь его головные боли совсем не проходят, и музыка революции оттуда выветрилась. Верховные жрецы – Горький с Луначарским – пытаются его спасти и пристроить в Москву на лечение. Может, там чего-нибудь напишет.

Хотя лебединая песня спета, революция его оглушила...

Я тоже не напишу... После «Вечера литературы» в Доме искусств это невозможно. «Первая категория» уже вытесняет наши имена своими псевдонимами: Голодный, Бездомный, Бедный, Оболдуев. Один такой псевдоним увидел на вечере даму в платье с открытыми плечами, обмакнул палец в чернила и «скорописью» размашисто набросал ей на спине слово из трех букв.

Они зывают пролетарским кличем: «Пора отказаться от мертвой буржуазной писанины, от приемов и оборотов речи, от всей этой гимназической шелухи. Нам не нужен сыр бри, нам нужен ржаной крестьянский хлеб!» А у нас нет ни того ни другого. Нас высосали до дна, осталась только тошнота и дряблая кожа...

Мы научились попирать скудные законы бытия, «дух торжествует над плотью», но невозможно вечно не обращать внимания на голод.

Как там мой Гумильвеноч? Нынче и деревня постится...

Бывший франт и щеголь, бывший муж, ходит теперь в рваных ботинках, в пиджаке с заплатами на спине – клошар, чучело. Мы все превра-

тились в чучела из кунсткамеры, там тоже мумии со стеклянными глазами. Отголоском прошлого пиджак его укрывает шуба из убитого им в Абиссинии леопарда, всегда распахнутая на груди даже в лютый мороз. Однажды зашла к нему, навестить от скуки: квартира полна крысами. Пыталась ему объяснить, как от них избавиться, но он ответил, что крысы у него домашние, а с одной так и вообще за лапу здороваются. Сидел у едва тлеющего камина – экономия во всем, читал горничной стихи по-французски. Старая горничная, осталась и не покинула его то ли из жалости, то ли потому, что даже ей некуда идти, чистила ему картошку, и они оба мечтали, что наступят времена без большевиков, когда Коля разбогатеет, станет есть на ужин жареных уток и купит себе аэроплан.

Недавно услышала историю о нем и поняла, за что любила этого человека. На одном вечере он читал перед матросами – верной гвардией революции:

Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.

В зале повисла полная тишина, он сложил руки на груди и ждал: вот на него кинется стая африканских львов, разорвет в клочья, как рвали год назад в подвале Ипатьевского дома его государя... Тишина сменилась громом аплодисментов... Помогла бы эта нестигаемость выжить нашему Гумильвенку...

Дубинский притормозил на углу, перевел дух. Из водосточной трубы ему под ноги тонкой струей бежала вода. Солнце устало глазело из-за облака, по трубе стекал скопленный за ночь конденсат.

Мимо шел странник, с трудом пытался вкатить тележку на горб Тучкова моста. На ней письменный стол, два кресла, скрученный в рулон ковер и этажерка. Вид, как и у многих в городе, – измученный: легкие изношено свистели, сам еще не старый, под нижней губой спрятана родинка. Одинокий Сизиф среди пустого города. Дубинский пошел к мосту, хотел подтолкнуть тележку сзади, но подъем закончился, путник легко пошел под уклон.

Тишину расколол цокот конских подков из-за канала. Подпиравшие балкон наяды с любопытством смотрели на долетевшие к берегам Невы степные волны, гуннское тысячелетнее наследие. Ехала по улицам защита и надежда революции – башкирская конница. Рыжий огонь лисьих хвостов на шапках, чапан, подбитый рысьим мехом, яркие пояса и национальная вышивка, кривые дедовские сабли, чеканная бронза скифских уздечек, золотоордынское тавро на лошади. Бесстрастные лица в каменном величии – застывшие боги. Двое выбились из строя, скакали особняком: иудей, с очками на вздернутом носу, выпуклый лоб философа, кучеряшки на лысеющей голове; и вологодский детина, с чубом из-под кожаного картуза, бант во всю грудь, васильки в глазах:

– Ика, казак бердичевский, ты до этого хоть раз в седле сидел? Ты ж ей всю спину собьешь.

«Спиноза» не отвечал, близоруко шурился на солнце, морщил нос.

Дубинский остановился, пропуская войско. Куда теперь? В армию не возьмут, да и сам он не может выносить оружия. Перед отправкой

под Ямбург – недолго сторожил кладбище. Ему выдали курковое ружье, охотничью хлопушку времен Ивана Тургенева. Предупредили: стрелять в воздух, в двух кварталах несет караульную службу конный патруль, они придут на помощь.

Аркадий слышал, что в городе не осталось нетронутого кладбища. Он не боялся встречи с расхитителями могил, наоборот, ему было любопытно испытать себя: хватит ли смелости нажать на спусковой механизм?

Первым же дежурством он делал обход по периметру, вдоль ограды, услышал в глубине кладбища цоканье металла о кирпич. Дубинский снял ружье с плеча, присел на корточки, будто в ночи и нагромождении могил его могли заметить. Он крался между склепов и крестов, представлял себя нанятым сторожем, которому барин выдал оружие и поручил охранять овечье стадо от волков. Из мрака выплывали готические надгробия, античные портики, на каменных плитах мелькали обрывки ушедших веков, скрытые тьмой фамилии. Цоканье и возня приближались, Дубинский прилег на могильный бугор, взвел курок, окончательно ощутил себя защитником древнего кургана, оберегом над ветхими костями предков.

Впереди шевелились тени, разбирали склеп над могилой, откалывали по кирпичику. Дубинский водил стволом, смутно различая в тенях человеческие фигуры: «От людей в них ничего не осталось!.. Всем тяжело и голодно, но идут на святотатство немногие...»

Он переводил ствол с одной тени на другую, потом задрал ствол. Небо над кладбищем вздрогнуло от слабого хлопка. На него двинулся топот, бежать самому было поздно, страх и слабость пригвоздили его к могильному холму, мелькнул молот, которым разбивали склеп. Голос опередил руку:

– Не бей пролетария!

Дубинский лежал со сдавленной глоткой, пощады просить не мог, едва продавил:

– Я не пролетарий...

– И то правда, пролетарии все в окопах, колыбель революции защищают.

Ему помогли встать на ноги:

– Безобразить не будете? Шуметь, звать на помощь?

Покашливая, Дубинский рассматривал фигуры напротив себя:

– Отдайте ружье, оно казенное, и я уйду.

Кажется, в стороже разглядели его сущность, с издевкой спросили:

– Слово дворянина?

Ночь и без того темная, стала еще темней. Кровь внезапно прилила Дубинскому в голову, три фигуры стали таять в налетевшем мраке, размытые кресты качнулись перед глазами, мелькнуло небо с едва проглянувшей звездой и плавными закраинами туч.

Аркадий очнулся от похлопывания по щекам. Листва на деревьях шелестела под легким дождем, по лицу стекали капли. Одна из фигур помогла Дубинскому подняться. У порога сторожки они остановились, провожатый задержался на миг:

– Вы, скорее всего, давно не ели.

Дубинский попытался ответить, из нутра его вырвался всхлип. Ему не было жаль себя, он просто понял, что перед ним такой же «бывший», как и сам Дубинский, человек – не способный заровнять об жестокость этого мира своей души.

Провожатый распорядился:

– Затопите печь, погода испортилась, ночных гостей сегодня уже не будет, патрулировать вам бессмысленно.

Дубинский сделал все, как ему велели. Дождь барабанил по жестяной крыше, в аккуратной печурке потрескивало. Аркадий смотрел на свои беспомощные руки, на бесполезное ружье в углу.

Внезапный спутник явился нескоро, стал хозяйничать в сторожке, греметь чайником, Дубинский не пытался его рассмотреть:

– Зачем вы пришли и делаете это?

– Вас может оскорбить людская жалость? – мягко спросил ночной гость.

Аркадий откусил предложенный хлеб и сделал маленький плоток. Дождь за окном стихал. Ночной гость заговорил теперь сам по себе:

– Где-то прочел: у каждого человека есть в судьбе другой человек, который будет для него роковым, если они внезапно встретятся. Мне таковой попадался и сохранил мою жизнь, а мог бы лишить. Теперь мне кажется, что вы тот человек, которому я должен продлить жизнь. Хотя бы однажды.

На стене прыгали язычки печных огоньков, пролезавших сквозь зазоры в чугунной дверке. Аркадий подкинул неструганных обрезков – отходы от сколоченных гробов:

– Почему не ушли по льду в Финляндию?

– В грабеже могил меньше греха, чем в бегстве с тонущего корабля. Вы ведь тоже остались смотреть, как рушится Вавилонская башня. Или вас все устраивает? Мне попадались субъекты – редкая фанатичность. Спрашиваю у него: «Неужели при царе хуже жилось, чем теперь?». Твердит свое: «Это временная трудность. После войны все наладится. Зато какие мы счастливые, что увидели этот великий перелом».

Аркадий скептически хмыкнул:

– На них все и держится, на преданных фанатиках.

– На чудовищной лжи, – тактично поправил гость. – Это главное их оружие. С помощью него они выстроили стены абсурда, вылепили этот трон и покрывают сверху сумасшедшим враньем. И все верят!

Тут голос собеседника впервые не выдержал, потерял бесстрастность, в нем слышалась тревога и дикое возмущение:

– Они два года твердят: террор, – но ведь революция! Поголовный принудительный набор в армию, – но ведь на советскую власть нападают, принуждают нас обороняться! Голод и разруха, – но ведь блокада! Ведь буржуазные правительства не признают социализма! Все нищие, – но ведь равенство! А равенства тоже нет – в одном Питере столько нуворишей, поднявшихся на обдирании буржуев и прочих «бывших». Уничтожение науки, искусства, техники, всей культуры вместе с их представителями, – но ведь диктатура пролетариата! Все это – наука, искусство, техника – должно быть пролетарским, а интеллигенция – контрреволюционеры. Свободы слова нет – только правильные газеты, свободы передвижения нет – попробуйте уехать из города, я уже не говорю про за границу. Все, вплоть до земли, взято «на учет», в собственности правительства, – но ведь это же «рабоче-крестьянское» правительство, поддержанное всем народом.

Ночной гость сел к печи, выставил вперед руки, они заметно дрожали. Он смог выровнять голос:

– Недавно я был на позициях... У них из башмаков торчат голые пальцы, а из них сочится кровь. Мне как политработнику нужно

поддержать полк петроградских рабочих. Величайшее смущение – что я им скажу?! Ничего нельзя обещать по их снабжению... Я не услышал ни одной жалобы. Просили только наладить регулярное снабжение газетами... А в это время из Гатчины перебежали крестьяне и наша разведка доносила, что туда одновременно с армией белых приехали на автомобилях благотворительные американцы, привезли с собою запасы печенья, сгущенного молока, риса, какао, шоколада, яиц, сахара и белого хлеба. Не торговать – подкормить изголодавшихся на жмыхах и клюкве детей. Воспоминания о американцах для тамошних крестьян теперь священны.

– Неужели сгущенное молоко с печеньем не выдерживает борьбы с большевистскими газетами? – изумился Дубинский

Гость ничего не ответил, только неуверенно повел плечом, сам не способный объяснить этого жуткого парадокса.

Дубинский оперся спиной на кованную решетку сада, текла под ногами Нева стального цвета. Волна шлепала в гранитную щеку, не устала целовать свою тюремщицу, прощала ей все на свете долгих двести лет. Бледное солнце налилось перед уходом красками, финский ветер надул в него багрянца. С дворцовой крыши смотрели на закат каменные музы. В воздухе висел далекий медный призыв. Плыл над городом ангел с трубой, махал крыльями своим побратимам, опиравшимся на кресты.

Евгения КИСЕЛЕВА

Родилась в 1986 году в Москве. По образованию врач, работает в сфере здравоохранения. Много путешествовала, в том числе нетуристическими маршрутами (Индия, Вьетнам, Италия, Греция).

Лонг-листы ряда литературных конкурсов в прозаических номинациях. Публикуется впервые.

Живет в Москве.

РУКИ В ЗЕМЛЕ И В НЕБЕ

1

То был год слизняков. Вероятно, шли дожди, но их я не помню. Помню полчища мерзких слизней, атаковавших огород. Будучи еще совсем ребенком и едва возвышаясь над землей, я смотрела на них почти в упор. И мои обязанности нравились мне еще меньше. Со всех сторон я слышала вечное «надо».

Работа на земле – это бег по бесконечному кругу. Созидание путем непрерывных сражений. Едва отвоевав у сорняков пару грядок, оглянешься – и увидишь врага своего, подкрадывающегося сзади. Земля лучше знает, кого ей возвращать. И бессмысленно пытаться воспитывать ее детей. Но для взрослых, чья жизнь – борьба, эта борьба превратилась в смысл жизни. Ранее, питаясь от земли, они относились к ней как к матери. Но со временем рос их аппетит к вмешательству в дела матери своей, и вот они уже пытаются руководить старушкой.

В глубине сада росла высокая старая сосна. Я часто подходила к ней, запрокидывала голову и разглядывала черные очертания ее ветвей на фоне голубого неба. А потом поднимала к небу свои маленькие ручки, смотрела на них и улыбалась. Не вспомнить, кто и когда обронил, будто сосна – мое дерево. Но вера в это рождала мечты, что и я когда-нибудь стану такой же сильной, твердой, устремленной в небеса. Иногда наши мечты – лишь предвидение неизбежного будущего.

Мир ребенка мал, а ум спит. Или просто молча наблюдает, шпионит за происходящим вокруг. Он с рождения обладает неким неосознанным знанием. Позже, когда ум начнет пробуждаться, он погонится за знаниями новыми, но на бегу растеряет часть данного ему при рождении багажа. А то, что останется с ним, будет служить ему маяком на пути домой. Если останется.

Помню, я проснулась и увидела мать. Она подкладывала дрова в печку. Их потрескивание действовало успокаивающе, обволакивало обещанием тепла. А мамино лицо в доли секунды наполнило детское сердечко бескрайней радостью.

2

То был год муравьев. Отряды рыжих тружеников встречались на каждом шагу. И не только в саду – они успели отвоевать уже и крыльцо дома. Но оно и понятно. Здесь так долго не было людей. Муравьи приходят и берут свое, когда человек теряет уважение к земле и дому.

Мы вернулись сюда почти случайно. Взбив пыль на обочинах наукограда, подкатили к заборчику из ржавой сетки. Странно, я будто забыла, что ребенком проводила на тех сотках каждое лето. Детство ощущалось полузабытым сном. Будто впервые увидела я желтый бревенчатый дом, перед домом – стареющую, но все еще внушительную лиственницу, тонкие ветви вишен, свисающие до самой земли. Над крышей дома возвышались кроны яблоневого сада.

Дом же полнился давно потерянными словами: сервант, сундук, ка лошница. И все они степенно ожидали нашего возвращения, будто оно было предрешено. Я провела рукой по ковру на стене. На фоне темно-синего неба и изумрудной зелени прогуливалось семейство оленей. И я непроизвольно поздоровалась с ними.

Стояла ранняя весна, когда еще нечему порадовать глаз. Будоражило само наступление весны. От предвкушения чего-то нового, трепетного щекотало в горле. Только-только начинали прорезываться первые салатные листочки, и в этих кружевах невидимый воздух обретал свое благодатное лицо.

Земля выглядела будто спросонья. Взъерошенная, непричесанная, но выпавшаяся, она, казалось, тоже ждала нас. И стоило мне только ступить на нее, как я все вспомнила. Меня не было здесь много лет, но земля еще хранила мои следы. И я шла по собственным следам, точно зная, что именно повстречаю на своем пути.

Я подошла к сосне в и обняла ее. А вечером, как обещание, я посадила у дома две лилии, впервые погрузив с радостью руки в землю.

3

То был год пауков. Великое многообразное множество их встречалось и в саду, и в доме. В детстве тень паука в комнате была поводом для искреннего страха и неиссякаемых рыданий. Теперь мы жили с ними бок о бок, давно перестав замечать их вовсе. И если паучки – предвестники новостей, то впереди нас ждали тысячи сенсаций.

Я же была уверена, все новости со мной уже случились. Я приехала на любимую землю с любимым мужем. Мы вили гнездо вне большого дома – в маленьком сарайчике на две комнаты под кроной моей старой подруги-сосны. И там нам пели соловьи.

По субботам я с упоением скоблила, шкурила и красила наш сарайчик. Странно, ни разу не вспомнилось «надо». Он стал мне бесконечно дорог, как и земля, на которой он стоял. В моем детстве он был зеленым с бежевым кантом по верху. И я сохранила его природную расцветку.

С нежностью я ухаживала за растениями, поливала и рыхлила, полола сорняки, пробираясь даже в самые укромные уголки сада. И земля терпела меня и улыбалась мне сладкими ягодами и хрустящими огурчиками.

К двум первенцам добавился еще десяток лилий. Я аккуратно вела их перепись в блокноте с пометкой «Мой сад». Милая наивность в купе

с впитанной с детства уверенностью во владении землей и способности установить на ней некий свой порядок. Вот только это мы у нее в гостях, и только она способна упорядочить нас.

4

То был год лягушек. Мы замороженно слушали их многочасовые концерты. Их песни были то восторженными, то нежными и печальными, но всегда страстными. Лилась тоннами вода с неба. Лились и слезы. Нас стало на одного меньше, но, возможно, так и было задумано, и он был лишь гостем в нашей жизни.

Вода выгнала на поверхность червей и насекомых, и в ветвях сада поселились вороны. Их матерные крики резали уши и мешали внимать лягушачьим концертам. Но позже прилетели сороки и изгнали ворон. Сражение было бурным, но кратким. Сороки были красивее и молчаливее, и мы с благодарностью приняли их покровительство.

Вода дала жизнь сотням трав, которые заполонили все вокруг, ликуя, разрастались, цвели, благоухали. Это был и их год тоже. Их фактурность достигла апогея, и уже далеко не всегда я решалась вырвать иной сорняк, невольно залюбовавшись его цельностью и достоинством.

Решив покончить со слезами, я много месяцев работала на износ. Я запирала себя в кабинете, решала задачи поставленные и надуманные. Но душа просилась наружу. Я чувствовала, что теряю. Вечерами я пробовала связывать слова в предложения, нанизывая их друг на друга. Предложения получались не всегда. Абзацы – еще реже. Но время, затраченное на те попытки, тоже часть жизни.

Вода смывает все наносное: грязь, и пыль, и мусор. Размывает грязды, старательно размеченные людьми. Может унести ведро, забытый инструмент и даже садовую мебель. Может забрать с собой и боль.

Однажды я разулась и вскоре узнала, что моя земля меня лечит. Я часами ходила босиком, ощущая ступнями каждую рытвинку, неровность, заостренную травинку. Я опиралась на землю, как на самого близкого друга, и она делилась со мной своей силой.

На следующий год более сотни лилий всевозможных расцветок расплозились по саду. От меня это уже почти не зависело. Кажется, я неосознанно начинала что-то понимать.

5

То был год цикад. Весь мир вокруг стрекотал. Стрекот щекотал душу, вызывая волнение. Но не волнение, подобное тому, которое испытывает ребенок накануне праздника. То было новое, взрослое волнение. Сродни волнению на пороге научного открытия. Или принятию того факта, что у всего в жизни есть свой смысл.

Я сажала ромашки, колокольчики и васильки. Я улыбалась им, а они подмигивали мне в ответ. Я подметала дорожки от опавших листьев и игл, но уже давно не охотилась на чистотел и крапиву, которые обрамляли сад и постройки. Их самовольная зелень радовала меня так же, как и всякая другая.

С течением лет я обнаружила, что умею видеть. И слышать, и осязать. Более того, умею все это с новой, ошеломляющей глубиной. И чувствовать, чувствовать тоже.

А еще я узнала, что по вечерам все кошки – серые. Что, оказывается, в дни свадьбы майских жуков ты и сам можешь расправить крылья. Я узнала, что ежегодное возрождение природы – это миф. По правде, мир жив в каждой секунде, глубоко дышит и в зной, и в стужу. Где бы, когда бы мы ни находились, миллионы ножек топчут вокруг нас, миллионы тоненьких голосков спорят между собой, миллионы крошечных сердечек бьются вразнобой.

Вновь и вновь обнимала я сосну. А потом смотрела вверх и тянула руки к ее кроне, но все еще не могла дотянуться. И мне это нравилось, потому что так – правильно.

В конце лета я перекрасила сарайчик в голубой цвет и не ощутила измены. Лишь перемену, видимую для человеческого глаза, но ничтожную во времени.

Лилии уже давно не поддавались подсчету. Выбросив блокнот с пометкой «Мой сад», я счастливо смирилась с тем, что сама более принадлежу саду, нежели он мне.

6

Это был год бабочек. Год огромных аппетитных шоколадниц, которые плавно и не без труда перепархивали с цветка на цветок.

А жизнь текла размеренно, стремясь к окончанию. Абзацы слились в страницы, пухлое множество страниц, неповоротливых и уставших. Ум снова спал, как в детстве, но продолжал наблюдение. А вокруг все шло по кругу. Все всегда идет по кругу.

Я задремала и увидела мать. Она опять подкладывала дрова в печку. Намотав кругов, мы недалеко ушли от земли, огня и матерей. И это хорошо.

Сквозь мутные стекла окон я снова вижу свои руки в земле и в небе. Я чувствую запах холодной почвы, слышу шажочки живых существ поблизости и биение их моторчиков. И ветерок касается моей кожи. Я мечтаю вновь встать на колени в гнилую прошлогоднюю листву и поклониться первым салатovým вестникам нового года. И еще хотя бы раз обнять сосну.

Я из поколения, застрявшего между времен. Мы уже не в прошлом, но и в будущем нам нет места. Тут и закончатся наши дни. Мы еще смутно помним свет керосиновых ламп, вкус чая из самовара и знаем, как выглядит колорадский жук. Но наши знания не нужны следующим за нами. У них все свое, новое. Мы же тянем к ним путеводную нить, и нить эта истончается на наших глазах. Я рисую былинку, чтобы вплести ее в ту нить. И тогда, возможно, вновь и вновь дети будут возвращаться, чтобы заново влюбляться в свою землю.

МНЕ ОЧЕНЬ ЖАЛЬ

Вдруг я осознала, что не вижу вокруг знакомых лиц. Моих спутников похитила пёстрая толпа, толстой змеёй обвивавшая Тадж-Махал. Первое удивление сменилось неожиданным, но явственным облегчением, как если бы мне удалось миновать угрозы, которая уже показалась на горизонте, но внезапно скрылась, не дав себя распознать.

Нет, мне нравилась моя компания. Всё это были люди спокойные и рассудительные. Каждое утро гид приветствовала нас и взмахом руки приглашала пройти в неизменный автобус. Мы в свою очередь здоровались с гидом и водителем, складывая руки в традиционном индийском приветствии «Намасте». Войдя в автобус, мы занимали одни и те же места в порядке, сложившемся случайным образом ещё в первый день нашего совместного путешествия. Я садилась у окна в самой середине салона. Гид с улыбкой пересчитывала нас по головам, как овец, и командовала: «Чало!». «Чало!», как она же нам и рассказала, означало: «Поехали!» Параллели между «чало» и глаголом «чалить» в разных его значениях стали нашим излюбленным поводом для шуток. Долгими днями мы неразлучно бродили по разным городам Индии, а вечерами все вместе ужинали и пили вино, по-светски делясь впечатлениями. Мы называли друг друга по именам, но в души не лезли. Это простое негласное правило стало основой настолько приятного и лёгкого общения, насколько только пустота может быть легка и приятна.

Теперь же меня смутило то, что, лишившись привычного окружения, я не испытала ни малейшей тревоги, но я отогнала эту мысль, с благодарностью приняв радость освобождения от условностей, неизбежно и неразрывно вплетающихся в любое ограниченное общество. Не без труда выискав свободное место, я расположилась на широкой мраморной платформе в основании Тадж-Махала. Вокруг сидели и возлежали десятки людей: светловолосые голубоглазые европейцы в одеждах цвета хаки, звонкие азиаты, обвешанные фотоаппаратами, переливавшееся драгоценным блеском африканское семейство, непохожие друг на друга индийцы, объединённые глубокой любовью к своей стране. В узких проходах между человеческими телами громоздились объёмные рюкзаки, сновали дети разных народов мира, не спеша пробирались жаждающие найти свою пядь в этом странном зале ожидания.

Пребывая в одиночестве и в толпе одновременно, я зачарованно любовалась игрой лучей солнца на гладких стенах, изучала кружево каменной резьбы, преследовала взором то одну, то другую линию. Над моей головой млело в свете безупречно голубое небо, воды реки, извивавшейся в окрестных зелёных полях, приветливо искрились. Мои мысли тоже будто перемещались в пространстве, с обезьяньей ловкостью взбирались вверх по своду арки, далее – бегом по изгибу луковичы купола к самому кончику шпиля, и вот они уже отбрасывают хвосты

и устремляются к птицам. Я не поспевала за ними, и мне пришлось отпустить их путешествовать. Наградой мне стало ощущение неведомой ранее чистоты, как если бы я очутилась в свежеприбранном доме, из которого тщательно вымели всю грязь и выбросили весь хлам, отчего сами стены в нём стали тоньше. Это сделало меня уязвимой, но ненадолго, так как мельчайшие частицы мрамора, витавшие в воздухе, уже облепляли мою кожу, формируя новый сосуд для нового человека. Неспешно бредя по пыльной улице, укутанная тяжёлым и плотным, как ватное одеяло, зноем, я осязала хрупкость, но в то же время цельность моей новоприобретенной формы.

Стоянка автобусов выглядела заброшенной. Туристы ещё не возвращались, а водители, должно быть, прятались от жары в одном из кафе поблизости. И только железные кони молча обреченно плавались в своей конюшне, стремясь слиться в одно целое с размягчённым асфальтом. Я осмотрелась, но не увидела подходящего укрытия и потому лишь немного отошла от сосредоточия раскалённого металла – на небольшой пустырь. Вокруг кренились одноэтажные каменные домики с выцветшими фасадами. Обветшалые и замызганные, они ещё хранили на себе следы лучшей поры – кусочки орнаментов, клочки росписей, крошки лепнины. Я старательно выискивала взглядом эти осколки времени, но их всё же оказалось слишком мало, чтобы вызвать из памяти места первоначальный облик зданий. А рядом текла вялая жизнь. Пожилые женщины клевали носами над лотками с поделками, тянули на руках повозки тощие рикши. Подошло несколько чужих мне путников. Отбившись, как и я, от своих стад, они принялись бесцельно бродить кругами невдалеке.

Минуты тянулись болезненно медленно. Солнце заливало глаза, с силой смыкало веки. Заметив, что кто-то или что-то движется в мою сторону, я не смогла понять, откуда именно оно появилось, как если бы нечто материализовалось на дороге из света и густого жаркого воздуха. Постепенно подступила догадка, что то была группа людей, перемещавшихся тесным полукругом. Одетые в схожие светлые одежды, они представлялись в лучах жёлтого карлика единой массой, в которой невозможно было взглядом отделить одну фигуру от другой. Впереди, на уровне их коленей, по направлению ко мне двигался кто-то еще, и мне подумалось, что это собаки: по Индии бродит множество рыжеватых псов. Вся композиция имела крайне неровный силуэт и при этом странным образом покачивалась, будто невидимые волны подкашивали её то с одной, то с другой стороны. Приближаясь, они постепенно обозначались, прорисовывались в моей голове, как на фотографии при проявке проступают сначала контуры объектов, а затем их наполнение.

Они уже были не дальше пятнадцати метров, когда я осознала, что с ними не так. Понимание происхождения пробилось ко мне не сразу, но настойчиво стучалось в виски, царапало горло, секло по глазам и, прорвавшись, разом стянуло все мои мышцы в единой судороге. Был ли это ужас? Вероятно, в какой-то миг ужас прошёл сквозь меня навывлет. В тот самый миг, когда я невольно отшатнулась. Но тут же усилием воли отменила собственное бегство.

Арифметика меня всегда успокаивала, и я не раз пересчитала их: их было двадцать, все мужского пола и не старше тридцати лет. Все они были сгорблены, скрючены, покорёжены. Их большие головы покоились на узких плечах, худые, искривлённые тела заканчивались тонкими, как веревки, ногами с завязанными посередине узлами – коленками.

У многих пятые точки были отключены, а спины – почти параллельны земле. Костлявыми руками они опирались на разноразмерные костыли, не раз перевязанные и переклеенные. А впереди всех двигались трое молодых мужчин, изуродованных настолько, что они перемещались лёжа на толстых досках, снабжённых колёсиками. Они располагались на них либо на животе, либо полубоком с опорой на одну из тазовых костей. Скукоженные, атрофированные нижние конечности были безвольно распластаны по плоскости их нехитрого транспорта. Они катились ко мне, отгалкиваясь ладонями от земли, и для шести рук у них нашлась лишь одна перчатка.

Я лихорадочно пыталась осознать, принять нереальность их телодвижений, поз, сложения их тел, нереальность самого факта их существования, дыхания, жизни в центре до боли будничного пейзажа городской окраины. Моё лицо горело. На смену порыву к бегству пришло оцепенение, прочно сковавшее меня в одной позе, в одной точке пространства. Само время будто отринуло свой прямой как стрела путь, отошло на обочину, где свернулось возле моих ног калачиком и затихло.

Они остановились шагах в пяти передо мной, оставаясь всё той же крепко слепленной воедино группой. Одеты они были в одинаковые футболки цвета топленого молока и светло-бежевые брюки, ноги же у всех были босы. Теперь я могла рассмотреть их лица, по большей части продолговатые, с небольшими темными глазами и полными губами. Все они улыбались: одни – широко и солнечно, другие же неестественно кривили рот, но их ясные взгляды однозначно подтверждали – то были их улыбки, самые искренние, самые улыбчивые улыбки, на которые они способны. Всё ещё не в силах шевельнуться, я приказала себе улыбаться в ответ. Едва ли моя улыбка была естественной, но, Господи, надеюсь, она не была карикатурной.

С минуту они молча смотрели на меня. Кто-то внимательно изучал мою одежду и обувь, и их взгляды блуждали по мне сверху вниз и обратно, иногда задерживаясь на той или иной детали. Другие же неотрывно вглядывались в моё лицо, как если бы стремились выучить его построчно наизусть, как стихотворение. В последующие годы много раз я с тоской на сердце размышляла, что именно они могли считать с моего лица тогда. Был ли на нём страх? Или, что ещё хуже, отвращение? Оставаясь наедине с собой, я зажмуривалась в корче стыда, коря себя за каждую неловкость, каждую тень малодушия, за каждую невольную слабость, проявленную в те минуты.

Прервав молчание, они недолго тихонько переговаривались краткими фразами, после чего один из них, широко улыбнувшись, сделал небольшой шагок вперёд и шлёпнул ладонью по своей узкой груди. Это был мальчик, на вид самый младший из их группы – лет десяти от роду. Еще раньше я отметила, что он подволакивал правую ногу. Но на общем фоне его походка была наиболее уверенной. Должно быть, ему приходилось сдерживаться, чтобы не выделяться среди прочих. Над смуглым лбом его топорщились во все стороны тёмные вихры давно не чёсанных волос. Взгляд его был взглядом ребёнка, светящимся и озорным, и он спасительным маяком вывел меня из ступора.

– Дост, – произнес он звонким голосом.

– Дост? – опешивши, переспросила я.

Мальчуган повторил всё действие заново: шагок, шлепок.

– Дост, – повторил он громче и чётче.

Я горячо желала понять его. Чувствуя важность сказанного им для него самого, я вместе с тем предугадывала, что найдётся в том слове что-то и для меня. Но я была не в состоянии истолковать его. Снова и снова, как крупные капли прохладного дождя, сыпалось это слово: «Дост! Дост! Дост!». Потом малыш неожиданно замолчал, сдвинул бровки и грустно посмотрел прямо мне в глаза. Нет, только не разочарование, только не это! Но он лишь робко протянул:

– Фреенд...

Как же это просто. И мудро. Он догадался. Я – нет. Я мгновенно устыдилась своей несообразительности, но тёплый ручей человеческого стремления к общению и дружбе уже обнимал меня, успокаивал, подсказывал.

Сделав глубокий вдох, я ударила себя в грудь и наскоро проговорила:

– Френд! Френд! Френд!

И все они закивали и замотали головами, энергично и невпопад, и засмеялись. Маленький парламентар хохотал звонче всех, не без гордости оглядываясь на своих товарищей. И они, одобрительно восклицая, засвидетельствовали значимость его достижения.

Едва эффект от моих первых слов начал спадать, я решилась на новый шаг. Опять шлёпнув себя по грудной клетке, я как можно твёрже и отчетливее произнесла:

– Дост!

Вся компания заходила ходуном от восторга. Они махали руками и потрясали костылями. Некоторые пытались подпрыгнуть на месте. Те, кто подъехали ко мне на досках с колёсиками, колотили ладонями по земле, взбивая красноватую пыль, и издавали протяжные мычащие звуки, болезненным гулом отзывавшиеся в сердце. Единственно, мальчуган стих: приоткрыв рот, он оказался не в силах произнести ни звука. Видимо, в силу малого возраста такой поворот событий выбил его из колеи. Но вскоре он оживился и, подхватив общее настроение, попытался кружиться на месте, но тут же едва не упал. Пошатнувшись, но удержавшись на ногах, он сначала рассмеялся, как если бы вспомнил отличную старую шутку, когда-то вылетевшую у него из головы, но с радостью обрётённую вновь. Затем малыш указательным пальцем ткнул себя в правую ногу:

– Полио, – отчеканил он и заглянул в мои глаза. Я не отвела взгляда. Это слово я поняла. Позже я думала о том, что иначе и быть не могло. Мои собеседники будто сошли со страниц книги. Вот только в той книге писалось, что полиомиелит давно побеждён.

Вся группа притихла. Ребёнок же непрестанно показывал то на одного своего товарища, то на другого. И при этом повторял:

– Полио! Полио! Полио!

Он охватил почти всех, но времени, затраченного на эту жуткую перекличку, всё равно было ничтожно мало для принятия. Что могла я сказать им? Какие осмысления, ободрения, обещания приличествует высказать компании, физически напоминающей стаю. Людям, не ведающим прямохождения, как если бы их взрастили животные, ведь разве что глухой непролазный лес или джунгли, полнящиеся бессловесными зверями, могли допустить само их возникновение. Как Маугли, они все будто стремились к земле, встать на неё всеми четырьмя лапами и, быстро-быстро перебирая ими, помчаться вперёд, обгоняя ветер. Просто их человеческая природа не позволила им завершить превращение, и они остались где-то между, в своём мире, который ныне они трепетно обе-

регали, стоя плечом к плечу. Я смотрела на них влажным от бессилия взором, а они струились радостью, подкреплённой актом преподнесения в дар частички своей жизни, неизбежно объединяющим и окрыляющим. «Мне очень жаль» – мне очень жаль, что этих слов не было со мной тогда. Тогда они ещё были скрыты от меня в моём будущем.

Я не знаю, в какой момент к автобусу вернулись мои прежние спутники, растерянные мною парой часов ранее. Должно быть, ещё раньше прочих вернулся наш водитель, но он ничем себя не выдал и не мешал нашему скромному общению. Постепенно сторонние звуки и силуэты стали проникать в мой новый маленький мир. Стали слышны голоса, тараторившие на всех языках сразу. Люди делились впечатлениями, восторженно демонстрировали друг другу фотографии, жаловались на жару, обговаривали предстоящий ужин и прочие удовольствия, неминуемые после столь утомительной культурной программы. Мои уши наполнились оглушающим человеческим щебетом. Я закрывала и снова открывала глаза, добываясь, чтобы мельтешение цветастых фигур перед взором улеглось и приобрело признаки осмысленного движения.

Наконец я с усилием заставила себя оглядеться и вскоре заметила знакомые футболки. Они кучковались совсем недалеко от меня и моих новых друзей. Переминаясь и активно жестикулируя, они что-то увлечённо обсуждали. Мне подумалось, что Тадж-Махал произвёл на них некое особое действие, так как обычное их поведение было много сдержаннее. И от этой мысли мне стало радостно, так как она наделяла других богатствами, родственными с моими собственными приобретениями. Я не придавала значения взглядам, которые пулями летели в нашу сторону. Позже я вспоминала их, но они так и не обрели значимости, оставшись лёгким, почти невидимым штрихом на портрете человеческого сообщества.

Я снова повернулась лицом к моему маленькому парламентёру и его друзьям. Мальчуган, неловко приблизившись ко мне, вытянул руку на всю длину и кончиками пальцев легонько коснулся нижнего края тонкого шарфика, свисавшего с моей шеи.

– Индия? – полувопросительно с придыханием прошептал он.

– Индия, – подтвердила я. По счастью, это было чистойшей правдой: тот шарфик, небесно-голубой, я приобрела всего за пару дней до того в Дели. Все опять встрепенулись, тихо зашелестели неизвестными мне словами. Я с нетерпением ждала, что же будет дальше, я размышляла, не следует ли мне самой сделать следующий шаг. Но какой? Я вслушивалась в их беседу, чуждую, но успокоительную. Затем я попыталась взглянуть на нас со стороны, впервые постигнув, сколь удивительно то, что совершалось с нами.

Вдруг я ощутила чью-то руку на своём локте. Вернее, поначалу я решила, что за что-то зацепилась, и машинально встряхнула рукой, попытавшись избавиться от неудобства. Но вместо избавления пришло осознание того, что кто-то крепко держит меня. Оглянувшись, я увидела серьёзное озабоченное лицо одного из моих спутников, тех самых, с которыми мы, то ли тем же утром, то ли в иной жизни, вместе в одном автобусе прибыли на это самое место. Бросив взгляд на остальные футболки, я увидела, как они старательно машут руками, призывая примкнуть к ним. Я было подумала, что нам пора уезжать, но тут же убедилась, что гид ещё не вернулась, а значит, пешить некуда.

Переживание собственной изменённости, неких структурных перестроек внутри самой себя, ещё не исследованных, но ясно слышимых,

всё ещё мерцало во мне. Но никто другой не мог знать о произошедшем, а я сама была не в силах объяснить этого, так как процесс ещё не был окончен. Да и слишком сокровенными были мои открытия, не предназначенные для тех, от кого в моей памяти останутся лишь имена и футболки. Я с усилием стряхнула чужую руку и вновь обратилась к братии на костылях, но они уже окутались поволокой грусти, и я чувствительно ударилась об неё в стремлении за неминуемо последними мгновениями нашей дружбы. Впрочем, мы всегда знали, что нам придётся разойтись в любую минуту, и даже слова уже были без надобности, как это часто бывает в кругу близких людей. Весь наш танец с первого мгновения готовил нас к расставанию, которого могло и не быть, не встретиться мы, разминись мы на карте или на циферблате, не найди малыш тех самых, нужных всем слов. Но всё это случилось с нами, со мной и ими, одно мгновение в пустыне жизни, полное до краёв. Вся группа разом повернулась ко мне спинами и начала обратный путь в никуда, из которого однажды пришли ко мне в пыли и солнечном свете.

Войдя в автобус последней, я обнаружила, что наш извечный порядок нарушен. Единственными свободными местами оставались кресла за спиной водителя. Все остальные сидения оказались заняты либо самими футболками, либо их сумками и рюкзаками, которые раньше мы обычно возили на коленях или на багажной полке. Я с лёгким, почти радостным равнодушием приняла нововведение, отметив, что это такое спокойствие также ново для меня и, вместе с тем, что оно мне нравится. Гид привычно принялась пересчитывать своих овец. Едва она закончила свои подсчёты, в её сумочке раздался звонок. Наскоро извинившись перед пустотой, она поднесла телефон к уху.

Я же привстала, нагнулась чуть ближе к водителю, чтобы не повысить голос, и решительно произнесла: «Чало!» Он вздрогнул, оглянулся, недоуменно посмотрел сначала на меня, затем – на гида. Она кивнула. Водитель опять воззрился на меня. Он, очевидно, был сбит с толку, обескуражен, но при этом в его глазах читалось ожидание, сопряжённое с готовностью к действию. И я твёрдо повторила: «Чало!» Через несколько секунд автобус начал движение.

Татьяна ПОПОВА-БОРИСОВА

Родилась в городе Камне-на-Оби Алтайского края. Окончила филологический факультет Алтайского государственного университета. Педагог. Печаталась в журналах и сборниках: «Регионы», «Георгиевская лента», «Русь моя», «Детская литература» и других.

Член Российского союза писателей. Живет в Камне-на-Оби.

ЗАТЯНУВШИЙСЯ АВГУСТ

Если Любовь погибнет, память о ней может спасти мир?

Я стояла у плиты. Я проклинала август. Где-то там, за окном (рукой подать!), – второе бархатное семидневье обозначилось помидорно-яблочным изобилием. Красота раскидистых древесных гигантов манила свежестью, возможностью отдохновения, но когда я смахнула слезу, присмотрелась – показалось, что и там нет покоя: птицы, насекомые спуют, кружат, ползают, захватывают, растаскивают, стараются выжить...

Здесь, на кухне, свой лязг и скрежет: звякнуло ведро о кафель, глухо стукнула, не разбившись о пол, тарелка; сало на сковородке шкварчит, в закипающий борщ, уныло булькнув, проваливается картофель.

Я головешка большой семьи. Глава, а точнее, голова главы, – чуть поодаль, напротив, оторвавшись от спинки стула, неопределённо болтается на скособоченных плечах бывшего атлета. Она мычит, хлюпает, сморкается в изумрудно-персиковую ткань салфетки, корёжит её узорчатые края.

Моя любовь, как фитиль газовой горелки, полыхает синим пламенем, и я не знаю, что мне делать: выброситься из горящего ада вместе с детьми, пока не полыхнуло сознание, или, залив всё и вся лютой ненавистью, жить покуда на месте, сохраняя семью.

Скорее всего, сначала стукнуло, скрипнуло, потом прошлёпало и только потом бухнулось, но я всё ещё горевала о нынешнем, и если бы не соль для борща, за которой нужно было повернуться к столу, я бы не скоро заметила рыжеволосого носатого красавца, стоящего передо мной на коленях. В этом цирковом антураже я живу уже полтора года. Знаете, как любят совпадать несчастья! Регулярные запои мужа, якобы вследствие рождения третьей дочери вместо загаданного сына, тяжёлая болезнь сестры, загулы зятя, ищущего утешения в складках чужих юбок, борьба с безнадзорностью их дочери, моя каторжная работа на две семьи – всё весело потрескивало в этом костре отчаяния. Поэтому без удивления увиденному я спросила:

– Что на этот раз, братья-акробаты, придумали?
 – Мари... я, – слегка помедлив с окончанием, мычит встревоженная голова, – всё серьёзно... без шуток...
 – Ну, и что теперь? – простираю я пятнистые от бардового свекольного сока руки к кудлатой шевелюре зятя.
 – Маш, прости меня!

И ведь по-свойски так, по-доброму попросил Алексей, хоть плачь, и я уныло уточняю:

– За что?
 – Люба говорит, иди к Маше. Маша простит, и я прощу. Маш, прости! – и залихватски так руки к рубашке вскидывает: шас и пуговицы зазвянькают по полу, и сопли между носом и губой захлюпают, и пойдёт у них, запойных, своя потеха, свой куражок извечный: не любит, мол, никто... Я еле уравниваю тело от тяжести схлынувших с груди к коленям рук и надсадно проговариваю отвердевшие в глотке слова:

– У меня своя пьяная с... к столу еле прицокала, обкушавшись на стороне сервелатов, а тут ещё ты со своими кульбитами... Всё ёрничаешь?

– Я не ё... Я правда прошу. Люба сказала, если ты... то и она, может быть...

– Милок, – я влетаю ястребом в широко раскрытые глаза Алексея, – разбирайтесь с женой сами. Иди уже.

Когда входная дверь захлопнулась, я заметалась было у плиты: «Ведь это всё не то! Это же не может быть важным?», но непонятно откуда пришедшее ласковое: «Сейчас для сестры главное – выжить, остальное – мелочи!» – успокоило меня.

Через три месяца

«Владыко, Вседержителю, Святой Царю, наказуй и не умерщвляй... телесныя человеков скорби исправляй... рабу Божию Любовь немощствующу посети милостию Твоею, прости ей всякое согрешение вольное и невольное. Ей, Господи, врачевную Твою силу с небесе ниспосли...» – туповато шепчу многократно повторяемую молитву, расправляя складки свежей простыни под спиной сестры.

– Может, и правда, надо было простить Алексея? – охает она от грубоватой заботливости моих рук.

– Ну, и что же не простила?

– Я сама не могла. Я к тебе отправила.

– А я при чём?

– Ты о нас заботишься: стираешь, кормишь, врачуешь... А он с любовницей при живой жене балуется... Стыдно. Я без тебя не могла.

– Выходит, последнее слово было за мной? – я прикрываю ладонью красные от недосыпания глаза. – Я-то думала, он просто кочевряжится!

– Да нет, это я его послала.

– Господи! – вырывается у меня запоздалое.

– Господи, прости, – шепчет сестра устало.

– Может, он ещё придет, – с надеждой шепчу и я, надевая на неё новую сорочку. И вдруг – после промелькнувшего в сознании: «Опять не угадала! Как с сыном для мужа...» – слёзы проступают в голосе:

– Хорошо тебе? Удобно?

– Удобно, но не хорошо. А мы ведь договорились: не плакать больше.

– Не плакать! – деревенею и я.

Через три часа

– Поспала, моя красавица? А к нам батюшка заехал!
– Зачем? Уже пора, ты думаешь, и батюшку?
– Он заехал поговорить, ты не волнуйся. Тяжело нам с тобой одним-то. Поддержка нужна, – подвязываю я ей белоснежный шелковый платок, – нам уж одним с болезнью не справиться.

Люба успокаивается как-то сразу, как будто это было её решение пригласить домой священника, и начинает первая, без всякого предисловия:

– Злая я...

– Да ты что! – разрыдалась я, а батюшка почти с восторгом подхватывает:

– Ой, как хорошо, Любушка, ты сказала! Почти все говорят: люди кругом злые, а ты про себя: я злая. Молодец.

И всё же сокрушённо уточняет:

– А что так?

– Мужу... измену... не простила...

– Это зря, голубушка, слаб человек. Мужа надо простить. Да и всех надо простить.

Батюшка осеняет меня, ещё рыдающую, крестным знаменем и закрывает передо мной дверь в комнату.

Через три дня

Я прячу лицо в расшитом по краям золотыми нитками рушнике. Мне нельзя плакать, я это помню. Александр, старший брат Алексея, пыхтит, снимая обувь.

– Проходите так, не беспокойтесь!

– Ах, ты, как скоро! – всё же разувшись, обращается гость к своей спутнице. Лида в их семье младшая. Она ласково отнимает мою руку с полотенцем от лица:

– Ему звонили?

– Да, да.

– И что он?

Я развожу трясущиеся руки, обнажая пустоту ответа.

– Вот и нам всё: еду, говорит. Где еду?

– Эх, струсит, однако! – сокрушается брат.

– Приедет, приедет! – волнуется за всех сестра.

– Батюшка был, исповедовал, причастил. Её как будто парализовало. Но это ничего, зато боли прошли, последние две ночи спали спокойно.

– Кого парализовало? – густым эхом отдаётся по углам комнаты, в которую мы, набравшись духа, входим.

– Любушка, Любушка, ты молодец! И красавица какая! – Переглядываемся между собой, удивляясь тонкости слуха больной женщины.

– Меня чуть не парализовало с вами. Пугаете своими болячками, – включаю я бодрячка.

– Как ты, подружка? – Александр мостится массивным телом на прикроватную тумбу.

– А Лида?

– Я постою. Отсюда на тебя посмотрю.

– Мужа жду, – вдруг объявляет сразу всем Люба. – Сказать, что простила. Вот и не умираю пока.

– А... ы... – начинает было скулёж Александр, но я трясусь на него кулаками, и он почти отползает к двери. На его место присаживается Лида и ровненько так (женщина!) обволакивает приятным прореху в разговоре:

– Сладости детям привезли, подарки. Разбирают сидят коробки, радуются...

Потом ещё что-то сказала про какую-то радость, а потом, в тишине, нам послышалось лёгкое шелестение, произнесенное будто бы даже и не голосом:

– Хорошо...

Я вздрагиваю от растерянного взгляда Лиды, резко наклоняюсь к лицу сестры:

– Да что ж она так долго не вдыхает?

– Господи! Защити и помилуй!

Кажется, я падаю... Откуда-то из пыльного облака проступает могучая фигура мужа, и я слышу его уверенный трезвый голос:

– Уведите её из комнаты. Пусть отдохнёт, тоже намучилась. Дайте лекарства. Там, на столике. И все успокоились... пока.

Через три года

Опять август смущает меня своей роскошью увядания: вот ведь всё так чудесно, но ненадолго; красота незабудок, настурций, роз и на кладбище – красота...

– Что, так и метут? – обращаюсь я к мужу, который рукой показывает мне направление движения от машины к могиле сестры.

– Так и наметут себе прощение, – обращаюсь уже к детям и крепко сжимаю губы, предчувствуя подступившие рыдания.

Подходим. Сажусь на скамью. Дети и муж стоят около. Могила ухоженная, когда бы ни приехали, будто кто-то убирает здесь каждый день. Мы знаем, что Алексей с молодой женой вернулся в родной город два года назад, и с тех пор с удивлением приходится констатировать идеальный порядок и чистоту около последнего земного приюта Любы.

– Вот гады! И цветы, главное, сажат и сажат. Как только не стыдно! – всхлипываю я как маленькая.

– Мама, ты опять?

– Хватит убиваться по миражам. Мы ведь не знаем точно...

– Что тут знать? Они, конечно.

Наклоняюсь к цветам:

– И они у них цветут, главное, пышно как, не то что у меня... А на похороны так и не приехал! – И даю волю слезам.

– Угомонись уже, выпей лекарство, – настаивает и муж. – Люба перед смертью простила всех.

– Ну и молодцы, что метут, – вытирают мне лицо и руки девочки.

– Нам меньше работы...

Все высказались, молодцы! Я смотрю на их взволнованные красивые лица и просветляюсь душой: пора, наверно, и мне простить, а то так-то с надорванным сердцем жить тяжело.

Евгения КОСТИЦЫНА

Родилась в 1985 году. Окончила Государственный университет гуманитарных наук по специальности «политология», работала преподавателем в школе, журналистом, пресс-секретарем администрации.

Автор прозы, поэзии, драматургии. Участница литературной Мастерской Захара Прилепина. Публиковалась в сборнике по итогам Мастерской, в сетевом журнале «Гетерия».

Живет в Нововоронеже, Воронежская область.

БЕБИСИТАР

Я ребенка не крал, тем более Егорку. Я Егорку люблю (как друга), он хороший, на меня похожий. Когда маленький. Я забыл сказать, что Егорка сеструхи сын, он родился, пока я пребывал в местах, извиняюсь, не столь отдаленных. Я ему рисовал красивых микки-маусов, доказательства у сеструхи, если печь не разжигала. Я пока временно отдыхаю, сижу как бибиситар при беби моей систер. Со мной чалился лох один, английскому учил. Он мне за это сигареты давал. Поэтому я так свободен с языками, только без задней мысли это.

В один прекрасный, а может, не прекрасный, но для вас точно прекрасный день я проснулся, потому что сеструха сказала просыпаться. Я увидел: в окошке смеркается. Я сел покурить у печки, а сеструха наорала, что я тролль, который гадит, я говорю, мне нечем гадить, вы собаку свою мясом кормите, а меня только картошкой, а собака только хвостом машет, а сеструха говорит, собака у забора гавкает, а с тебя как с козла молока, я говорю, давайте, я тоже буду гавкать, сеструха говорит, лучше с Егоркой посиди, тебе не привыкать сидеть, а у него сопли, в сад не возьмут, и дальше стала выражаться по саду нецензурно, чего я повторять не буду. Я сразу почувствовал неладное, но согласился. Я увидел, что Егорка лежит с открытыми глазами. Егорка сообразительный, весь в меня. Я накормил, и одел, и умыл Егорку, еще по его требованию я подкидывал его до потолка, пока не бо-бо, отревевши, мы сели играть в спокойные игры. Я стал читать Егорке сказку про теремок, точнее, мы рассматривали картинки, читает Егорка плохо. Не знаю, в кого.

На картинке был нарисован теремок, я объяснил Егорке, что теремок то же самое, что хата, и при входе надо обязательно снимать обувь и приветствовать. А про мышку-норушку, которая ест общий мед и больше никого не приглашает, я объяснил Егорке, что это не мышка-норушка, это крыса какая-то, и так в коллективе делать не положено. А про лягушку-квакушку, которая, хоть и прописана в теремке, все время шоркается по болотам, и погоняло еёшное на самом деле лягушка-

поскакушка. Я бы сказал Егорке всю правду про лягушку, но он еще маленький. А про зайчика-побегайчика я объяснил Егорке, что у этого зайчика мозги набекрень, раз он щемится внутрь, будто зима, хотя нарисовано лето. А про лисичку-сестричку – ну тут базара ноль, я объяснил Егорке, что именно такой должна быть настоящая баба, красивая и с улыбкой, как будто что-то задумала. Потом был нарисован волк зубами щёлк, я объяснил Егорке, что волк – это человек, когда он не легавая собака. Этим заявлением огорчить никого не планировал, просто рассказываю, как всё было. А вот смотрящий теремка мишка-топтыжка, который лезет на крышу и всё ломает, я объяснил Егорке, чтобы он не плакал, хоть теремок сломан, зато все звери на воле. И что они построят себе новый теремок, где станут жить вместе по понятиям, только без крысы, конечно, которая притворялась мышью.

Егорка стал требовать, чтобы мы собирали олега, а я уже так начался, что душа просила глотка свободы. Я пошел гулять, а телефон я не забыл, у меня его нет. Я говорил сеструхе, что мне нужен телефон, а она отвечала, что мне нужно голову лечить, а не телефон, а я ей отвечал, что голову мне отбил ее бычара муж, а она, что нечего лезть между любимками, а я ей, что защищал ее и вот благодарность, а она, да что ты говоришь, а ты в курсе, что мы развелись из-за тебя, потому что он сказал, ты дура, потому что у тебя и брат такой, вы недоразвитые обои, а я говорю, я такой из-за него, мне в диспансере электроэнцефалограмму мозга делали, увидели биоэлектрические поражения с подкорковой активностью, а она говорит, странно, что там вообще что-то нашли, короче, сеструха сама виновата в ситуации. Я одел Егорку тепло. Я одел ему сеструшину шапку. Я не крал шапку из ценного меха, я хотел, чтобы Егорке было тепло. И пахло мамкой.

Мы ходили по улице. Мы качались на качельках. Мы скатились с горки. Мы кидались снежками. Мы ели снег. Чистый нашли. Егорке понравилось. Мы смотрели, что в мусорном баке. Егорка попросил. Я его поднимал, держа под мышками. Я не виноват, что он вырвался от меня и туда дрепнулся. В мусорке ему понравилось. Не знаю, кем он вырастет. Я решил показать ему, что такое жизнь. Сказал, вылезай сам. Он орал, как голимый фраер. А я его, чтобы замотивитировать, передразнивал. Я не знал, что видео уже в интернете. Я не знал, что орать вместе с мелким это преступление. На меня вызверилась тетка, ранее не знакомая, чтобы я не издевался над дитём. Я не согласен, что я выразил явное неуважение к обществу, чем нарушил общественный порядок. Хочу пояснить, что на записи в интернете, где я цитировал первого Петра. Лох мне зачитывал, как первый Петр ругался, как сапожник. Первый Петр был царь, кто не в курсах, который строил корабли как в Европе. Лучше бы тюрьмы строил как в Европе. А то загонялся про ежа косматого. А между тем, Егорка сам вылез из мусорного бака. Я удивился, а Егорка сказал, что у него в садике звездочка по физкультуре. Егорка хотел лазить еще. Я его не подговаривал. Я вспомнил одно место, где можно гулять, лазить и снег чистый везде. Попутка довезла нас до храма за ручьем, я там по суду косил траву, обычную, а не которую вы думаете. В меру своей испорченности вашим кентигентом. С которым вы работаете.

Мы с Егоркой пошли мерить сугробы вокруг храма, где окна. И тут Егорка сам залез на окошко, в ранее уже кем-то разбитое стекло, и пролез. Я сам был в шоке с малого. Не знаю, в кого он такой борзый. Потому что его папаша – штопаный гандон. А сеструха баба. Окошко высокое.

Я шептал Егорке, чтоб он не барогозил. Он сам там все расшвыривал. Выкинул с окошка иконы, которые пострашней. Я не говорил Егорке, что брат. Я в душе не имею представления. Выкарабкался он сам. Я его словил, но это спасение в опасности. А не подсобничество, ранее не обещанное.

Было минус десять. Мы поехали назад на попутке до чела, имя не помню, дом не узнаю. Дома на районе одинаковые. Чел сказал, что святой Понтылимон фуфло, Божья мама с тремя руками тоже фуфло, а вот гулянье в аду на праздники нормальная икона и три кента в мангале тоже. Чел оставил у себя все. Дал два рубля, не мне, Егорке, на мороженое. Не отрицаю, что я торчал челу, имя не помню. Не возражаю, что буду торчать храму, что я не доглядел за Егоркой, это вышло нехорошо. Но знаете, лучше торчать храму, чем челу, имя не помню. Но я буду конфинсировать с доходов. Хотя я только охранял Егорку, моих отпечатков там вы хрен найдете. Мы купили Егорке пива, коньяк, пиццу, готовые мынты на рынке и шоколадку самую огромную.

Я понимал, что смеркается и Егорку надо вести домой, но я уже сильно мандражировал. Егорка был не вялый, не жаловался, лопал шоколадку. Егорка просил, чтобы мы пошли в гости. Я не мог отказать ребенку. Мы пошли к моему корешу Воронову Ж.И., погремуха Вареник. Сперва принял меня как родного. Мы присели, вкусно покушали, терли о жизни, о детях, пили то чай, то пиво. По поводу кореша, что я его обидел, я скажу так, обижают сами знаете кого, корешу я мог нанести моральный вред, и он что-то не помнит, когда у меня была автомашинка отечественная «шаха», я его бесплатно возил и его вонючую собаку в ветеринарку, возил ворону, пойманную им в огороде, мусор помог убрать с бабкиной дачи, когда меня осы покусали, а выяснилось, что это был не мусор, а стройматериалы, которые его батя с работы притаранил. Я вам этого не говорил. Но я все это перенес ради скупой мужской слезы и тихого «спасибо».

А как я обратился, сказал, ай нид хелп, коньяка поставил, причем хорошего, чтобы он Егорку к сеструхе отвел, в дверь незаметно позвонил и убежал, Вареник сдал назад, типа его коза ему сказала, что он в транду идет, если опять впишется во что-то аналогичное. И такой мне предьявляет, чё ты вот, Тихое лето, опять такой набедакуренный? И участковому на звонок «аллэ» говорит. Каблук. И это не я кричал, что Вареник пожалеет, что год назад по УДО вышел. Участковый заблуждается, это был телевизор. Я не давал Варенику по уху за то, что он крыса, хотя притворялся мышью. Требую очную ставку, глядя глазами в глаза.

Когда мы с Егоркой поспешно покинули подъезд, где я планировал ему объяснить, как идти домой, потому что он уже взрослый, потому что этим вечером пробовал пиво (просил сам, аж трясся, я сам был в шоке, но отказывать ребенку ни в чем нельзя, так сеструхе в садике сказали, а то Егорку заберет государство, чтобы отдать богачам, кому не получается зачать, как ценный генофонд нации), сотрудники вашей уважаемой, наверное, кем-то организации накрыли меня с мигалками. И отдали сеструхе, чтоб она накостыляла, прям демонстративно отвернулись, я не понял, где мужская солидность? Мы с вами ранее знакомы, разве я бы похитил ребенка? Это сеструха оговаривает со злости, что не может до меня добраться, пока я здесь. Я не воровал иконы, это Егорка. Он тоже не воровал. Он взял поиграть. Чего вы хотите с ребенка. Его так в детском саду воспитали. И еще у него

гены. Спросите сами у сеструхи, какое чмо ее бывший. Я тут не при делах.

Это не явка с повинной, просто рассказываю как было. За то, что ввел всех в такой шухер с волонтерами, согласен конфинсировать, только вы должны меня обеспечить койко-местом. Я теперь, в натуре, сирота. Сеструха сказала, чтобы больше моей ноги в ее доме не было. Сказала, что убьет меня, если появлюсь. И никто ее не посадит. Охотно верю. Сказала, что я лох и кабыздох. Я ей в маляве написал, что Бог ей судья, родного брата загнала на эшафот и в его жизни замутила поворот, а Егорке написал большими буквами, что дядька теперь живет в теремке, только без лисички-сестрички, а с реальными волками и крысами, первое это кайф, а второе скверно. Просто прошу по-человечески передать этот рисунок лично в руки. Малявы можете читать. Там ничего такого нет. Только забота о подрастающем поколении. Чтобы оно не выросло как я. И не бедокурило.

С моих слов вроде записано верно, мною прочитано.

Климушкин Егор Идрисович

Валерий РУМЯНЦЕВ

Родился в 1951 году в Оренбургской области в семье судьи. Окончив филологический факультет Воронежского государственного педагогического института, работал учителем, завучем в одной из школ Чечено-Ингушской АССР. По окончании Высших курсов КГБ СССР на протяжении тридцати лет служил в органах госбезопасности.

Автор двенадцати книг поэзии и прозы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Живет в Сочи.

ГОЛОС ПРОШЕДШИХ ЛЕТ

1

Шёл тысяча девятьсот шестьдесят седьмой год. Этот год запомнился празднованием 50-летия Октябрьской революции, открытием в Волгограде монумента «Родина-мать». В этом же году в Ленинграде изготовили первую партию цветных телевизоров «Радуга», вышло Постановление Правительства о переходе с шестидневной на пятидневную рабочую неделю, впервые в нашей стране был опубликован роман Булгакова «Мастер и Маргарита».

Об этих и других значимых событиях старшеклассник Борис Воронцов хорошо знал, так как был склонен к познанию мира. И этот мир задавал ему всё больше и больше вопросов, на которые нужно было находить ответы. Именно в это время Борис столкнулся и с тем, что называется любовью.

Воронцов влюбился в свою одноклассницу Галю Кузьмину. Сейчас они уже заканчивали девятый класс, быстро выросли, а Кузьмина не испытывала к Борису сердечных чувств. Хотя, по общему признанию, он был симпатичный парень, высокого роста, учился почти на «отлично», и второй год подряд его избирали комсоргом класса.

Тяга к знаниям усилилась у Бориса два года назад. На летних каникулах он перечитал все учебники пятого–седьмого классов по ботанике, географии, биологии и истории, так как убедился, что почти ничего не помнит из их содержания. Кроме того, он завёл тетрадь, в которую записывал незнакомые слова, значения которых не знал. И после этого рылся в словарях. А чтение художественной литературы стало одним из его любимых занятий.

Воронцов периодически проявлял знаки внимания к Галине, но ответной реакции не последовало. Нельзя сказать, что это задевало самолюбие Воронцова – такого чувства он не испытывал. Просто его сердце жаждало взаимности, а Кузьмина отталкивала его. Девушки – уникальные создания: они способны притягивать парней, отталкивая.

Как и многие школьники, попавшие в плен первого любовного, ещё только платонического, чувства, он начал писать стихи. И когда их накопилось несколько десятков, прочитал их старшему брату Алексею – студенту филологического факультета университета. И очень огорчился, когда тот сказал:

– Очень слабые вирши. Всё в корзину, а вот это оставь. – И, взяв в руки тетрадь, сам прочитал вслух одно стихотворение:

Четыре строчки за день стихов.
 Четыре ночи бессонных снов.
 Четыре капли, выпавших из глаз.
 Четыре сабли прокололи враз.
 Четыре чувства захватили власть.
 Четыре буйства не хотят пропасть.
 Четыре, четыре, четыре, четыре –
 Шестнадцать бросков к окну твоему.
 И, как удар по голове гирей,
 Четыре пощёчины. Мне. Одному.

Затем Алексей ещё раз прочитал это стихотворение уже про себя и спросил:

– Ты влюбился, дружок?

– Да, – признался Николай. – Но она...

– Не отвечает взаимностью. Это, брат, в жизни часто бывает. Любовь – это своего рода налог, который мы вынуждены платить за то, что у нас есть сердце...

Эти слова брата Воронцов запомнил на всю жизнь.

Все мы закованы в кандалы обстоятельств. Вскоре Борису предстояло расставание со своей школьной любовью. И это его мучило больше всего.

Семья Воронцова переезжала из посёлка городского типа Куйбышевской области в город Сочи. Дом на курорте был куплен недавно, мать и отец Бориса находились уже в Сочи.

В начале июня Воронцов получил в школе табель об окончании девятого класса и на следующий день сел в электричку. Ему предстояло доехать до Куйбышева и оттуда самолётом вылететь в Сочи.

Зайдя в вагон, Борис положил на верхнюю полку чемодан и стал внимательно смотреть в окно. Он мысленно прощался с местами, ставшими для него родными. Здесь прошло его детство, началась юность. Он смотрел на знакомые улицы, испытывая противоречивые чувства. Жалко покидать друзей детства, школьных товарищей и особенно дорогую его сердцу Галину Кузьмину. Неужели он никогда её больше не увидит? От этой мысли ему сделалось не по себе, и он стал ещё внимательнее всматриваться в окно.

На краю посёлка стоял небольшой частный домик, в котором жила Кузьмина. И Борис хотел ещё раз посмотреть на этот домик. Электричка набирала скорость, дома мелькали... И что это?! Воронцов неожиданно увидел Галину перед соседским домом, где был колодец. Из колодца она набирала воду. В душе Бориса что-то мгновенно оборвалось. Когда чувства взрывают сердце, взрывная волна доходит до разума. Борис вскочил, почувствовав, как будто кто-то толкает его к выходу из электрички. У него появилось только одно желание: выпрыгнуть из вагона, чтобы навсегда остаться там, рядом с ней...

Электричка вырвалась из объятий посёлка и уже неслась как угорелая по степи. Воронцов пришёл в себя – и сел на место. Так паршиво он себя давно не чувствовал...

И только в самолёте Воронцов окончательно успокоился. «Не всё так плохо, – подумал он. – В Сочи я увижу много для себя нового, наверняка встречу немало интересных людей...»

2

В городе-курорте всё было по-другому: люди, архитектура, рынки, пляжи... Больше всего Бориса поразила природа. Море и горы, кипарисы и пальмы, горные речки, цветы магнолии – на это можно было смотреть часами.

Однако более существенным было другое. В этом мире Воронцова многое не устраивало. Он где-то прочитал: чтобы изменить этот мир к лучшему, нужно изменить людей. А чтобы изменить людей, думал он, нужно изучать их: и мужчин, и женщин. И в Сочи он стремился к общению с новыми людьми. Ему нравилось посещать рынки, вокзалы и другие места скопления местных и приезжих; наблюдать за ними: о чём они говорят, что делают в той или иной ситуации.

Каждый день Борис не только читал новые книги, но и посещал пляж. У него появились новые приятели. Он заметил, что психологически ему было трудно завязать знакомства с женщинами, которые старше него. Этот недостаток он решил исправить и начал знакомиться с этой категорией прекрасного пола, выбирая тех из них, кто ему понравился. Но чаще всего это ему не удавалось, и он предпринимал всё новые и новые попытки.

В конце июня в жаркий полдень, покинув пляж, он возвращался домой.

Обгоняя на крутой бетонной лестнице двух молодых женщин, Воронцов услышал:

– Как тяжело подниматься, – пожаловалась брюнетка.

– Ничего, потихоньку дойдём, – успокаивала её блондинка.

– Кто бы подал руку? – сказала брюнетка, увидев Бориса, обгоняющего их.

Поведение женщины подсказывает лучший способ знакомства с ней, и Воронцов воскликнул:

– Я! – и подал руку незнакомке.

Брюнетка протянула свою миниатюрную ручку и, улыбаясь, изрекла:

– Спасибо. Меня зовут Светлана. А вас?

– А меня Борис, – ответил Воронцов и ощутил в своих пальцах нежную кожу незнакомки.

На следующий день они, как и договорились, встретились вдвоём на диком малолюдном пляже. Морская вода здесь была чище, чем на пляже городском.

В ходе разговора Светлана сообщила, что приехала отдыхать из Красноярска и работает переводчиком в Интуристе.

Потом они бултыхались в воде, как дети, смеялись, обдавали друг друга тёплой морской водой и, стоя на месте, опускались в воду с головой и затем пружиной выпрыгивали из неё.

Когда Борис в очередной раз вынырнул из воды, то увидел: бюстгальтер у Светланы сполз вниз. Первый раз в жизни он смотрел на обнажённую женскую грудь. Испытав обжигающее чувство любопытства

и испуга одновременно, он нырнул и уже, проплывая под водой, подумал: «Наверно, она, прыгая в воде, не почувствовала, что лифчик сполз вниз». Ещё проплыв несколько секунд, чтобы женщина успела привести себя в порядок, он вынырнул и увидел, что чепчик для близнецов был на месте. Они продолжили смеяться, ладонями обрызгивать друг друга и погружаться в воду. И вскоре Борис, высунув в очередной раз голову из воды, второй раз увидел обнажённую грудь. Он сразу же нырнул. «Это уже не случайность», – решил он и отплыл подальше.

Любовь рождается там, где рождается восхищение. Однако восхищения эта женщина у Воронцова не вызывала.

Это было их единственное свидание, которое закончилось взаимной неудовлетворённостью.

За летние каникулы ещё две зрелые женщины пытались соблазнить его, но он уклонился. И правильно сделал: в бесстыдстве гибнет душа и рано стареет тело.

Первого сентября Воронцов появился в новой для себя школе. Когда он зашёл в кабинет десятого класса, к нему приблизилась уверенная в себе красивая девушка и сказала:

– Я Жанна Лепешинская, староста класса. Сидеть будешь здесь, – и показала пальцем на парту.

– Хорошо, – машинально промолвил Борис.

Он смотрел в голубые глаза Жанны и больше ничего не видел. Ничего! В этот миг она действительно была невероятной красоты, являвшей совершенство женских форм.

Это была любовь с первого взгляда. Такого в жизни Воронцова никогда не было, даже с Галей Кузьминой.

Лепешинская, по мнению большинства учителей и учеников, считалась первой школьной красавицей. К тому же она всегда была красиво и модно одета, в ушах золотые серёжки, на пальце – дорогой перстень.

Школа, в которую пришёл Воронцов, во многом отличалась от той, в которой он учился раньше. Многие старшеклассницы имели дорогую одежду, носили импортную обувь, на их пальцах и ушах поблёскивали золотые украшения. Почти у всех учеников были зонты от дождя, чего не было в предыдущей школе.

Субботними вечерами многие одноклассники Бориса собирались и, выпив вина, шли на танцы. В предыдущей школе ничего подобного Воронцов не наблюдал. А когда он пришёл на первый школьный вечер, увидел, что только у него одного хлопчатобумажная белая рубашка. У всех остальных ребят белые рубашки были нейлоновые. Нейлон тогда только начинал входить в моду.

С первых же дней Воронцов начал получать сплошные пятёрки по всем предметам. Ещё год назад кроме тетради для незнакомых слов Борис выделит и тетрадку, в которую заносил наиболее понравившиеся ему крылатые слова. Была там и такая запись: «Капли знания точат глыбу невежества». Хозяин тетради не забывал эту мысль.

В коллективе всегда есть место для лидера. И это место, как сразу понял Борис, занимала Жанна.

Первое впечатление – это всего лишь оболочка восприятия. Чувство – материя хрупкая, оно может затвердеть только с помощью разума.

В последующие дни Борис стал замечать в поведении Лепешинской то, что ему очень сильно не понравилось. Она бесцеремонно отдавала распоряжения всем без исключения одноклассникам – и те спешили выполнить её команды по подготовке к уроку, уборке класса или прове-

дению каких-либо мероприятий. Временами ветер высокомерия сдувал у Жанны остатки ума.

Она так часто выходила из себя, что протоптала тропу. Её голос был слышен каждый день, и в нём нередко звучали оскорбительные выпады в адрес школьников. Одноклассники видели несправедливость Лепешинской, но активно не протестовали. Чувство справедливости есть у всех, но многие с ним успешно борются.

И у Воронцова начало меняться отношение к Жанне. А ещё через неделю он удивился: как он мог вообще влюбиться в эту куклу? У Бориса появились первые ростки неприязни к ней.

Прошла ещё одна неделя. В воскресный сентябрьский день на диком пляже собралась примерно половина класса отметить день рождения Жанны Лепешинской.

Присутствовала там и Валя Смирнова. Она была из бедной семьи и несколько лет мечтала приобрести надувной матрас. Прошедшим летом она подрабатывала в столовой и купила наконец-то эту вещь. Борис ртом надул этот новый матрас и передал хозяйке. Но Вале не удалось им воспользоваться. Временами волна самолюбия накрывала Лепешинскую с головой. Так случилось и сегодня: весь день она сидела или лежала на этом матрасе. А Вале пришлось сиротливо ютиться на камнях.

В конце мероприятия Воронцов не выдержал и взорвался. Он подошёл к Лепешинской и в присутствии одноклассников решительно заявил:

– Так с товарищами не поступают. Принесла бы свой матрас и валялась на нём...

– Не лезь не в свои дела, – огрызнулась Жанна. – Только пришёл в наш класс – и уже пытаешься командовать. – И с нескрываемой злостью добавила: – Никогда не забывай: для нас ты всегда будешь чужаком.

– А ты останешься в памяти одноклассников как глупое и наглое существо, достойное презрения и забвения, – отрубил Воронцов и отошёл в сторону.

Таких слов никто из учеников никогда Лепешинской не говорил. И чтобы как-то отомстить, на следующий день Жанна во всеулышание заявила:

– Воронцов влюбился в Смирнову – вот и заступает за неё...

Это ещё больше разозлило Бориса: Валя Смирнова была невзрачной девочкой маленького роста.

Конфликт между Воронцовым и Лепешинской шёл по нарастающей – и стена неприязни росла между ними каждый день.

Так и не помирившись, они и дожили до выпускного вечера.

3

Прошло пятьдесят три года. За это время Борис Петрович Воронцов успел окончить военное училище, академию, прослужить в армии почти сорок лет и затем поработать на гражданке. Во время отпусков со своей семьёй периодически приезжал к родителям в Сочи. Три раза случайно встречал Жанну Лепешинскую. Первый раз она отвернулась от него и сделала вид, что не заметила одноклассника. Ещё два раза они без энтузиазма поздоровались – и на этом неполноценное общение завершилось. Судя по выражению лица Жанны, эти встречи не вызывали у неё положительных эмоций. Юность не уходит, она остаётся в душе и периодически напоминает о себе.

Воронцов служил под диктовку времени, хотя текст далеко не всегда был ему по душе. В отставку вышел в звании полковника. На постоянное жительство в Сочи вернулся пять лет назад, когда отец и мать покинули этот мир. Квартиру в Волгограде оставил уже взрослому сыну. Сейчас проживает с супругой в родительском доме.

Супруга для Бориса Петровича была не просто женой, а главным счастьем в его жизни. Трудно приобрести счастье, ещё труднее сохранить его. Но Воронцову посчастливилось достичь и первого, и второго. Супружество – это двое в одной упряжке, но хомут нередко у одного. К счастью, в его семье такого не наблюдалось. Общение с другими людьми требует одарённости, для общения супругов нужен талант, ибо бытовые и иные проблемы не покидают семейные пары и душат своим постоянством. Более красивой (каждый молится на свою икону красоты) и порядочной женщины он в своей жизни не встречал.

Жена Воронцова понимала, что семейный очаг – это не помещение, а тепло, которое царит в нём. Поэтому Борис Петрович и продолжал любить её.

Трудно забыть то, что легко вспомнить. Вспоминая женщин, с которыми у него были близкие или не очень отношения, Воронцов пришёл к выводу, что в любви всегда есть что-то необыкновенное, но истинное чудо – это супружеская любовь.

Не зря говорят, что, когда виски покрываются серебром, в голову приходят золотые мысли.

И вот как-то неожиданно к Воронцову в январе этого года подкралось семидесятилетие, которое он собрался скромно отметить у себя дома в кругу своей супруги и двух приятелей с их жёнами. Ещё обещали прилететь из Волгограда сын и дочь, а также старый армейский товарищ.

Получив от супруги список продуктов, Воронцов сел в свою «Ладу-гранту» и поехал в «Магнит» за покупками. Там он заполнил тележку многочисленными бутылками, мясными, молочными и прочими запасаками. Подкатив тележку к кассе, он начал выкладывать на прилавок покупки. Перед ним расплачивалась пожилая женщина, одетая в изрядно поношенную куртку; на голове у неё был какой-то уж совсем неприлично старый платок. Борис мельком увидел только профиль этой женщины.

– С вас триста семнадцать рублей, – сказала кассирша покупательнице.

– Ой, а у меня только триста рублей, – испуганно ответила, как показалось Воронцову, старушка.

– Семнадцать рублей возьмёте с меня, – машинально предложил Воронцов кассирше, продолжая выкладывать на прилавок набранные продукты.

– Спасибо, Боречка, – услышал Воронцов и, взглянув на лицо покупательницы, опешил. Это была Жанна Лепешинская.

Борис Петрович так растерялся от неожиданного оборота событий, что не смог вымолвить ни слова.

Когда сел в машину, подумал, что зря он не сказал Жанне хороших слов на склоне лет. Ведь горячие угли напоминают нам, что и в конце жизни можно дарить людям тепло.

Павел КРЕНЁВ

Родился в 1950 году в деревне Лопшеньга Архангельской области. Окончил Ленинградское суворовское военное училище, факультет журналистики Ленинградского госуниверситета, Высшие курсы КГБ СССР, аспирантуру Академии безопасности России. Кандидат юридических наук.

Работал в СМИ, служил в органах государственной безопасности, преподавал в Академии безопасности, занимался научной работой, руководил группой научных сотрудников и консультантов Министерства безопасности РФ по вопросам разведки и контрразведки. Работал в администрации Президента РФ в Главном правовом управлении, занимал ряд других должностей на государственной службе.

Автор многих книг, лауреат всероссийских и международных литературных премий фестивалей «Русские мифы», «Золотой витязь», имени Николая Лескова, Александра Невского, Союза писателей России. Секретарь Союза писателей России. Живет в Москве.

БОЛЬШОЙ КАБАН

Рассказ-быль

Он стоял на излюбленном пригорке возле выворотка громадной лиственницы и со стороны напоминал чугунное изваяние гигантского фантастического вепря. Это было его место. Здесь, на маленьком лесном возвышении, прошли его детские дни и месяцы, тут он рос вместе с остальным кабаньим выводком и в солнечные летние дни на просохшей земле резвился, играл с другими поросятами, жадно прикивал к сосцам матери-свиньи, а потом под её руководством делал набеги на расположенные невдалеке огороды и поля, где росли сладкие плоды картофеля, репы и редьки. Тут он вырастал и постепенно превращался в матёрого и сурового в повадках секача, беспощадного к самцам своего и чужих выводков.

Уже множество его детей, выросших и растущих в различных выводках, носят его родительскую кровь и при случайных встречах с ним на лесных просторах чувствуют эту родственную близость, улавливают в страшном для них месиве чудовищных и опасных для них запахов приметы давно вызревшего самца, способного убить любого из них в одно мгновение, тянутся к нему, повинувшись зову родной крови, но Большой Кабан не признаёт никого и гонит от себя всех, потому что друзей рассматривает как посягательство на свою власть, которую не желает делить ни с кем.

У него нет в этих местах врагов, потому что всех их он или убил, или подчинил себе. Казалось бы, о чём же ему беспокоиться? Его окружал

один лишь лес, как всегда молчаливый и задумчивый, и его не смели тревожить посторонние звуки.

Но всё же сегодня с раннего утра что-то взволновало немолодого уже и опытного, повидавшего всякое вебря.

Может быть, тому причиной была его мать, старая кабаниха, покинувшая лесной мир ещё в прошлом году и вдруг пришедшая к нему сегодняшней ночью и предупредившая: эти проклятые люди готовят опять какие-то козни против него и всего кабаньего стада. А может, волнения идут от негромких человеческих голосов, с раннего утра появившихся и никак не стихающих с той опасной стороны, откуда обычно приходят люди...

* * *

Бывалый охотник Евгений Архипович Чубкин встретил это утро сидя на давно привычной маленькой зелёной скамеечке, установленной для него в диком лесу, около ствола старой толстой сосны и вслушиваясь в окружающую природу. Он всегда сам выставлял номера в местах, которые полагал важнейшими на сегодняшний день. В этом заключалась главная его тайна как постоянного охотничьего руководителя, как организатора всех охотничьих вылазок в эти богатые дичью уголья: угадать, где пойдут лось или кабан, верно расставить людей, чтобы надёжные, меткие стрелки оказались на наиболее вероятных местах появления зверя. Это целое искусство, и Евгений Архипович за годы руководства охотхозяйством научился владеть им безукоризненно.

В лесу царствовал месяц март в самом его начале. Как обычно, в этот рассветный час после очередного золотого денька конца зимы, когда ещё не разогретое, но уже вполне яркое солнышко дарит соснам первое тепло, отчего иголки оттаивают, и на них появляются дрожащие на ветру капельки прозрачной влаги. На лес в конце ночи упал утренник – крепкий морозец – и украсил деревья тонкими ледяными хрусталиками. От этого весь окружающий бор словно бы оделся в бело-зелёные шубки, прошитые россыпью изумрудов вперемежку с белыми жемчугами.

Первые солнечные лучи ещё не поднявшегося над горизонтом солнца падают на лес сбоку и оттого не могут проникнуть сквозь толщу сосновых крон. Деревья, сгрудившиеся друг за другом, создают плотную тень, которую вряд ли бы смог бы пробить любой прожектор. Светило придёт сюда, когда приподнимется над лесом, а потом медленно поплывёт над лесными верхушками и будет висеть над сосновой чащей совсем ещё немного. Хоть и начало первого весеннего месяца, но здесь всё же север, и дни пока что короткие: далеко ещё до прихода тепла.

Евгений Архипович всегда страстно любил любой лес, хоть летний, хоть зимний. Тем более он охотник с молодых лет. И страсть эту пронёс через всю далеко не маленькую жизнь. И, так уж получилось, почти всё его окружение, познакомившись с ним, тоже начинало увлекаться природой и охотой.

Был он в городе большим начальником – руководителем крупного строительного треста и занимался делом, которое всей душой любил сызмальства, со студенческих лет, – всю жизнь чего-то строил. И не жалел для любимого занятия ни сил, ни времени, ни здоровья. В такой работе, где всё на износ, в том числе и его здоровье, он однажды ночью присел дома на стульчик и впал в забытьё – свалился со стула. Когда жена его, Лидия Семёновна, добрейшая душа, до смерти перепуганная

этим случаем, привела его в чувство, Чубкин очнулся и, посидев на кровати с поникшей головой минут двадцать, понял: больше не может так работать, надо отдыхать... Иначе скоро помрёт...

Толковые врачи подсказали ему: срочно нужен передых, надо менять режим... И тут судьба, всегда благосклонная к нему, вывела Евгения Архиповича на совершенно другие условия работы. Именно в тот сложный и довольно безысходный период сошлись его душевные интересы с городским охотничьим обществом. Так получилось: закадычные банкетные кореша из городского руководства, с которыми он изредка встречался, можно сказать случайно, не спросив его, записали в члены этого общества. Чубкин выехал с новыми товарищами на природу, раз-другой, осмотрелся там... И разглядел: на природе всё очень даже неплохо: и воздух другой, и рюмочка водочки там всегда кстати, и, чего там говорить, такие русские пейзажи, о красоте которых он забыл и думать... Охотники его крепко взяли в оборот, а председатель городского общества, узнав о появлении в их рядах столь высокого участника и поняв, какие выгоды это может сулить, осыпал его всеми возможными милостями и сделал самым дорогим гостем и участником наиболее сокровенных «выездов на природу», а говоря более конкретно, пьянок с участием высоких гостей городского, а то и областного уровня. Затеял с ним теплейшую дружбу.

Само собой, в охотхозяйстве в результате укрепления отношений с региональной строительной верхушкой, а точнее говоря, свалившегося в результате этого с небес на городское охотничье хозяйство форменного счастья, произошли некоторые благоприятные перемены: выстроилась красивая баня, нашлись деньги на ремонт основного корпуса, облагородилась территория, покрасились все возможные заборы...

Зато и Евгений Архипович обрёл наконец спокойствие и тихое счастье: в потаённом местечке, спрятанном в зарослях густого орешника, сросшегося с ёлками и рябинами, в дальнем уголочке свежееотремонтированного корпуса охотничьей базы ему построили уютный домик с банькой, с душем, с комнатой отдыха – всё, как у уважаемых в городе людей... В домик этот, естественно, кроме самого Чубкина да двухтрёх человек из высшего областного общества, никого не пускали.

А кто бы стал перечить, говорить что-нибудь супротив? На этой базе, в этих заповедных местах именно он хозяин – слишком изрядные суммы перетекли сюда от подчинённой ему организации, чтобы отдать их за здорово живёшь каким-то другим господам. Да никто и не сунется: каждая собака знает – здесь хозяйство Чубкина, или, как теперь говорят, «самого Евгения Архиповича».

Да, всё складывалось как будто неплохо, можно сказать, хорошо. Однако управляющий строительным трестом Чубкин, а теперь начальник лучшего в области охотничьего хозяйства, за долгую жизнь понял – нельзя останавливаться на достигнутом. Только чуть притормозил, только прекратил движение вперёд, как глядишь – тебя уже обходят слева, потом справа... Самоуспокаиваться опасно, иначе закиснешь, или, как говорит молодёжь, «уйдёшь в отстой». Евгений Архипович ведь не глухой и слышит: в городе то там, то сям раздаются разговоры, мол, «устал Архипыч, темпы сбросил, реакция уже не та»... и видит, как кое-кто из молодых заместителей уже приноравливается, как бы подставить шефу подножку на каком-нибудь служебном вираже... Хотя сам он их вырастил, вскормил, так сказать, с ладоней... Да кто об этом помнит, когда речь идёт о карьерном рывке? Ведь он и сам-то,

чего уж там говорить, далеко не пренебрегал разными такими приёмами, шагая по карьерной лестнице.

Чубкин понимал сейчас: надо сделать шаг, который заставит всех заткнуть рты, покажет – он ещё на многое способен.

Надо сделать рывок вперёд! Необходим эффектный ход!

Сегодня он привёз на охотбазу группу отборных, многократно проверенных в делах, «злых», как их называют, охотников. Людей, которые давно доказали: не могут, не должны подвести, показали себя как в сноровке, так и в стрельбе. Никакой зверь не сможет проскочить мимо. Ему хотелось, чтобы состоялась серьёзная охота, может быть, самая серьёзная в его жизни, из которой он должен выйти победителем. Надо, чтобы люди сами восхищенно осознали: Чубкин вне конкуренции, Чубкин суперстар! И тогда он сможет спокойно сидеть в уютном домике ещё, как минимум, года два-три.

У него верный глаз и твёрдая рука, и только он легко собьёт влёт любую дичь, завалит на полном ходу и лося, и вепря. И даст фору любому, кто в этом усомнится. В его тщательно хранимых от посторонних глаз, запутанных можжевельново-орехово-еловых крепях прячется огромный кабан, которого видали уже многие, – гроза этих мест, которого обходят стороной даже волки. Люди, за огромные его размеры, именуют Большим Кабаном.

Совсем не зря Евгений Архипович долго и последовательно, незаметно для других, выращивал в своих угодьях Большого Кабана, и теперь, когда тот стал легендой этих мест, пришла пора сделать из него красивый трофей, способный украсить и увенчать охотничью славу Евгения Архиповича.

* * *

Чубкин с годами стал страсть как не любить выходить из дома в такую рань, да ещё в лес, где всегда неуютно и холодно. С годами эти ощущения сгущаются в теле, накапливаются, и человека старого, пусть даже азартного некогда охотника, не выгонишь из дома в лес, да ещё в сырость или в холод. Евгению Архиповичу уже минуло шестьдесят, и теперь, когда за окном хлестало ненастье, он по вечерам на даче любил посиживать перед телевизором с чайком с Лидией Семёновной, а когда выходил в прохладу на крылечко, кутался в мохеровый плед и, поглядывая на падающие со стрехи дождевые капли, ёжился и не очень-то охотно вспоминал, как они с командой рьяных тридцати-сорокалетних добытчиков тропили и добывали лосей, кабанов, зайцев, как стреляли по вёснам и осеням в любую погоду уток и гусей на перелётах, как им было интересно и весело. Теперь эти воспоминания вызывали лишь зябкую дрожь и оторопь: что ими двигало тогда, молодыми балбесами? Припоминая это, Евгений Архипович, как правило, вздрагивал и прятал шею в воротник. Ему становилось неуютно, где бы он ни находился, и по спине, словно клопы, ползали холодные мурашки.

Чубкин с неохотой осознавал неизбежность появления такого рода воспоминаний и ощущений: к нему подкрадывается старость! Эта проклятая старуха приходит ко всем, теперь решила заглянуть и к нему.

В общем-то он примет её – эту старую каргу: всё равно ведь заявится. Другое дело, почему именно сейчас? Ей что, так приспичило погасить его свежий дух, его бодрость, внутренний заряд? У него ещё много в жизни задач, требующих энергии и затраты немалых сил.

Он не готов состариться и потерять вкус к жизни.

Уже два года он ждёт встречи на охотничьей тропе со ставшим легендой огромным секачом, обитающим в этих местах, который живёт здесь один, в тихой глуши среди зарослей орешника, тёмных, густых ельников. Которого люди, даже не видавшие его, именуют вполголоса, закатывая при этом глаза.

Так уж получилось, места обитания Большого Кабана почти совпали с его, Евгения Архиповича, местом работы. Зверюга проживает на куске леса, где расположена центральная база охотничьего хозяйства, находящегося в его подчинении.

За два года нахождения по соседству с Большим Кабаном Чубкин много раз видал его, можно сказать, привык к нему, начал понимать его звериную сущность, воспринимать повадки, даже предугадывать его дальнейшие шаги... Большой Кабан поселился где-то поблизости и живёт рядом с ним... Стал иногда приходить к нему в свидениях по ночам... При этом вид его был совсем не дружественный, а очень даже грозный: зверюга выскакивал перед ним из леса, тарасил на него маленькие красные глазки, угрюмо водил кабаньим рылом и, опираясь на сильные передние лапы, страшно хрюкал, выбрасывая пузыри со слюной, и всё подпрыгивал, как бы наступая...

– Ну, едри тебя, – размышлял в такие минуты Евгений Архипович, – придётся, видать, повоевать с тобой, секачара...

* * *

Загон ещё не начался. Сидя на зелёной скамейке, Чубкин внимал лесу. Не было слышно ни шума, ни криков, издаваемых загонщиками, не голосили они, не стучали палками о стволы деревьев. Не звучали и их песни, хотя обычно частенько кто-нибудь из них, слишком музыкальный, орал во всю Ивановскую ту же «Катюшу», или «Вот кто-то с горочки спустился...», или «Раскинулось море широко...» Это для азарта и для того, чтобы придать смысл долгому, бесцельному хождению по бескрайним лесам, ведь им, загонщикам, часто приходится шлёпать по лесам в полном неведении, куда они движутся, где начало и конец их движения. Для них существует одно только заданное им егерем направление, которого надо придерживаться и не уходить в сторону. Сбиться с курса, заблудиться, увести людей не в ту сторону означает потерять время не только своё, но и всей приехавшей охотничьей команды и, как результат, – потерять уважение коллектива. А это страшнее всего! Это грозит тем, что тебя больше не возьмут на коллективную охоту. Будешь ты сидеть по выходным у телевизора в надоевшей городской квартирке и глазеть вместе с вечно чем-то недовольной дородной супругой какую-то белиберду. Вместо того, чтобы с боевыми товарищами восторженно вдыхать лесные ароматы, тропить и гонять по лесам дикое зверьё, наслаждаться вольным воздухом свободы и в моменты охотничьей удачи выпивать на морозце чарочку-другую «на крови».

В работе загонщиков существуют даже и реальные опасности. Они должны всё время в моменты движения создавать шум, например, стучать палками о стволы деревьев. И это не только для того, чтобы выгнать из лесных крепей спрятавшихся зверей, но и затем, чтобы обозначать притаившимся номерам своё местонахождение: уже бывало много случаев, когда тихо идущих загонщиков принимали за крадущихся лосей или кабанов и открывали по ним огонь...

Бывало всякое...

Чубкин хорошо разбирался в повадках и хитрости стронутого с лёжки зверя. Он знал: нельзя пускать загон строго по ветру, дующему на стрелков сзади. И взрослые лось, и кабан не выдерживают постоянного присутствия этого запаха и, несмотря на подгоняющие за спинами крики охотников, уходят куда-нибудь в сторону, стремятся выйти из загона. Потом их трудно будет найти и вновь организовать охоту, снова выстроить линию стрелков и линию загонщиков. Вообще, выбор направления движения при разных ветрах – самый основной в облавной охоте. Далеко не все даже, казалось бы, опытные зверобой, понимают зверя и почти всегда остаются с носом, а не с добытым мясом.

Евгений Архипович Чубкин, наоборот, практически всегда был с добычей, и люди, которых он приглашал составить ему кампанию, без добрых кусков кабанятины или лосятины с охоты никогда домой не возвращались.

Надо было только понять, или, говоря точнее, предугадать, куда, в какую сторону направится клыкастый зверь. Чубкин никогда не ошибался, разгадывая звериные хитрости. Охотники очень это ценили и стремились попасть именно к нему.

И охотничье хозяйство под его руководством процветало.

Чего тут скажешь: жила рядом с ним эта красивая женщина по имени Охотничья удача, и он любил её, а она – его, и пребывали они в гармонии.

* * *

Секача, обитавшего в хозяйстве Чубкина, все боялись. Люди, в том числе и сам Евгений Архипович, поражались его размерам: ростом с полугодовалого телёнка, только раза в два толще. Центнера на два с половиной потянет – так определяли приблизительный вес секача те, кто его видал. Вид ужасающий, что там говорить. Но всё это: и невероятные размеры, и реальные килограммы, как ни странно, совсем не пугали Чубкина, а, наоборот, вдохновляли на подвиг. Во что бы то ни стало, он решил добыть невероятного веприщу, а затем фотографию их совместную – его самого и убитого им секача-рекордсмена опубликовать в заметной прессе. Сам себе Евгений Архипович задавал при этом такой вопрос: у кого поднимется рука после этого ставить вопрос об увольнении его с занимаемой должности? Совершенно очевидно: общественность будет просто требовать оставить его на работе как ответственного человека, абсолютно ей соответствующего.

Очень кстати пришёлся случай, происшедший в их охотничьих угодьях как раз в это время.

Той осенью Большой Кабан до смерти напугал двух деревенских тётушек, собиравших грибы в тех местах. Пенсионерки Таисия Митрофановна и Клавдия Михайловна, весьма охочие до чёрных груздей, с раннего утра ушаркали в Кренёвшину, любимое их место, где обильно всегда водились сыроежки, да лубяницы, да всяки-разны солоняки, включая и этих самых груздей.

Старушки эти потом в деревне сказывали: «Берём мы, берём грибочки-то, и тамогде, прям нам навстречу – о! – вышел батюшко кабанишшо етот. Здоровушшой, страхи божьи! Вышел на дорожку, змей, стоит-постаиват, не уходит, только хрюкат, да вот и всё. А как хрюкнет, дак ажно подпрыгиват. Глазишша на нас вытарашил... А нам куды девачче? Некуды! Мы и прыснули оттуль...»

– А он чего? – поинтересовался Чубкин.

– А откуда мы знаем? Нам бы одно дело справиться – уतिकать бы только скорее, да вот и всё!

Евгений Архипович из того, рядового, в общем, случая раздул ситуацию так: Большой Кабан перешёл к террору населения, и теперь срочно необходимо его отстрелять. В областном охотхозяйстве никто не стал возражать, и ему выдали лицензию, в которой было прописано право «добыть одного кабана».

* * *

Секач уходит от загонщиков, как боевой танк. На ходу для него нет никаких препятствий. С одинаковой резвой скоростью, на коротких, но мощных ногах он передвигается и под снегом, и по сугробам, и по мёрзлой земле. Он крепок на рану: «чиркающие» по телу, рвущие толстую, грубую шкуру пулевые и картечные попадания его совсем не останавливают. Секача завалит лишь прямое попадание в голову или грудную клетку.

Он ходит отдельно от стада: его к молодняку не подпускает свинья-матка. Самец, хоть и отец молодняка, но природой так отпущено, что не будь рядом матери-свиньи, секач за милую душу сожрёт всех детей, когда сильно проголодается. Такие у них свинячьи порядки.

Друзей среди других кабанов у свиного самца также не бывает, поэтому он вынужден всю жизнь пребывать в одиночестве.

Жил Большой Кабан в дальнем углу чубкинского охотхозяйства и, словно чуткий сосед, старался ничем не донимать Евгения Архиповича, а тот и сам стремился держаться подальше от громадного кабанища. И людей от него умышленно отводил. Но всякий раз в моменты организации охот в душе его почему-то постоянно возникала такая вот мысль: им всё равно суждено когда-нибудь встретиться на узкой охотничьей дорожке. Но, инструктируя загонщиков, он всякий раз посылал их туда, где они гарантированно не могли бы пересечься с Большим Кабаном.

Чубкин подспудно берёт его для себя.

Но у людей бывает всё наперекосяк, вечно они что-нибудь придумают, противоположное реальному положению дел. Кому-то в голову пришла мысль: Чубкин побаивается громадного кабаняру и поэтому не организовывает на него охоту. И слухи такие потихонечку поползли по городу. Евгения Архиповича это возмутило до глубины души. Высказал он возмущение родному человеку, жёнушке любимой Лидии Семёновне, и та сказала так:

– А ты бы порешил его, Женюшка. Чего зверюга этот народ донимает? Люди бояться стали в лес выходить. Разве нормально это при живом-то хозяине?

– Ты кого это имеешь ввиду?

– Тебя, конечно, кого ж ещё. Пока ты вопрос не решишь, всё так и останется

Сказала так спокойно, рассудительно, как о само собой разумеющемся. И до Евгения Архиповича дошла серьёзность ситуации: людям давно надоел этот здоровенный кабан. Пугает он людей, народ стал своих лесов бояться.

И примерно месяц назад начал потихоньку готовить решающую охоту.

* * *

Опять он пригласил лучших, проверенных стрелков. Так и объяснил всем: сплеховать никак нельзя, может быть, придётся на этот раз встретиться с самим Большим Кабаном... Люди отнеслись к сообщению с большой серьёзностью, как-то подтянулись все, сосредоточились... Вопреки укоренившемуся правилу, народ, приехав на базу, дружно отказался от обычных «наркомовских» ста грамм. Коллектив решил: момент ответственный, нельзя быть «выпимши»... Сидели охотники за большим общим столом, ели консервы, молча пили чай и тихо разговаривали. Потом Чубкин дал команду спать, и все разошлись по койкам.

А Евгений Архипович пошёл на улицу, чтобы послушать лес.

В ночном мартовском лесу тихо-тихо позванивали ёлочные и сосновые иголки, прихваченные лёгким морозцем начала северной весны. В чёрном небе горели тоненькие яркие звёздочки. Окружающий охотничью базу лес пошумливал хвоей, посвистывал тонкими веточками голых берёз. В соседней, не очень далёкой деревне, всё лаяли и лаяли две собаки, наверное, выясняющие собачьи отношения.

Всё было, как всегда.

В восемь часов утра Чубкин отправил загонщиков, пятерых человек, к месту начала загона. Они уехали на колхозных санях на доброй лошадке по имени Вёсенка, которую они уже знали, а она знала их и была доброй и послушной. Евгений Архипович давно приурочился использовать колхозных лошадок для своих перевозок. Дело в том, что дикий зверь не боится шума, идущего от лошадей, и можно ездить на них, не опасаясь: кабаны или лоси не испугаются и не уйдут. Только не следовало громко разговаривать и тем более кричать.

На этот раз он направил загон через те места, где, как он полагал, живёт лесной монстр по имени Большой Кабан. Там, где он, благодаря ему, Чубкину, отсиживался в безопасности несколько лет. Теперь раздольная жизнь для секача закончилась...

Он сам поднял охотников и расставил их по номерам.

Евгений Архипович всё заранее продумал. Ветер, как и ожидалось, будет задуть в спины загонщиков. Он решил: Большой Кабан не пойдёт по ветру, а свернёт влево и уйдёт вбок, в лес. Почему именно влево? Потому что справа простирается голое место – пространное редколесье, туда кабану идти не резон. Слева – тоже редколесье, но оно скоро заканчивается густым ельником. Зверь неминуемо пойдёт туда, чтобы спрятаться от подступающих людей, – так решил Евгений Архипович. Сам он отыскал место на входе в ельник за не очень густым деревом, чтобы сквозь хвойные лапиныя просматривалось пространство перед лесом. Оттуда должен пойти кабан. Если, конечно, он правильно всё рассчитал.

Чубкин знал: рассчитал всё правильно. За годы организации охот он неплохо изучил кабаньи повадки.

Евгению Архиповичу не хотелось бы, чтобы кто-либо из охотников присутствовал во время его поединка с Большим Кабаном. Ему лучше убить его одному. И вся слава от этого должна достаться тоже только ему. И это будет справедливо.

Наконец из того конца леса, откуда должен был начаться загон, донеслось первое, протяжное:

– У-у-у!

Его там же подхватили:

– О-го-го-о! Ах-ах-аа-ах! Эй, ты-ы, выходи-ии!

Начался загон!

* * *

С первыми криками Большой Кабан поднял голову и прислушался. Такого человеческого шума здесь никогда не было.... Что же будут делать люди дальше? Если шум продолжит исходить из одного места, то ничего страшного в этом нет, так полагают все звери. Если он станет приближаться, то надо срочно уходить – значит, эти проклятые двуногие замыслили плохое.

Через несколько мгновений секач осознал: человеческие голоса приближаются. Он вскочил на ноги и поскакал прочь.

Вскоре остановился и прислушался. По опыту, полученному от предков, он твёрдо знал: нельзя идти путём, указанным Человеком. Если идёшь по тропе, навязанной людьми, тропа эта приведёт тебя к смерти, потому что впереди обязательно будут ждать люди, в руках которых железные палки, из которых вырывается грохот и огонь, убивающие кабанов. Когда звучат несколько голосов и они, тем более, передвигаются, значит, надо скорее уходить в сторону, прятаться.

И Большой Кабан не пошёл туда, куда, казалось бы, следовало бежать, а резко свернул влево, в сторону, через редколесье, сквозь сосновый сухостой. За голыми, обшарпанными ветрами стволами чернел тёмный ельник – любимое место кабаньего схрона. Там, за густыми еловыми лапіньями, в непроглядном их сумраке трудно будет разглядеть зверя, зарывшегося в глубоком снегу.

Настораживающих запахов не было. Слабый ветер, доносящийся сбоку, не приносил какой-либо опасности, и можно было уходить вперёд, не особо беспокоясь о неожиданной встрече с главным врагом – Человеком. Но Большой Кабан с годами стал крайне осторожен: впереди стоял лес, тёмный и густой, в нём можно повстречать всякое... И не было возможности обойти этот огромный лес...

Он шагнул к нему, опасному, но всё же спасительному. И уже полагал: тревоги все миновали, всё плохое позади, как почувствовал запах Человека. Резкий, страшный, ненавистный – его принесло лёгкое дуновение сыроватого воздуха, пришедшее откуда-то спереди. Это был кислый, удушливый смрад, смесь человеческого пота, потрёпанной старой одежды, истёртых каблуков и человеческих экскрементов.

Большой Кабан замер: откуда он появился, этот очень опасный, но такой знакомый запах? Как он мог так близко подойти к нему? И глянул вперёд.

Прямо на его пути высилась ель с полуопавшими иголками, старая, когда-то густая. В просветах между ветвями виднелось тело Человека, лихорадочно натягивающего штаны.

В этот самый момент оттуда раздался тот самый оглушительный, пугающий и убивающий лесное зверьё резкий хлопок, который всегда испускало только одно беспощадное и лютое существо – Человек. И сразу же резкая боль пронзила правый бок секача. Выломав два ребра, вдоль его тела прошла охотничья пуля, выпущенная Чубкиным.

Снова, как и во все минувшие века, проклятый Человек издевается над ним, гордым кабаном, повелителем этих лесов, а значит,

и над всем кабаньим родом, тысячелетия жившим здесь, над его извечной и славной памятью, его обычаями и судьбой. Надо убрать с дороги этого мерзкого Человека, отшвырнуть и разорвать!

И Большой Кабан рванулся вперёд на обидчика.

* * *

Надо же было такому случиться! В тот самый момент, когда пошли вперёд загонщики, подгоняемые собственными криками, когда надо было включаться в реальную охоту, у Чубкина случился сильнейший позыв: нужно было срочно справить большую нужду. Он осознал глупость положения – какая нужда, когда кабан вот-вот придёт!.. Стоя, он попереминался с ноги на ногу, покрутил поясницей, потом телом во круг поясницы... Нет, позыв не проходил, только усилился.

«Чего делать-то? Так ведь можно и в штаны наложить...» – тоскливо предполагал Евгений и понимал: эта вероятность вполне реально осуществима при таких раскладах.

Терпение заканчивалось, сил больше не оставалось. Чубкин постоял со скрещёнными ногами, сколько мог постоял, пока хватило сил... Воткнул рядышком с собой в глубокий снег прикладом вниз свой дробовик-«браунинг», чтобы стоял в секундной изготовке. Потом махнул рукой – была не была! – и быстренько стащил ватные штаны, старательно сшитые ему разлюбезной Лидией Семёновной. Присел и облегчённо вздохнул – любил он посиживать за этим добрым делом. Однако долго так рассиживать не довелось на этот раз. Увидел он, что к нему, рассерженно хрюкая и раскрыв страшную пасть, мчался огромный кабан.

«Тот самый...» – только и успел подумать Евгений Архипович и в следующую же секунду выстрелил из положения «полусидя». Видно, что пуля попала кабану в правый бок, секач слегка дёрнулся и продолжил движение в сторону охотника.

– Эх, ты, промазал! – сокрушенно ругнулся Чубкин, но продолжил стрелять по Большому Кабану из двенадцатикалиберного бельгийского «браунинга». У него оставалось четыре патрона, оснащённых прекрасными, точными свинцовыми пулями марки «Бреннеке».

Выстрел, ещё выстрел... Кабан всё бежал к нему и бежал...

«Он что, заговоренный?» – Евгений Архипович серьёзно стал нервничать. Такого ещё не было, чтобы три промаха подряд...

Зверь был совсем уже рядом... Бах, бах – дал последний дуэлет Чубкин и отбросил в сторону ружьё – оно стало теперь бесполезным...

Опытный охотник, он и не думал сдаваться. У него под тёплой военной телогрейкой на ремне висело ещё одно боевое оружие – пистолет ПМ с восемью патронами калибра девять миллиметров. Это был подарок начальника штаба Ленинградского военного округа, с которым у Чубкина сложились давние дружеские отношения...

Он убежал от Большого Кабана, а тот старался его догнать и растерзать, и разорвать в клочья.

Бежать Евгению Архиповичу было ох как тяжело: во-первых, страшное волнение, во-вторых, возраст, в-третьих, тяжёлая зимняя одежда... Он убежал от секача, вытянув назад руку с пистолетом, и всё стрелял в него и стрелял. Из последних сил он сделал ещё пару шагов и упал... Последнее, что увидел он, было огромное, оскаленное, окровавленное кабанье рыло, склонившееся над ним. И он выстрелил в это рыло в упор и потерял сознание...

Прибежавшие товарищи увидели расчудесную картину: лежит на снегу, раскинув руки, доблестный их охотничий начальник, обессиленный, но зато живой и здоровый. К его груди, словно родной сыночек, прильнул громадный секач. Как бы прилёг на минутку и отдыхает...

Охотники какое-то время не отгаскивали Большого Кабана от Евгения Архиповича, а всё стояли вокруг и хохотали. И фотографировали эту милую сценку.

Евгений Архипович, когда окончательно пришёл в себя, тоже смеялся вместе со всеми.

* * *

На стене в прихожей его ленинградской квартиры долго висело чучело головы кабана несуразно больших размеров. Всем гостям оно поначалу даже нравилось.

– Ой, – восторгались все, – как интересно! Какой очаровательный кабанчик!

Но, заметил Евгений Архипович, гости старались как-то слишком осторожно, как-то бочком-бочком проходить мимо этого чучела. Даже старались на него не смотреть. Не мог он понять, в чём тут дело, пока однажды не пригляделся к нему сам.

И понял он: это ужасная зверюга, настоящий монстр! Глаза налиты кровью, пасть оскалена, и между клыков свисает и болтается длинный язык...

Жена просила куда-нибудь «сплавить зверюгу», как она его называла, а Чубкин медлил и почему-то не выбрасывал чучело. Решили вопрос внуки. Жившие с родителями на других квартирах, они отказались навещать деда с бабой, потому что по ночам приходилось им по пути в туалет проходить мимо того чудища. А это для них было страшно. Такого Евгений Архипович вынести не мог: он слишком любил внучат.

Слава богу, в ножки Евгению Архиповичу упал московский знакомый, который начал Чубкина уговаривать отдать чучело ему «за сильное вознаграждение». Очень ему приглянулся «роскошный, страшный вепрь». О вкусах не спорят! Евгений Архипович продал Большого Кабана за две бутылки коньяка, и товарищ увёз его в Москву. Пусть теперь он москвичей радуется своим свиным рылом.

А в Питере мы по такому случаю устроили маленький банкет. Распили коньячок, поохотали над различными случаями на охотах...

И я там был, мёд-пиво пил. И по усам текло, и в рот попало!

Вячеслав ЗАСУХИН

Родился в 1944 году в Тульской области, недалеко от Куликова поля. Учился на истфаке Петрозаводского госуниверситета, работал на Карельском телевидении.

Автор сборника рассказов «Олухи царя небесного». Печатался в журналах и альманахах. Лауреат конкурса «Ветлужская весна».

Живет в Петрозаводске.

ДРАНИКИ

Ломтики белоснежного сала едва коснулись дна раскаленной сковородки, как мгновенно взгорбились и, пожелтев от злости, сердито зашипели по-змеиному. Маленькая кухня деревенской избы моментально заполнилась упоительно вкусным запахом. Мой младший брат Витёк с громким причмокиванием слотнул слюну. Я, уже почти взрослый семилетний парень, тоже не удержался от набежавшей влаги во рту.

А когда хозяйка избы старуха Ядвига – но мы-то с братцем звали её Бабой-ягой за согнутое в пояснице тощее тело и длинный крючковатый нос – плеснула на сковородку четыре ложки мелко натертой картошки, аромат стал и вовсе невыносимым. Особенно после пустых макарон, едва запрошенных десятком капель постного масла, которыми только что мы позавтракали с мамой.

Горка горячих, благоухающих оладий, которые Баба-яга бережно укладывала в большую миску, радостно подрастала на наших голодных глазах. Но стряпуха напрочь забыла или не хотела замечать двух мальчишек, которые крутились вокруг её стоптанных валенок. Первым не выдержал Витёк: он стал вращать согнутыми в локтях руками, изображая движущиеся колеса паровоза, и во весь голос закричал:

– Жади́на-говя́дина, пустая шоколади́на!

Спустя минуту я присоединился к нему:

– Жади́на!.. Говя́дина!.. Пустая!.. Шоколади́на!

Но Баба-яга словно оглохла от наших безрезультатных воплей. Наконец, из комнаты выглянула встревоженная мама и увела нас в небольшую комнатку, в которой временно уютилась семья советского офицера. Мама, чтобы скрыть слезы, отвернулась к замерзшему окну и тихо сказала:

– Мальчи́ки! Я убедительно прошу не беспокоить бабушку Ядвигу. Если она сочтет нужным, то угостит вас блинами.

– Это, мамусенька, не блины, а драники! – торжественным голосом просветил маму Витёк. – Осенью меня Зоська угощала, м-м-м, страшная вкуснятина!

Мама постаралась улыбнуться:

– Потерпите, дети. Завтра папа получит паек, и мы все побалуемся чем-нибудь вкусеньким. А сейчас идите погуляйте на улицу, вон и солнышко выглянуло из-за туч.

Братец категорично отрезал:

– Гулять не пойду, хоть застрелите! Очень хочется драников!

– Пойду один! – твердо произнес я, потому что у меня созрела коварная мысль, как досадить жадной Бабе-яге.

Я вышел из дома и почти сразу ослеп – невысокое февральское солнце прямой наводкой лупило прямо в лицо. Затем прижмурился, подышал морозным воздухом и по очереди открыл глаза. Из печных труб, утонувших в глубоких сугробах избушек, лениво поднимались вверх толстые жгуты серого дыма.

«Только бы парни были на месте, и чтобы Тоська болтался там!» – подумал я и вытащил из кармана бушлата свое сокровище и гордость – трофейный немецкий перочинный ножик с множеством лезвий, пилочкой и даже ножницами. Его мне подарил папин сослуживец. «Все равно махнусь, Тоська давно зуб положил на ножик, позавчера “шмайсер” предлагал, только без патронов. Вещь, конечно, нужная, да вот только папа показал бы мне такого, что автомат долго бы снился в кошмарах!»

Страстного менялу я увидел возле сарая, который кособочился на краю глубокого оврага, куда парни скатывались на самодельных лыжах. Тоська, размахивая длинными рукавами ушитой по росту немецкой шинели, что-то доказывал своему закадычному другу Михасю. От прямого попадания снаряда рядом с крышкой погреба, где семья пряталась от фашистского обстрела, Тоська из нормального мальчугана превратился в пожизненного глухонемого. Он жадно замычал, когда я показал ему ножик.

Мне позарез была нужна граната, которой он недавно хвастался перед нами. Чтобы ему это объяснить, я взял комок снега, размахнулся и, бросив, упал на снег. Тоська подпрыгнул и ткнул в меня пальцем: жди, мол, здесь, и куда-то убежал. Когда вернулся, нас окружили извалявшиеся в снегу пацаны. Лимонка оказалась без взрывателя.

– А в печке она рванет? – с сомнением спросил я у парней.

Парни весело захохотали, а длинный Михась снисходительно процедил:

– Не боись, узарвецца. Скольки мы осенью рванули их у костре.

Не без сожаления и даже со слезой в душе я протянул ножик Тоське. Жадность Бабы-яги не имела оправдания – она зывала к немедленному мщению... Отягощенный смертоносным грузом и сладостными грёзами о том, как зловредная старуха улетает на небеса в обнимку со своими драниками, я вошел в избу и остолбенел. За кухонным столом, обняв друг дружку за плечи, сидели и плакали мама и Баба-яга. На столе, накрытый ломтиком черного хлеба, стоял стаканчик с налитой мутной жидкостью. К нему была приставлена фотокарточка чубатого парня с озорными глазами. Рядом с мамой восседал осоловевший от сытости Витёк и сальными пальцами заправлял в рот очередной драмик. Братец вылупил на меня глаза:

– Славка! Иде ты болтаешься? Ой, не могу, щас лопну!... Бабулечка, можно еще молочка?

Я, обескураженный ласковым обращением Витька к заклятому врагу, молча прошел в свою комнату, осторожно повесил бушлат

на гвоздик и вернулся к столу. Бабушка Ядвига, утирая передником лицо, пошла в сени за молоком. Мама наклонилась и тихо сказала мне на ухо:

– Сегодня было бы день рождения младшего сына. Ивась в конце 1944 года добровольцем ушел в Красную Армию и геройски погиб при взятии Берлина. Дочку Зосю в самом начале оккупации фашисты угнали в Германию, и от неё до сих пор ни слуху ни духу...

Я, вспомнив про гранату, поперхнулся драником. Баба Ядвига налила мне полную кружку холодного молока и корявыми пальцами несмело погладила по голове. Краска стыда и раскаяния обметали щёки...

...С гранатой я расстался легко и просто: утопил её в проруби пруда, чтобы ни у кого не было соблазна отправлять на небеса безвинных людей.

Иван БОЧАРНИКОВ

Родился в 1987 году в г. Вуктыл, Республика Коми. Окончил Нижегородский госуниверситет им. Лобачевского, специалист по связям с общественностью. Работал журналистом на радио «Образ», в изданиях TimeOut, «Деловой квартал», «Милосердие». Заведующий литературной частью театра «Преображение».

Публиковал рассказы в газете «Горцы» и в сетевых изданиях. Участник мастерской для драматургов АСПИР под руководством Дмитрия Данилова и Елены Исаевой (2022). Пьеса «Родительский контроль» заняла третье место в конкурсе «Монодрама-2022» Российской государственной библиотеки искусств (РГБИ).

Живет в Нижнем Новгороде.

ДЯДЯ ТОЛЯ

Я не знаю, кто проектировал Кстово, но я уверен, что этот человек ненавидел тротуары. Наверное, когда этот несчастный инженер был еще ребенком, его отец ушел из семьи. И мальчик видел, как он уходит по тротуару. Ребенок вырос, получил образование, стал проектировать города и отомстил этим пешеходным дорожкам. Вот и перед моим домом нет тротуара – каждый жилец спускается по ступенькам сразу на проезжую часть.

Утром я вышел из подъезда и увидел внизу перед ступеньками белую «шестерку» дяди Толи. Он не мой родной дядя если что, а просто соседский мужик, которого я знаю всю жизнь. Сорок с лет назад он забирал мою бабушку с моей маленькой мамой из роддома, потому что в те времена только у него из всех наших знакомых был автомобиль. Это сейчас соседи паркуются на газоне, потому что места не найти, а тогда дядя Толя был один. И пока моя мама не получила права, дядя Толя нас иногда возил, так что эта «шестерка» видела уже три поколения нашей семьи.

Дядя Толя вышел из машины, открыл багажник с ключа и поздоровался со мной. Я поздоровался в ответ и прошел мимо, когда дядя Толя окликнул меня и попросил помочь ему с мешками. Я заглянул в багажник: там лежали сетчатые мешки с морковью, картошкой, луком, помидорами. Плюс два больших пакета с мясом. Если честно, мне не очень хотелось ему помогать. Я планировал зайти к друзьям в барбершоп, подровнять бороду, поиграть в приставку, потом отправиться на шашлыки к сестре моей девушки, а вот таскать грязные мешки с овощами я не планировал.

И я уже придумал, как избежать общения с дядей Толей, но увидев, как он скрючивается и кричит, вытаскивая увесистый мешок с картошкой,

я решил, что могу по-быстрому помочь старику, а затем пойти по своим делам. Я перетаскал мешки вверх по ступенькам, сложил у двери в подвал и даже не вспотел. Дядя Толя пожаловался, что в подвале не горит лампочка и попросил меня поддержать ему дверь. Я предложил найти и подложить под дверь какой-нибудь камень.

– Камень никогда не заменит человека, – решительно сказал дядя Толя.

– И куда всё это? – спросил я, пока держал дверь.

– Родственники жены приедут, надо что-нибудь приготовить.

Тетя Тома раньше всё время сидела на синей табуретке возле двери в подъезд, дышала свежим воздухом. В последнее время она редко гуляла, ей было тяжело. Вместо прогулок она сидела и болтала с соседями. Живо интересовалась моей личной жизнью и советовала мне жениться как можно позднее.

– Хочется с кем-то погулять – ну, погуляй, – говорила она и заговорщически наклоняла голову. – Но не женись.

Когда дядя Толя закончил с мешками, я быстро побежал по ступенькам вниз, предвкушая радость от встречи с друзьями.

– Куда поскакал? – раздался голос за спиной.

Я крикнул, что иду в барбершоп к друзьям, заодно объяснив, что такое барбершоп.

– А меня там можно подстричь? – спросил дядя Толя. Я подумал, что это шутка: где дядя Толя в жилетке на голое тело и где барбершоп с пацанами? Нет, в целом, конечно, можно, подумал я. Это же мужская парикмахерская, а дядя Толя – дядя.

– Тогда поехали, – ответил дядя Толя.

Мой рот непроизвольно открылся, чтобы что-то возразить, но возразить мне было нечего. Пришлось захлопнуть его обратно и сесть в белую «шестерку», которая кряхтела при любом движении и закрывалась только с третьего раза. В машине было так жарко, что я удивился, почему картошка в багажнике не сварилась. Комментируя погоду, дядя Толя сказал: «Люблю июль в начале мая, – а потом запел: – Ты не знала горя – заведи кота!» А еще до меня в полном объеме дошел кислый запах дяди Толи, от которого пришлось спасаться, открыв окно и непринужденно высунув голову наружу.

– Ты работаешь? – спросил он. Я ответил, что помогаю маме на производстве.

– Молодец, – ответил дядя Толя. – Работать надо. Я вот лентяев не люблю.

– За что? – спросил я. – Они ведь ничего не сделали.

Мы доехали до барбершопа, и надо было видеть лица пацанов, когда мы с дядей Толей вошли. Мой друг Аристарх буквально смотрел на меня матом. Валя и Даня, сидевшие на диване, бросили играть в футбол на приставке и едва сдерживали смех. Я представил парням дядю Толю и передал его в руки Марка – нашего барбера. Надо отдать Марку должное – он примерно секунду осматривал дядю Толю с ног до головы, а затем легко и без всякого смущения взялся за работу. Мне всегда казалось, что вежливость и участие, которое Марк проявляет к каждому клиенту, это не по-настоящему, но я также заметил, что он и по жизни был такой неравнодушный.

Марк мыл дяде Толе его серую, заросшую колтунами голову, пока дядя Толя неловко ёрзал в кресле.

– Где же вы раньше стриглись? – спросил Марк.

– Жена стригла, – ответил дядя Толя.

Валя и Даня толкали меня в бок и тихо ржали. Я знал, что этот день они будут вспоминать как день, когда я привел к ним какого-то бомжа. За спиной дяди Толи они угорали, показывая пальцем то на меня, то на дядю Толю. Мне было неприятно, но я улыбался и делал вид, что всё нормально.

В качестве бесплатного бонуса Марк подравнял дяде Толе его флотские усы и вручил ему в подарок пробник воска. Я как раз сделал себе капучино в кофемашине и собирался прощаться с дядей Толей, но тут Даню прорвало. Он повернулся к Вале и слишком громко сказал, что теперь дядя Толя будет самым модным алкашом на помойке.

Я чуть не провалился на месте от стыда, а дядя Толя встал рядом с Даней, который ржал как ненормальный, посмотрел на пацана с жалостью, которая хуже злости, и негромко сказал:

– Даже вот не знаю, куда тебя послать. Судя по лицу, ты уже везде был.

Некоторое время мы с дядей Толей шли молча. Я не мог там оставаться, успел только поблагодарить Марка и послать Даню куда подальше.

– Ты сигареты пробовал? – внезапно спросил дядя Толя.

– Пробовал, – ответил я. – Но никакого эффекта не почувствовал, хотя целых две съел.

Дядя Толя улыбнулся и спросил, куда меня подбросить. Я сказал, что мне надо к Вечному огню. Дядя Толя удивленно вскинул брови. Я ответил, что там я встречаюсь со своей девушкой Мариной. Дядя Толя одобрительно кивнул.

Доехали мы без происшествий, на прощание я от души хлопнул дверью «шестерки», чтобы она закрылась, и выдохнул с облегчением, когда машина дяди Толи развернулась и скрылась из виду. Надо было выйти из дома либо чуть позже, либо чуть раньше, и ничего бы этого не было. Впредь буду смотреть в окно перед выходом. Слава богу, теперь я мог вернуться к своим планам.

По крайней мере, так я думал. Однако уже через час я шел обратно домой с настроением броситься под поезд. Только вот поездов во втором микрорайоне не было, как и тротуаров.

Встреча с Мариной как-то сразу не задалась. Она, как обычно, опоздала, а затем сообщила, что перед тем, как идти в дом её сестры, мы должны зайти в магазин за чем-нибудь к шашлыкам. Между рядами красного и белого Марина сообщила мне важную новость. Оказывается, сегодня не просто вечеринка: сестра позвала друзей и родных, чтобы объявить, что беременна. Классно, ответил я, значит нужно взять ей две бутылки вина. Почему, спросила Марина. Потому что теперь Катя пьет за двоих.

Согласен, не лучшая реакция на новость о беременности сестры. Мы поссорились, Марина меня прогнала, потом вернула обратно, когда поняла, что кто-то должен нести пакеты. Плюс к этому на кассе перед нами какой-то подвыпивший мужик спорил с кассиром. Мужик пытался купить коньяк.

– Почему бутылка наполовину пустая? – возмутился кассир.

– Потому что ты пессимист, дружище, – ответил мужик.

Всю дорогу до дома сестры Марина меня отчитывала. Когда мы пришли, я был так рад увидеть Катю и сменить тему, что немедленно поздравил будущую маму, испортив всем сюрприз. Согласен, неловко получилось. Пока я шел домой, уже стемнело. Под ногами то и дело

хрустели майские жуки, которым в жизни повезло больше, чем мне. На лавочке под рябиной у подъезда одиноко сидел дядя Толя. Я уже достал ключи, когда понял, что не хочу домой. Я развернулся, подошел к скамейке и сел рядом с дядей Толей. Некоторое время мы сидели молча.

– Тамара вчера померла, – сказал он. Я посмотрел на него и не знал, что сказать. Овощи на рынке, родственники приедут, стрижка – всё встало на свои места. Я вспомнил о тете Томе что-то хорошее и спросил, как они познакомились.

– Я в молодости на киностудии Горького работал, – ответил мне человек с наколками на пальцах. – Даже свой фильм снял. Его в кино крутили. Да. Только вот большинству не понравилось, а еще больше людей его просто не видели. И Тамара там работала, в пошивочном цеху.

Дядя Толя цокнул языком и сообщил, что ему нужно вынести из квартиры хлам. Я вызвался помочь. Мы спустили несколько мешков тряпок, старой одежды, увядшие цветы прямо в горшках и три пакета с потертой обувью. Дядя Толя еще хотел вынести кресло с темными пятнами, но в последний момент передумал.

Когда мы шли в сторону мусорки мимо песочницы, дядя Толя заметил, что местная детвора громко играет в фишки, подсвечивая их фонариками.

– Чем занимаетесь, малышня? – спросил дядя Толя и скинул мешки на траву. – На деньги играете? Как вам не стыдно... Дайте-ка я попробую!

Дядя Толя взял толстую черную фишку с Человеком-пауком и саданул ею в стопку легких фишек так, что две сверху отлетели в стороны, а стопка наклонилась, но не упала. Дядя Толя сделал вид, что забирает фишки себе, чтобы дети начали возмущаться, а потом благородно отдал им фишки обратно. Мешки с одеждой и обувью мы оставили возле свалки – вдруг кому пригодятся. У тети Томы был талант к шитью, это я помню.

Поэзия

Мария СМИРНОВА

Родилась в Забайкалье в семье военных. В связи с переводом отца на новые места службы объездила страну с востока на запад и с севера на юг. В итоге семья вернулась на родину родителей - в Карелию, в городок Питкяранта, что в переводе с финского означает «Длинный берег». Окончила Санкт-Петербургский госуниверситет, факультет международных отношений, второе образование – педагогическое.

Член Совета молодых литераторов Карелии, автор сборника стихотворений «Человек из искр» (2023), лауреат ряда литературных конкурсов. Публиковалась в журналах «Север», «Южный маяк», «Окно», поэтический альманах «45-я параллель», «Российский колокол», «Невский альманах».

Живет в Питкяранте, Карелия.

МЫ РАЗГАДАЛИ ИМЯ ГНЕВА...

* * *

Весь белый цвет распахнутого снега,
Вся мощь, и боль, и сладость – в тихий сплав
(Который до последней капли – небо)
– Снежинкой украшает мой рукав.
И тает тьма над Ладогой и лесом,
Над островом, который тьме – острог.
Мы выдюжим сквозь эту зиму, если
Соединим ладони над костром.
Пусть каждый шорох множится, пропетый,
– Бушует ветер в тысяче миров.
Над озером в огне сгорают беды.
Не сплю. Смотрю: летит над миром белым
Рассветное жар-птицыно перо.

Шахматы

Стена неведенья упала, ба!
Открылась истина – слоями.
И под ногой качнулась палуба.
Непостижимо! – Устояли!

Стреляли в сердце нам и в голову,
Скользили ноги (от воды ли?),

Мы разгадали имя гнева
И изрекли.

Нам страшный дар –
Идти сквозь пламя к весне
Зачем-то богом дан.
Гремит во льду колоколами
Вода.

А ты, очнувшийся отныне,
Читаешь вешней крови код.
И ледостав меняет имя
На ледоход.

На границе апреля

Устроители тонких баррикад в твоём сердце
Сотворили на совесть: нет ни скола, ни щёлки,
Ни намёка на то, что монолитная глыба
(Без которой уже ты себя и не мыслишь)
Из сомнений и страхов, легко и внезапно
На границе апреля срывается с места,
Исчезая в потоке перелётного солнца!
Но кричит от восторга заплутавшая птица.
И трещат оголтело тиски ледостава.
– Разве стольких напрасных усилий не жалко
Для вмерзающих в лёд, потерявших надежду
Ярко-синих побегов весеннего неба?
А ты машешь с моста и вливаешься в стаю.
Заговариваешь и себя, и побеги,
И врываешься в жизнь, пробиваясь навстречу
Ярко-синему, звучному, вечному небу,
И становишься светом. Ну вот ты и дома.

Предчувствие

Где-то между этими
Неподъёмными днями
Тянется светлая ниточка
Музыки,
Словно тропинка,
По которой
Идёшь на свет.
Вьётся, бежит,
Просачивается.
Пусть ещё звук не явен,
Пусть ещё нет голоса,
Только – его предчувствие,
– Музыка копится,
Двигается,
Собирается в мириады

Световых ручейков,
В единый поток,
Умирает,
Рождается и
Меняет мир целиком,
Напирает
На зимние стены
Усталости,
Отчужденности
И молчания,
Чтобы присвоить себе
Единый миг,
Когда
Из всех затаившихся,
Южных
И северных,
Ароматных и липких
Древесных почек
Грозовой и озоновый
Грянет май,
А на тебе
В ту секунду
Не будет бронжилета.

Сергей СТЕПАНОВ-ПРОШЕЛЬЦЕВ

Родился в поселке Сузун Новосибирской области. Окончил истфак Ставропольского пединститута. Жил на северном Кавказе, в Казахстане, Латвии, Белгороде, на севере Пермского края. Работал журналистом в различных изданиях.

Стихи и проза публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Звезда», «Аврора», «Смена», «Студенческий меридиан» и других. Издал свыше 50 книг разной тематики. Живёт в Нижнем Новгороде.

ТА ДЕВУШКА УСТАЛА БЫТЬ ОДНА...

* * *

Так же птицы осанну пели
изо всей своей птичьей силы.
Мир был молод, ещё Помпеи
мёртвым пеплом не заносило.

Ты спускалась лианой гибкой
в бездне времени – тихим всплеском...
Но доверчивую улыбку
навсегда сохранила фреска.

Платье – словно вчера надела,
та же лёгкая хмарь на небе...
Как ошибся я! Что наделал!
Двадцать с лишним веков здесь не был.

Юный ветер над миром реет,
он в музейные рвётся холлы...
Между нами, как пропасть, время,
беспредельный, безбрежный холод.

Словно я услышал случайно,
забывая, что жить мне мало,
эхо тысячелетней тайны,
что так долго не умирало.

Последний год детства

Сердилась мать: «Скорей за стол!
Остынет. Ужинать пора»,

но миром управлял Футбол –
самозабвенная Игра.

И мы – гонять хватало с кем –
пиная мяч, входили в раж.
И приходил я весь в песке
(я был ворот бессменный страж).

А Любка, стоя у окна,
на нас глазела день-деньской,
и грызла бублики она
с какой-то взрослою тоской.

И ночью старенький диван
заснуть никак мне не давал,
вертелся я и так и сяк.
Я думал, что пройдет, пустяк.

Что в ней? Девчонка. Егоза.
Но снились мне её глаза.

Никто не в силах был помочь.
Глаза её – водоворот.
Они синели, будто ночь,
когда в садах сирень цветёт.

От крыш пружинили дожди,
ворчал водопроводный кран.
И то, что будет впереди –
сплошной туман, сплошной туман.

* * *

Конечно, это нас совсем не красит,
но делать вывод как бы и не рано:
любили мы не наших одноклассниц,
а королев с широкого экрана.

И спорили мы, то и дело ссорясь,
кого воспринимаем в идеале:
Софи Лорен или Лолиту Торрес,
Брижит Бардо, а может, Кардинале.

Они сожгли советскую унылость,
не ведая об этой страшной силе,
им Гурченко в подметки не годилась,
поскольку эти девушки курили.

Они манили, как плоды инжира,
как бурю парус, что обвис без ветра.
Мы были влюблены в Лоллобриджиду,
хоть знали, что любовь та безответна.

То был гипноз. Как «Болеро» Равеля,
смущали душу кинодивы эти,
а наши одноклассницы ревели
и проклинали всё на белом свете.

У них была нелёгкая дорога,
забыть им было нужно свою зависть,
и выбрали мы тех, кто хоть немного
напоминал нам импортных красавиц.

Отсюда и разводы, и скандалы,
и ночи с укоряющими снами.
А требовалось, в принципе, так мало –
заметить красоту, что рядом с нами.

* * *

Я буду приходить по четвергам –
худой, как у камина кочерга,
в плаще, до неприличия потёртом,
когда молчит охрипший телефон...
Ты извини: я – это только фон,
унылый фон, увы, для натюрморта.

Художник не напишет этот бред:
тут фруктов нет, нарциссов тоже нет,
а есть тоска, мы к ней теперь приступим.
Она везде, куда ни наступи,
она, как будто марево в степи,
колышется незагустевшим студнем.

А может, не приду я никогда,
я это так, спонтанно, нагадал,
чтоб воскресить, чему не быть в помине,
что быть могло, но вот – не суждено,
я это знал, я это знал давно,
но в этом я ни капли не повинен.

Я виноват, пожалуй, только в том,
что не стучусь в тот опустевший дом,
не ем омлет, тефтели с кашей пшённой,
что никакая мы с тобой семья,
что в этом доме не остался я
штрихом случайным и незавершённым.

* * *

Бурьяном пустошь эта поросла,
но пусть ответит мне хоть кто-нибудь,
зачем моим вопросам нет числа
и почему охватывает жуть.

Неважно всё, когда живёшь навзрыд,
как будто в ожидании суда,
когда твой путь бульдозером разрыт –
бульдозером по имени Судьба.

Хоть торопись, хоть вовсе не спеши,
хоть в правду верь, а хочешь – только в ложь,
той тихой, той потерянной души
в реальности вовеки не наждёшь.

Та девушка устала быть одна,
разбила светлый камушек кольца
и осушила боль свою до дна,
до капельки последней, до конца.

Приеду я, пусть страх, как зверь, мохнат,
чтобы увидеть, убедиться смог,
что на закрытых ставенках окна
повис самоубийцею замок.

А где её могилка? Где ответ?
Увы, теперь и не узнаю я.
Кого спросить? Деревни больше нет.
Последним умер дедушка Илья.

* * *

Вот он мелькает за прожелтью леса,
вот уже видится более чётко –
нагроможденье стекла и железа,
камня, что красен, как бычья печёнка.

Мир, что ещё добродушно-наивен
и бескорыстен, как сытая чайка,
в бусах огней, что надеты на иву, –
словно на праздник собралась сельчанка.

И как шары билиардные, к лузе
катятся звёзды... И та, что женою
станет не мне, и волос её узел
ветер рассыплет волною ржаною.

Боже всесильный! Не надо иного
благодаяния, дай только это:
дай мне забыть её – хоть на немного!
Дай мне забыть её! Хоть до рассвета.

* * *

Не слышно здесь гомона чаек,
затылок замшел валуна.
Как лёгкую лодку, качает
арбузную корку волна.

Весь берег народом запружен,
здесь яростных жаждут лучей,
забыв про обед и про ужин
и все наставленья врачей,

теснятся в кафе среди чада,
где разве что мухи не мрут,
следуя, чтоб любимое чадо
с ладоней отгёрло мазут...

Наверно, здесь многим не мило,
не нравятся пляж и вода,
и все же какая-то сила
людей направляет сюда.

Зачем? Что влечёт нас с тобою?
Везде хорошо, где нас нет.
Кто скажет? Лишь грохот прибоя,
наверное, знает ответ.

Галина ТАЛАНОВА

Родилась в Горьком. Окончила Горьковский госуниверситет по специальности «биофизика». Кандидат технических наук, работает в НПО «Диагностические системы».

Автор девяти книг стихов и семи прозы, публикаций в журналах «Нева», «Нижний Новгород», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Москва» и других. Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), им. М. Горького (Нижний Новгород, 2016), города Нижнего Новгорода (2018), дипломант ряда литературных конкурсов..

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

Я Б ХОТЕЛА ЭТОТ СВЕТ ВОБРАТЬ...

* * *

Так и жизнь пролетит на потребу
 Этой дудке трухлявой, родной.
 Смотрит холодно синее небо...
 Тёмный лес протянулся стеной.
 Только где-то в глубинах чащобы
 Вторит дудке моей соловей.
 Жму на дырочки...
 Что за хвороба? –
 Свет ловить сквозь сплетенье ветвей.
 Что за дар мне достался в наследство?
 Что за яд в моей крови течёт?
 Помидоры растят по соседству
 И годам не ведут скорбный счёт.
 Это мне лишь забава стучаться
 К той беде,
 Что стоит на борту.
 И на воду глядеть,
 И прощаться,
 Птичьи трели ловя на лету...
 Потянусь,
 Покачнусь –
 Накренится
 Эта лодка – и хлынет вода.
 Морщит время счастливые лица.
 И гудят на ветру провода. –
 Словно пальцы коснулись органа
 И погладили, пробуя звук.
 Жизнь – мираж, что блесит из тумана,
 И стихи – как спасательный круг.

* * *

Маме, Эльвире Бочковой, поэтессе

А имя твоё всё горчит на губах...
И в снах лишь приходишь,
Без стука, без спроса.
Я будто репейник в осенних лугах,
Который не видели острые косы.
Цепляться пытаюсь
За тени во тьме.
И жду: позовёшь
Или с ветром примчишься?
Хоть дело идёт к равнодушной зиме,
Где лучики солнца,
Как острые спицы. –
Мелькают, мелькают
В умелых руках.
Что вяжешь, Создатель,
Ажурною вязкой? –
И впрямь дирижёр, сделав палочкой взмах,
Иль мудрый учитель, направив указкой...
А что мне, Создатель, придумаешь ты?
Последнюю встречу на белом погосте,
Где снегом засыпало тьму и кресты
И лишь после Пасхи направятся в гости...
Но мы ещё здесь и туда не спешим.
Твои на граните прощальные строки
О том,
Что мосты не сжигаешь к живым,
Но только до них развезло все дороги.
Лишь в строчках вернуться...
А в сердце... – всё там...
И в двери скребётся прозрачная осень.
И яркие листья – дарами к ногам.
И в небе, как глаз приоткрывшийся, просинь.

* * *

Доска к доске...
И за бревном бревно.
Так я судьбу мостила скрупулёзно.
Наличники с резьбою на окно.
Всё было основательно, серьёзно.
Но вот достроить всё же не смогла:
Под крышу подвести, внутри отделать...
И за резным окошком встала мгла,
Сгущается до самого предела.
Перекосило стены.
Грунт ползёт.
И пол, скрипя, пружинит под ногами,
Хотя кукушка продолжает счёт –
Как будто прилетела за долгами.

Кому отдать?
 Некошеной траве?
 Иль дереву замшелому в коросте?
 И роем пчёл всё мысли в голове
 О том, что здесь случайные мы гости.

* * *

Убогий дождик целый день,
 Он с ветерком идёт в обнимку.
 И почернел трухлявый пень.
 А ноги едут по суглинку.
 И запах скошенной травы,
 В дожде сопревшей,
 Сердце колет.
 Напомнит: срок есть у листвы,
 И у крапивы, вставшей в поле.
 Срок у всего.
 У жизни срок;
 У дома, битого дождями;
 И у любви, что, как цветок,
 Пила осенний дождь горстями,
 А ночью пряталась в туман,
 Умывшись ледяной росой;
 И у корней,
 Что ураган все обрубил,
 Махнув косою.
 И ключ в лесу, и нитку вен...
 Всё истончит жара,
 А вьюга
 Заточит в свой ознобный плен.
 Ах, этот колкий запах луга...

* * *

Равнодушный рассвет заскользил по закрытым глазам,
 По ресницам махнул меховой рукавицей.
 Но остался закрытым волшебный сезам,
 Хоть в замке ковыряем блестящею спицей...
 Мишура и огни занавеской из звёзд
 Затянули окошко в потёках капли.
 А казалось, любовь постучалась всерьёз,
 Только сплю, как в берлоге, в уютной постели.
 Всё куда-то ушло...
 За ковидом, войной...
 Жизнь утратила вовсе все яркие краски,
 Хоть грохочет вновь джаз за картонной стеной,
 И так хочется всё же заботы и ласки.
 ...Не оборваны струны:
 С чужого двора
 Всё гитара стенает о юности давней.
 Будто в детские прятки вернулась игра,

Но боюсь не найти за наряженной ставней
Тех сокровищ,
Приснившихся в радужном сне,
Когда годы текли звонкой струйкой сквозь пальцы
И хотелось напиться ручьем по весне,
Натянуть ситец неба на гладкие пяльцы –
И ударить, как в бубен, с шаманской слезой,
И поверить в любовь, что стоит на пороге
И мигает Рождественской первой звездой,
Освещая потерянный след на дороге.

* * *

Снова день прозрачен, как слеза,
Хоть и дует с севера ветрило.
Тучи разогнал на три часа.
Стало всё по-прежнему мне мило.
Истончилось лето,
Словно нить
С бусами, пронизанными светом.
На груди любила теребить
Камушки, задумавшись с ответом...
Раскатились бусины в траве...
Не собрать...
Держу остаток нитки –
Три денька...
И мысли в голове,
Что блеснут, как золотые слитки.
Хоть ищу,
Но знаю: не собрать.
Лишь хранить три бусины в стакане.
Я б хотела этот свет вобрать,
Чтобы трогать бережно все грани.

Антон ЗВЕРЕВ

Прозаик, критик, кандидат филологических наук. Родился в 1989 году в Москве. Студент Литературного института им. А.М. Горького.

Публиковался в журналах «Наш Современник», «Дети Ра», «Алтай», «Пролиткульт», «Русский язык в школе», «Политическая лингвистика».

Живёт в Москве.

ЗЕРКАЛО

1

Пробуждение было тяжелым. Сон толщами воды придавливал к кровати, не позволяя сознанию вырваться из пут. Я переставлял будильник раза четыре. Под утро в квартире стало совсем душно. Несмотря на открытые окна, тело ужасно потело, поэтому поднимаясь, я почувствовал, как простыня прилипла к голой спине. Мерзкое ощущение. В ванной, пока чистил зубы, я долго разглядывал отражение в зеркале, ощущая прохладу кафельной плитки под ногами. Журчание воды из крана успокаивало.

У меня приятное лицо: кожа белая, без шрамов, пигментных пятен или прыщей. Я тщательно выбриваю подбородок и щеки, чтобы не выглядеть неряшливо. После летнего корпоратива на работе мне передали одно фото, на котором мое красное потное лицо и светлые волосы свалились, как шерсть на сиделище барана. Но больше всего неприязнь на фото вызывает несуразная борода, клочками прорывающаяся из-под кожи по всему подбородку. Мне наивно казалось, что щетина сделает меня более мужественным, но нет. Смотреть на себя ниже плеч на том фото я не мог, поэтому разрезал его, злясь на самого себя. Сейчас в ванной у меня высоко висит зеркало, которое отражает фигуру только до груди. Именно в такой мере я себя принимаю. Бледная кожа, яркие зеленые глаза на контрасте и золотистые волосы. В кино меня не позовут, но и уродом себя тоже не назвал бы. Умывшись и опорожнив мочевой пузырь, иду на свою персональную Голгофу. Выдыхаю.

– Сто сорок пять, – шепчу я, занося параллельно заметки в телефон. Я – жирдяй. Каждый день эти цифры бьют болезненным апперкотом по самооценке, выбивая весь воздух их легких.

Скорее надеваю футболку, чтобы не поймать отражение рыхлого тюленьего тела в одной из отполированных поверхностей мебели. Мне невыносимо видеть себя в зеркале. Я похож на сказочного белокожего тролля с несуразно-маленькой округлой головой, огромным животом и

иксообразными ногами. Я стесняюсь своего толстого тела, которое трясется холодцом при ходьбе. Я не видел себя в полный рост уже давно, года четыре. Не хочу это видеть. Надеваю черную футболку оверсайз и спортивные штаны. Из моего гардероба исчезли рубашки, брюки, джинсы и любая другая одежда, намекающая на контуры тела. Оно все на мне смотрится как пододеяльник, в который я залез с ногами, оставив торчать маленькую голову тролля.

На кухне я закидываю в рот сразу горсть разноцветных таблеток: темно-красная – чтобы отбить аппетит, медово-желтая – чтобы ускорить обмен веществ, фарфорово-белая – чтобы заблокировать усвоение углеводов, розоватая – чтобы запустить ЖКТ, еще какие-то витамины и вонючий рыбий жир. Я верю, что это должно мне помочь меньше есть. Раскладываю пилюли в таблетницу, собираю обед, захватываю бутылку с водой, влажные салфетки, чтобы промокать пот, и еще одну футболку на смену. Когда я дойду до работы, на спине и под мышками выступят темные разводы от пота, которые высохнут при офисном кондиционере и превратятся в белесые пятна. Ненавижу, что толстяков считают неряхами, поэтому ношу смену одежды.

Выхожу из подъезда и окунаюсь с головой в плотный кисель, разлитый в жарком летнем воздухе на улицах столицы. По ушам сразу бьют звуки дорожного трафика. Рука еще держит металлическую ручку подъезда, цепляясь за последнюю соломинку прохлады, но на тело давит бетонной плитой удушающее своей пылью солнце. Спина мгновенно прилипает к одежде. Внизу, там, где живот соприкасается с резинкой от штанов, становится липко. Делаю несколько шагов вперед, и бисеринки пота выступают на лице.

Дышу неглубоко, вдыхая носом сухой и обжигающий воздух. Глаза вначале закрыты от яркого света. Ощущаю покалывание и першение в глотке. Первая салфетка помогает вытереть пот со лба. Мне надо пройти всего тридцать минут до офиса. Вчера я воспользовался салфеткой только у начала парка, пока покупал холодный фруктовый лед. Сегодня я не дошел до парка и уже почувствовал, что капли пота стекают с бровей в глаза. Пот очень соленый, и глаза начинает щипать. Навстречу мне шла соседка с третьего этажа, держа на поводке собаку.

– Здравствуйте. – Вместо голоса изо рта у меня вырывается не то всхлип, не то невнятный шепот.

В ответ она кивнула, ускорив шаг. Никогда не слышал ее голоса.

Дошел до начала парка. При входе стоит яркий металлический киоск с мороженым. Покупаю себе фруктовый лед. Пока пытаюсь совладать с оплатой картой, капли пота снова побежали по лбу. Одышка. Смахиваю пот с лица. Провожу рукой по затылку, невольно собирая капли влаги в ладонь. Голова мокрая. Придется на работе промыть волосы под краном в раковине. Я ношу короткие стрижки именно для того, чтобы освежать голову в любой момент и не беспокоиться, что с волос будет капать.

Фруктовый лед мне здорово помогает. В нем немного сахара, но зато достаточно много фруктового концентрата и пюре. Никаких сложных углеводов. Фактически это детский сок, который охладили и упаковали в яркую обертку. Люблю и их навязчивый слоган: «Яблочное ле-е-ето!».

В киоске сегодня работает молодая девушка, которая каждый раз, завидев меня, говорит: «Вам как обычно?» Мне нравится, как она хлопает ресницами при вопросе, поэтому я покупаю именно у нее. Со стороны женщин это единственное внимание, которое я получаю.

Дорога пролегает через парк, мимо детских аттракционов, лавочек, где обжимаются подростки, и площадок, где растягивают суставы спортсмены. Я научился не смотреть окружающим в лицо и быстро проходить мимо. Невыносимо наблюдать, как они сначала смотрят на мой живот, потом на мороженое, которое я несу в руках, а потом в глаза, упрекая меня. Ненавижу есть на публике. Пока иду, у меня слезятся глаза от едкого пота, который попал под линзу. Глаз просто разрывается изнутри. Лицо покраснело и блестит масленичным блином на солнце.

Наконец-то, через четверть часа, захожу в темную прохладу офиса. Фирма арендует первый этаж жилого дома, поэтому наши офисы – это переделанные квартиры с небольшими коридорами и узкими переходами, по которым я вынужден ходить боком и приставными шагами. Теснота – это пытка для меня. Спешу в свой угловой кабинет, чтобы поскорее стянуть потную футболку и начать вытирать грудь и подмышки прохладными салфетками. Скорее-скорее, чтобы никто не зашел в этот момент. Хотя в офис я прихожу одним из первых, поэтому риск неожиданных посетителей крайне мал. Фухх. Успел. Надеваю свежую футболку. Время для сэндвичей. Это полезный и правильный завтрак: в злаках содержится много клетчатки, полезный греческий йогурт в качестве заправки, диетическое куриное мясо, свежий лист салата. Всего двести килокалорий. Быстро все проглатываю и открываю дверь нараспашку, чтобы прохладный воздух от кондиционера унес любые запахи еды, которые как улики норовят застрять на месте преступления. Нет, я не позволю, чтобы все вокруг думали, что от полных людей всегда пахнет едой. На столе для входящих документов со вчерашнего дня остались две многостраничные накладные, которые я сажусь вбивать в базу.

Через час в офисе появляются коллеги, и становится шумно. Дверь в мой кабинет приходится закрыть, чтобы отгородиться от пустопорожнего трепа. Возвращаюсь к компьютеру и документам, которые цифру за цифрой переношу в систему. Я максимально сосредоточен на своей работе, так что пропускаю момент, когда в мой кабинет открывается дверь и в пластиковый лоток с документами снова кладут вчерашние накладные. Огромную пачку. Я замечаю её, только подбив остатки утренних документов. Ненавижу свою работу. Я уже шесть лет здесь. Примерно семьдесят два месяца я вношу данные, помогая считать складские отгрузки. Перед моими глазами сменилось три директора и четыре главных бухгалтера. Руководить продажами взяли юнца на красной «мазде». А у меня за это время только плюс тридцать килограммов, и в сильную жару ёкает сердце так, что приходится искать стул и прохладу.

Сегодня на обед у меня яйцо, половинка апельсина и половинка грейпфрута, стакан кофе с сахарозаменителем и триста граммов латунка. Enjoy your meal! Не смог удержаться и вместо половинок цитрусовых съел их полностью. Латук должен был занять треть тарелки, но я все приминал его вилкой и приминал, пока листья не закрыли половину тарелки. Ведь это же не страшно. Я всего лишь убрал воздух между листьями. И это салат, в нем нет жиров и углеводов. Выпиваю напоследок два стакана теплой воды, чтобы убедить свой желудок, что я сыт. Но желудок сводило, и из живота доносились раскаты голода. Я прочитал, что на этой диете надо продержаться всего несколько дней, после чего организм начнет расщеплять собственный жир, чтобы восполнить нехватку питательных веществ. Я очень хочу есть. Эта идея навязчивым насекомым поселилась в голове. Я попытался вернуться к

мыслям о работе, чтобы перестать думать о еде. На моем письменном столе остались крошки от яичного белка, которые я собрал, облизав палец, и съел. Я решил доесть латук, чтобы у меня больше ничего съедобного не было. Контейнер из-под еды я положил на самое дно сумки, накрыв его мокрой футболкой и таблетницей. После обеда я пошел в туалет, чтобы воспользоваться зубной нитью и по дороге отнести обработанные документы в архив. Я уже второй день на диете.

Конец рабочего дня прошел спокойно. Я успел внести все данные из вчерашних сделок, поэтому завтра я смогу сфокусироваться только на новых документах. Разумеется, если руководитель продаж снова не начнет согласовывать отгрузки после шести вечера. Тогда у меня появятся еще пачка накладных.

Живот к вечеру стал урчать с громкостью трактора, а концентрация на работе стала стремительно падать. У меня не осталось ни салата, ни фруктов. Вспомнил, что я закинул пластиковый контейнер из-под вареного яйца в сумку. Так. Я его не мыл, поэтому пластик все еще содержит запах вареного белка. Я не успеваю додумать эту мысль, как руки стремительно проникают во внутреннее пространство сумки: мне попадаются счета и рекламные проспекты. Не то. Упаковка из-под капеля от насморка. Что она тут делает? У меня был насморк три месяца назад. Не то. Мокрая футболка, которая стала крепко пахнуть сыростью и потом. Не то. Наконец в самом низу я нащупываю контейнер и резко извлекаю его из-под груды барахла. Я срываю крышку, которая громко трескается под моим напором, и прикладываю этот контейнер к лицу, как кислородную маску. Вдыхаю. Зажмуриваюсь, пытаюсь насладиться этими секундами. Я чувствую едва уловимый запах вареных яиц, кислинку апельсиновых корок и пластик. Кажется, я замедляю дыхание, с жадностью удерживая все съестные запахи, втянутые носом. В этот момент дверь моего кабинета открывается и входит руководитель отдела продаж.

– Привет. Я тут хотел...

Он останавливается на полуслове, увидев меня, крепко прижимающего к лицу пластиковый контейнер. Я резко открываю глаза и пытаюсь отложить контейнер в сторону, спрятать из зоны видимости. Пока прикидывал, куда его бросить, я сделал шаг вперед и случайно наступил на свою сумку, которую ранее тут же и оставил. Я почувствовал, как наступил на бутылку с водой, отчего потерял равновесие и полетел назад вверх лицом в проход между столом и стеной, хватаясь при этом руками за воздух. Три, два, один... сознание покинуло меня.

2

Я ненавижу есть в присутствии других людей. Раньше я всегда ходил на обед в пахучий вьетнамский ресторанчик в соседнем торговом центре, но не из большой любви к азиатской кухне, а из-за того, что у них столы для еды упираются в стену. И когда ты садишься за столик, то оказываешься спиной к остальным посетителям и лицом к стене. Я несколько раз пробовал выбрать место для еды так, чтобы сидеть лицом ко входу и каждый раз становился добычей осуждающего взгляда прохожих, в том числе и своих собственных коллег.

Я осознаю, что поедание стеклянной лапши на публике не является чем-то противозаконным или постыдным, но у меня были свои пищевые ритуалы, которые мне нравились и которые я защищал от всех.

Они – мои и я не планировал ими делиться, поэтому ел, смотря в кирпичную кладку стены. Я ел голодно и жадно, давась и закидывая палочками в рот большие куски утиного мяса с арахисом и чили, битые огурцы, щепотку кимчи или кружочки медовой редьки с древесными грибами. Все отправлялось в рот одновременно, поэтому мне приходилось добирать ноздрями воздух, который едва вымещался из ротовой полости.

Триумфом обеда была большая порция салата: свежие листья латука, хрустящие ростки гороха, кисловатый шпинат, небольшие подвяленные помидоры, семена чиа, измельченный арахис, молотые семечки тыквы, бальзамический уксус, оливковое масло и копченая паприка с чесноком. Мне нравится, когда еда состоит из множества частей, поскольку это реально растягивает процесс поедания, заставляя фокусироваться на каждом вкусе отдельно. Если бы я мог есть неограниченно долго, то наверняка так бы и сделал, проводя дни и недели за смакованием каждого ингредиента, попадающего ко мне на тарелку. Отдельное удовольствие – это смена острых вкусов на более сладкие, а потом на что-то кислое или свежее. И так по кругу. Настоящий аттракцион вкусов.

Десерт я покупал уже на выходе из торгового центра. В сетевой кофейне поставили автомат с мороженым, к которому надо было подносить пластиковый стаканчик и тянуть рычаг на себя: правый – для обычного мороженого, средний – для шоколадного, левый – для обезжиренного мороженого с сахарозаменителем. Тут нужно было обслуживать себя самостоятельно, поэтому никто не прикасался к твоей еде: не сыпал чрезмерное количество топпинга, не лил слишком много сиропа, случайно не опускал в еду свои пальцы и не сдавливал стаканчик, ломая его заводскую красоту. Уровень социального взаимодействия на уверенной отметке «ноль». В мороженом, которое я выбирал, было низкое содержание углеводов и всего 50 калорий на половину среднего стакана. Значит, можно было получить полноценный десерт в среднем стакане всего на 120 калорий. Меня радовало, что бариста, который всегда находился в кафе, никогда не рвался со мной разговаривать. Там обычно работал пацан лет девятнадцати, который постоянно смотрел в телефон и всегда молчал, пока кто-то из посетителей не начинал с ним общаться первым.

Я подошел к автомату с мороженым и оплатил картой среднюю порцию полезного десерта. Выбрал последний пустой стаканчик, который поднес к левому рычагу, и потянул вниз. Сначала ничего не произошло, но раздался механический звук из автомата. Я сильнее протянул рычаг вниз до конца, надеясь, что мороженое не закончилось. Автомат продолжал угрожающе дребезжать, но мороженое не появлялось. Я начал осматриваться по сторонам, пытаюсь понять, что делать дальше. К счастью, тонкий поток замороженной массы начал потихоньку капать из металлического отверстия автомата. Мороженое в начале было совсем растаявшим и напоминало скорее молочный коктейль, но с каждой секундой смесь начинала твердеть. Я начал аккуратно вращать стаканчиком, чтобы мороженое укладывалось равномерно по кругу, заполняя и центр, а не образовывало стенки колодца или воздушные карманы в белой текстуре. Когда уровень мороженого выровнялся с краями я отпустил рычаг автомата, но мороженое продолжило мягко стелиться сверху. У меня появилась легкая паника от того, что я явно брал больше, чем планировал съесть и не мог оперативно понять, куда деть лишнее мороженое. Убрать стаканчик означало испачкать всю поверхность автомата, а холодная масса все продолжала медленно укладываться во вращающийся стакан.

– Извините! Кажется, автомат сломан, – обратился к баристе, который сверлил взглядом экран телефона. Он не обратил никакого внимания на мои слова.

– Придурок, – только и мог констатировать я.

К счастью, скоро автомат выключился, оставив меня с солидной шапкой лишнего мороженого, которое я аккуратно понес к выходу. Нужно было стратегически решить этот вопрос. С одной стороны, я мог съесть эту шапку и не доедать мороженое примерно с середины стакана. Или другой вариант: я мог выкинуть лишнюю шапку и съесть то количество калорий, которое изначально планировал. Я тяжело выдохнул.

Выйдя из торгового центра, я завернул за угол, где стояла уличная урна. Оказалось, что дыры в урне не было. Это был какой-то шедевр современного урбанистического дизайнера с узкой щелью, в которую можно было легко бросать чеки, использованные карточки общественного транспорта или обертки от жвачки. Преступную порцию мороженого сразу не вылить в такую урну. Хорошо, что я взял с собой пластиковую ложку, которой можно было постепенно выбрасывать лишнее, но из-за вязкости мороженого мне нужен был упор – что-то твердое, по чему можно резко стукнуть ложкой, чтобы мороженое попало точно в щель. Касаться ложкой урны я не хотел, поскольку планировал доесть десерт, а другой ложки у меня нет.

Чтобы освободить две руки, мне пришлось поставить стаканчик на край урны. В одну руку я взял ложечку, в другую – телефон. Я подчерпнул немного мороженого сверху и постучал ложечкой о край телефона. Моих усилий оказалось достаточно, чтобы вязкая масса отсоединилась от ложки и попала точно в щель урны. Я зачерпнул еще немного и повторил все действия еще раз. Зачерпнул, постучал, стряхнул. Зачерпнул, постучал, стряхнул. Я так увлекся этим занятием и был столь сосредоточен, что не обратил внимание на проходящих мимо меня людей, среди которых шел и руководитель отдела продаж. Свежий, аккуратно причесанный молодой мужчина около тридцати.

– Привет. Кормишь урну? – сказал он.

Я посмотрел на него довольно пристально, отвлекшись на мгновение от работы, но успев стукнуть ложечкой последний раз по телефону. У него на голове были крупные наушники и солнцезащитные очки-авиаторы. По мощной нижней челюсти бегала ухмылка. Он не остановился ни на секунду и, судя по всему, не планировал вступать со мной в диалог.

Значит, этот выскочка видел весь процесс с самого начала. Я почувствовал, что меня застучали, публично опозорили, выставили посмешищем. Я очень надеялся, что он хотя бы не понял, зачем я это делаю. Хотя я и осознавал, что это выглядит чужаковатым, пугающе-чужаковатым. Глубокий вдох. Десять, девять, восемь... Я быстро вернулся в офис и, сославшись на высокую температуру, поспешно ушел домой, потев в три раза обильнее из-за стыда, разъедающего изнутри. Темные пятна под мышками расползлися на половину футболки, обнимая меня мокрыми объятиями с двух сторон тела. Три, два, один. Закрываю глаза и мечтаю, чтобы этого дня не было.

3

Я сижу за столом у себя на кухне. Я босой, но в большой безразмерной футболке. Передо мной стакан, в котором намешан сок лимона, ложка яблочного уксуса и вода. Рядом со стаканом лежит пластиковая

туба с плоскими белыми таблетками и инструкция по применению. Ну что ж, одну таблетку принимать утром, вторую – в обед, третью – вечером. Мое новое трехразовое питание. Вчера я выпил первую таблетку поздно ночью. Сейчас одиннадцать утра. Не поздно ли мне пить утреннюю порцию, или уже дожидаться обеда? Беру таблетку и запиваю большим глотком воды из стакана. Выдыхаю.

Надеюсь, что скоро я смогу экономить кучу денег на продуктах, смогу носить брендовые рубашки-поло и бархатные лоферы. Я решил сделать себе еще одну чашку кофе, хотя утром по выходным всегда ограничивался стаканом воды с лимоном и уксусом. Это мое верное средство для ускорения обмена веществ в организме. Однако сегодня я понял, что за утро выпил уже четыре кофе, если судить по открытым упаковкам сахарозаменителя. Один пакетик на одну чашку. Не мог же я добавить четыре пакетика в одну чашку, нет! Исключено.

Завариваю еще один кофе, чувствуя себя при этом энергичным и полным сил. Мне показалось, что у меня даже расширились легкие из-за того, что одного вдоха мне теперь хватало на два-три долгих выдоха.

Я понимаю, что мне совершенно не хочется есть. Даже более того, я чувствую, что у меня столько сил, что я могу пробежаться или сделать десяток-другой отжиманий. Решаю загрузить себя домашней работой, оттирая, выскребая, отмывая, собирая вещи в одном месте и разбирая в другом, постоянно посматривая на стрелки часов, ожидая обед.

На часах уже два. Я закидываю в рот еще одну таблетку и запиваю ее теплой водой. После этого я возвращаюсь в уборке. Мне осталось убраться в коридоре и протереть поверхность большого зеркала, которое я давно отвернул от себя. За те годы, что я в него не смотрел, на нем собралось много пыли. Я развернул зеркало, после чего начал разглядывать свое отражение, знакомясь с собой, узнавая себя заново. Мне показалось, что я уже вижу эффект от приема таблеток. Я увидел, что у меня немного похудело лицо и живот стал поменьше. Чтобы убедиться в этом, я задрал футболку и повернулся боком, максимально втянув живот внутрь. Да. Я давно не мог так сильно втягивать живот. Определенно, вес постепенно уходит. Это очень меня обрадовало. Я с двойной скоростью принялся заканчивать уборку в коридоре, вспоминая время от времени о необходимости пить воду.

Постепенно энергия стала улетучиваться, и я поймал себя на мысли, что хочу посидеть и передохнуть. Как только я сел на кресло, я понял, что испытываю дискомфорт и зуд, который я пытался заглушить большим количеством воды в организме. Я тут же сходил проверить почтовый ящик в подъезде, потом срочно поменял воду в фильтре для воды. Но все эти внутренние неудобства того стоили, это же ничтожная цена за результат, который я уже вижу. Меня стало бросать в жар, возможно оттого, что я получил резкую физическую нагрузку за сегодня, что ввело мой организм в стресс.

Я осознал, что за день выпил около пятнадцати чашек кофе, судя по пустым оберткам сахарозаменителя. У меня не было ни единой идеи, как это произошло. Если я правильно считаю, то я делал глоток кофе каждые десять минут, но при этом, я совершенно этого не помнил.

Мне не надо было готовить ужин или что-то на завтрак, потому что мой рацион сжался до трех белых таблеток. Я поставил фоном музыку и пошел заваривать еще один кофе, проходя мимо холодильника и радуясь тому, что за сегодня не открыл его ни разу. Я знал, что вкус кофе может очень быстро приестся и очередной глоток может показаться

горькой жижей, чем, фактически, кофе и является, поэтому кроме добавления сухого перца чили или апельсинового сока, я заменял очередную чашку кофе стаканом теплой воды. Я чувствовал себя живым: жадно хлебая кофе, стоя посередине кухни, выпивая большие глотки воды, сидя в кресле и наслаждаясь музыкой. Живым и стремительно меняющимся в своей голове, даже принимая во внимание тот факт, что тело мое начнет худеть сильно позже, чем я себе это представляю.

Не дослушав финал очередной джазовой импровизации, я пошел в спальню, чувствуя, что усталость легла на плечи плотным одеялом, придавливая меня к поверхности кровати. Желания сопротивляться нет.

4

Открываю глаза, а вокруг все ярко-розовое, как сахарная вата в цирке. Достаточно тепло и безветренно, воздух мягкий и медово-сладкий. Я смотрю вперед и вижу перед собой деревья, и они розовые: темно-розовые лакричные стволы и светло-розовые воздушно-марципановые листья. Вокруг меня холмы, покрытые дикорастущими травами. Наступаю голыми ступнями на траву, и она розовая. Замечаю, что вокруг деревьев летают небольшие розовые птички, а над цветами кружат розовые насекомые. Делаю осторожные шаги вперед, опасаясь порезаться ногами о камни или острую осоку, но ничего не происходит. Траву на ощупь мягкая, как волосы, она приминается под ногами и, как только я делаю шаг и прохожу вперед, восстанавливается. Над головой нет солнца, но все предметы вокруг отражают солнечный свет так ярко, что невольно жмуришься.

Я замечаю, что одет в светлую рубашку, которая доходит практически до колен, и на правом запястье у меня жемчужный браслет. Странно, но жемчужины совсем легкие и скорее похожи на детское украшение с конфетами, которые можно откусывать прямо с нити на руке.

Замечаю впереди реку и начинаю двигаться ближе к ней, чувствуя от воды сладостный аромат, как в кухне, в которой мама готовит земляничное варенье. Очень тихо вокруг. По небу мчатся ярко-розовые облака, похожие на открыточных животных: овечку, которая бежит и догоняет зайчика, волчонка, который бежит с этой овечкой наперегонки. Я ощущаю себя в детском сне сладкоежки. На губах образовалась сахарная корка, которую я слизываю. Очень сладко. Сладше сахара.

Через луг к реке ведет аккуратная дорожка, выложенная небольшими белыми брусками. Я видел пастилу, продающуюся в таких брусочках. На ощупь дорожка очень мягкая и, наступая на нее, я немного проваливаюсь в почву. На лугу растет земляника, удивительно яркого розового оттенка, с розовыми листьями и редкими розовыми соцветиями. Я сорвал одну ягоду и попробовал. Очень нежный, сочный вкус, который могла дать только целая горсть ягод.

Я смотрю вдаль во все стороны, и насколько хватает зрения пейзаж один и тот же: розовые луга переходят в розовые холмы, прозрачная река, петляющая вдаль зигзагами. Вдоль берега редкие деревья с розовыми кронами. Где-то далеко справа мне показался небольшой розовый поезд, сверкающий глазурными боками и выпускающий вверх облака пара. Эти облака сияют яркими искрами фиолетовых блесток, поэтому я могу различить его на розовом фоне.

Впереди меня на дороге притаилась, расправив крылья, розовая бабочка, которая не вздрагивает, когда я подхожу вплотную к ней.

У нее верхние крылья более темные, а нижние посветлее. Я иду дальше, приближаясь к реке, и уже слышу мерное течение воды. На лугу стали попадаться колокольчики, у которых вместо куполов вафельные рожки и три красных ягоды в виде пестиков. Ветер слегка их колыхает, но никакого звука они не издают.

Я подхожу вплотную к реке и чувствую прохладу от кристально-прозрачной неторопливо текущей воды. Дно реки столь чистое, что я легко и бесстрашно решаюсь войти. Это намерение кажется правильным, единственно возможным. Песок, по которому я иду, скорее прозрачный, чем желтый, но я не проваливаюсь, чувствую лишь, как вода приятно охлаждает пальцы ног, огибая меня. Посмотрев вниз, я понимаю, что не вижу своих ступней в прозрачной воде. Вижу живот, бедра, колени и водную гладь, а сквозь нее – ничего, только песчаное дно. Делаю еще шаг вперед, захожу по колено в воду. Я ощущаю довольно стремительное течение реки, поскольку каждый шаг по дну встречает сопротивление воды, но я продолжаю идти к середине реки. Уровень воды уже на середине бедра, низ рубашки намок и прилип к телу. Удивительно, но я начинаю чувствовать дискомфорт, как будто мои ноги стали истончаться и им все сложнее и сложнее удерживать меня стоя. Я опускаю правую ладонь в воду и вижу, как рука, попав под воду, становится прозрачной. С нее как по волшебству исчезает кожа, мышцы и кости и так вплоть до того места, которое я не намочил, рука выше этого места совершенно такая, как и была. Я второй раз окунаю руку в воду, а наружу достаю абсолютно прозрачную ладонь, с которой стекают капли воды, переливающиеся бликами, отчего ладонь стала походить на хрустальную фигурку, которую хранят в серванте подальше от детей.

Я перестаю чувствовать свое тело: сердцебиение, стук в висках, наполненность. Я скорее похож на леденец в человеческий рост, который постепенно тает под напором воды в реке. Меня как будто рассасывает за пухлой щекой крепкий пацаненок лет пяти. Следующий шаг вперед дается еще тяжелее, и я чувствую, как моя левая нога полностью истончается. На ее месте остается пустота. Я теряю равновесие и падаю лицом вперед в воду, которая подхватывает меня быстрым течением и уносит вперед. Я пытаюсь схватить воздух руками, но это бесполезно. Тёплое течение слизывает с меня одежду и кожу. Нежно, слой за слоем. Я истончаюсь, отдавая воде жировые прослойки, мышцы и сухожилия, при этом продолжаю жадно хватать ртом воздух. У меня больше нет ступней, чтобы плыть вперед, я потерял три четверти правой руки и не могу грести. Течение смыло с моего лица ухо и один глаз, поэтому я перестал видеть розовое небо, погрузившись в краткосрочное созерцание подводных красот.

От меня осталось несколько участков тела, но мозг сопротивляется, заставляя и заставляя меня жадно набирать полные легкие воздуха, когда волна подкидывает меня вверх со дна. Но этого воздуха не хватает, поэтому я начинаю глотать воду, которая оказывается сладкой на вкус. Меня неумолимо тянет ко дну. Я чувствую, как вода вливается в мое нутро, проделывая дыры в животе. Я не могу кричать. Сколько бы я не выдавливал из себя крик, он превращался в абсолютную тишину. Такие законы этого мира, или у меня растаял речевой аппарат. Я перестаю себя ощущать.

Последняя мысль, которая приходит ко мне – это боль и страх умереть в одиночестве, без возможности просить о помощи, без ощущения своего тела. Оставшийся глаз истончается, и вместо пестроты ярких

оттенков розового я вижу белизну. Абсолютную белизну вокруг. Ничего. Толща воды смыкается надо мной, затягивая меня разбитым судном на дно.

5

Я проснулся, едва заслышав первые сигналы будильника, но чувствовал себя при этом совершенно разбитым. В квартире было очень душно, но меня одолевал озноб. Подушка под моей головой была влажной. Утренние процедуры в ванной принесли дискомфорт: вода из-под крана била холодом по зубам, свет от лампы выжигал сетчатку, полотенце, которым я вытирал лицо, стремилось содрать кожу наждачной поверхностью. Я ударился сначала пальцами ног о кровать, пока проходил мимо, потом дверью от ванной стукнул себя по коленке, слишком резко открыв дверь. В зеркале я вижу, что волосы сильно сваялись из-за беспокойного сна. Мне показалось, что у меня осунулось лицо и глаза стали чуть более выразительными.

Весы не показали ничего, вместо электронных цифр на экране высветилось слово «ошибка». Я перезагружал их несколько раз, менял батарейки, но это не помогло. Впервые за семь лет я не мог узнать свой вес.

Я попробовал сфокусироваться на ощущениях тела, но ничего не вышло. Я чувствовал озноб и не мог заставить себя думать о чем-то другом. Зеркало. Вот, что поможет мне определить мой вес сегодня. Перевожу зеркало из коридора в спальню. Разворачиваю к себе и устанавливаю так, чтобы верхняя часть зеркала была ближе к моему лицу. Это старый трюк с перспективой, когда объекты, находящиеся ближе к зеркалу, кажутся крупнее, а то, что находится дальше, выглядит меньше. Сначала рассматриваю лицо. Да, лицо определенно слегка заострилось, наметились скулы. Ниже в зеркале – шея и плечи. Кожа на плечах стала чуть прозрачнее. Пристальнее посмотрел на ключицы. Почему лишний вес тут не скапливается? Смотрю на грудь и неряшливые волосы на ней. Ладно, ничего криминального. Живот. Морщусь как от глотка очень холодной воды, бьющей по воспаленным зубам. Мне показалось, что лишние килограммы собрались не по всей площади живота, а только в середине, образуя шар, с пупком на вершине. Это хорошо, это значит, что вся проблема сконцентрирована в одном месте. Верхняя часть живота определенно стала худее. Кожа светлая, без растяжек и бугров. Мне нравится то, что я вижу. Нравится настолько, что я готов на несколько градусов наклонить зеркало в ванной, чтобы поверхность захватывала и часть живота. Нижняя часть живота выглядит все еще не очень привлекательно. Но это не страшно. Я принимаю таблетки всего ничего. Это же первый курс. Странно же ждать чуда за столь короткий период? Но даже то, что я вижу, мне уже ужасно нравится. Неужели я наконец-то нашел то, что мне реально помогает худеть? Определенно я скинул килограмм или два, а может, даже больше. Я заносу в заметки вес, вычтя из него полтора килограмма. Вот так. Победа завоевывается маленькими шагами.

Собираю свой обед, представляющий собой одну таблетку, воду в прямоугольной бутылке, влажные салфетки и дополнительную футболку, чтобы переодеться в офисе. Рюкзак получается совсем легким.

Выхожу из подъезда и чувствую влажный и теплый воздух, прилипающий к открытым участкам тела. Спустя пару мгновений я понимаю,

что на лбу скопилось много капель пота. Кажется, больше чем обычно. Я сразу же вытираю пот двумя салфетками. Но это нормально, организм же привыкает становиться худым, у него стресс, который и проступает на линии лба.

Вижу соседку, которая, как обычно, выгуливает утром собаку. Останавливаюсь перед ней, собираюсь с силами и четко говорю:

– Здравствуйте.

Она останавливается, смотрит на мое лицо. Мне кажется, я вижу в ее глазах тревогу и беспокойство. Собака при этом подошла ко мне ближе и попыталась понюхать штанину.

– Здравствуйте, – слышу я ее голос. Она продолжает смотреть мне в глаза, при этом часто моргает. Я иду дальше, радуясь уже второй маленькой победе за утро. Я чувствую, как по спине, между лопаток, побежала капелька пота. Ну, разумеется, нельзя же было думать, что я сразу перестану так сильно потеть.

Дохожу до входа в парк и направляюсь к киоску с мороженым, который оказывается закрытым. Это и правильно, мой рацион теперь состоит из трех таблеток, которые я разбавляю полезными микроэлементами. Фруктовый лед не содержит ничего полезного, скорее я хотел показать нового, немного похудевшего себя продавщице – приятной девушке лет двадцати. Она бы спросила: «Вам как обычно?», а я бы ответил: «Нет, сегодня я бы хотел эскимо без сахара или рожок на соевом молоке». Она бы точно удивилась, стала бы спрашивать, почему изменились мои привычки. А я бы что-нибудь сказал или пошутил. Мы бы стали обмениваться репликами, я бы спросил, как ее зовут, или полюбопытствовал, а какое мороженое нравится ей? И ест ли она вообще мороженое?

В этих раздумьях я и дошел до офиса, который встретил меня прохладой и легким дребезжанием кондиционеров.

К своему удивлению, я увидел нескольких коллег, которые находившимися воробьями чирикали про «много работы и мало зарплаты». Приветствуя меня, они, казалось, тоже удивлялись. Неужели они увидели, что я начал худеть? Я быстро пробежал в свой угловой кабинет, поскольку хотел вытереть пот и переодеться в сухую одежду. Сначала я принял утреннюю таблетку и запил водой, которую принес из дома. Я понял, что чувствую такую жажду, что хочется расчесать горло изнутри, а вода лишь слегка убирает этот зуд. Мне явно потребуется больше воды и сейчас. Выпив залпом всю бутылку, принесенную из дома, я пошел из кабинета на кухню, чтобы выпить еще. Терпеть зуд не было никаких сил, и у меня пересохли губы.

В два часа дня я поймал себя на том, что не могу сфокусироваться на работе, постоянно отхлебывая воды из бутылки и отвлекаясь на разные мысли, которые, как карусель, проносились у меня в голове. Раздумывая, насколько аналогия с каруселью удачна, я начал фантазировать и рисовать в воображении фарфорово-белых пони, поднимающихся и опускающихся на вращающейся платформе. С розовыми щеками и золотыми уздечками. Мне стало казаться, что я слышу французский аккордеон, детские смешки, звуки наполнения воздушных шаров гелием из баллона, такой: «ш-ш-ш-ш-ш» и хруст появляющегося из кастрюльки попкорна. Я взял еще одну таблетку и запил ее. Горло чесалось невообразимо сильно, и из-за обилия выпитой воды у меня отекали ноги, а живот округлился, как аквариум. Давление на мочевой пузырь внезапно усилилось.

Я встал со стула, намереваясь дойти до туалета, но в этот момент дверь в мой кабинет открылась, впуская коллег.

– О, ты на месте! Привет.

Первым вошел руководитель отдела продаж, одетый в белую мятую рубашку и темные классические брюки. За ним подтянулись ребята из коммерческого отдела, девушки из бухгалтерии в окружении главного бухгалтера, и еще: Лена – секретарь, Таня – кадровик, Алексей – АХО. В кабинете буквально было негде упасть яблоку.

– Сегодня мы собрались, чтобы поздравить нашего дорогого коллегу с ...

Я отключился всего на мгновение, продолжая чувствовать интенсивное давление на мочевой пузырь. По моим прикидкам я выпил около четырех литров воды. В этот момент я стал представлять себе четыре литра в качестве четырех литровых стеклянных бутылок с длинным узким горлышком. Холодных. С капельками пота на зеленоватых боках. Щелк! Четыре бутылки превратились в восемь пол-литровых бутылок, выстроенных в два ряда. Щелк! И я уже вижу шестнадцать маленьких бутылочек, которые выстроились в четыре ряда по четыре в каждом.

– Нам чрезвычайно приятно, что в нашем коллективе есть настолько профессиональный человек, который...

Мне срочно надо в туалет. Я чувствую легкую резь в паху. От боли я начинаю покусывать нижнюю губу, а на лице выступает обильный пот, который вытираю рукой, хотя, правильнее сказать, размазываю по правой щеке.

– Я, в свою очередь, хотела бы присоединиться к словам предыдущих коллег...

Я сдавливаю колени, чтобы внутренней стороной бедер сжать пах. Чтобы это не привлекало внимание, я руками хватаюсь за угол письменного стола. Даже если я сорвусь в туалет прямо сейчас, то никаких резких движений сделать не смогу. Живот вздулся и покалывание изнутри усиливается. По спине побежал ручеек пота.

– Коллеги, вы что-то хотите добавить к поздравлениям?

Нет, пожалуйста, просто заканчивайте. Пробегаю взглядам по лицам своих коллег. Я скажу спасибо и пойду в туалет. Я пытаюсь короткими выдохами снизить боль. Хватаюсь сильнее за край стола, мысленно представляя себе, что прохожу через дверь своего кабинета, потом иду налево, прохожу коммерческий отдел, потом иду прямо мимо команды аналитиков, потом отдел обучения, дохожу до лестницы на цокольный этаж, спускаюсь девять ступенек вниз, поворот, еще девять ступенек, поворот, иду к туалетам. Прохожу «Архив». Вот она, золотистая ручка двери. Прикасаюсь к ней.

– Я просто хотела бы поблагодарить и сказать, как ценно для всех для нас...

Заткнись уже. Просто молчи! В мыслях металл ручки холодит руку, я предвкушаю, что туалет свободен. Там играет на фоне легкая музыка. И пахнет травами от диффузора.

– Одним словом, поздравляем! Ура!

Раздаются аплодисменты. Я слегка вздрагиваю и понимаю, что не могу сдвинуться с места, так как любое движение сейчас грозит немедленным мочеиспусканием. Начинаю сильнее сдавливать колени. Пальцы, которыми я вцепился в край стола, стали белыми.

– Спасибо за поздравления, – говорю я. Голос звучит глухо. Я делаю паузы между словами, поскольку любое резкое движение, даже быстро

произнесенная фраза, могут отозваться реакцией организма. – Я очень признателен.

Понимаю, что отпущенный лимит закончился. Еще одно слово, неожиданный зев или чих, одна гласная или согласная, и мочевого пузыря начнет испражняться. Я перестал глубоко дышать, отчего снова вернулось першение в горле и сильное желание расцарапать глотку изнутри. Лицо потеет, пот спекает за шиворот, капли падают со лба на стол, оставляя лужицы на деревянном покрытии. К счастью, коллеги правильно оценили мою немногословность и, не дождавшись речи с моей стороны, стали постепенно уходить, сопровождая движение кивками и повторными поздравлениями в мой адрес. Как только дверь закрылась, я выдохнул с резким призывом из легких. Я отпустил стол и почувствовал, как пальцам стало легче. Сил удерживать поток мочи не осталось. Штаны вокруг паха быстро промокли, а ткань потемнела. Все так. Толстые люди неопрятные и плохо пахнут. Я похожу к праздничному пирожному, которое мне подарили, и съедаю руками сливочно-кремовую шапку с тремя ягодками клубники в шоколаде.

6

Обливаясь потом, я добежал до дому, преодолев расстояние минут за двадцать. По дороге я постоянно пил воду маленькими глотками из-за того, что зуд в горле никак не отступал. Более того, мне показалось, что я стал и хуже дышать, поскольку одного вдоха моим легким было мало и приходилось заставлять себя дышать глубоко. Я списывал это на жару и стресс, который испытал на работе.

Дома я снял свои штаны позора, отбросив их ногой в угол комнаты и как был, в футболке и трусах, лег на диван, положив себе холодное мокрое полотенце на лицо. Мне требовалось успокоиться и восстановить дыхание. Через несколько минут я понял, что сердцебиение начинает стабилизироваться, но мне становится все труднее и труднее дышать. Я почувствовал, что горло отекает и раздулось.

Кажется, у меня стала проявляться какая-то аллергия, причем именно в горле, отчего оно распухло и мне так тяжело дышать. У меня нет никаких лекарств от аллергии дома, и в аптеку я вряд ли успею пойти. Очевидно же, мне надо вызвать скорую. Где телефон? Он остался в кармане штанов, которые я бросил при входе. Надо добраться до телефона. Снимаю полотенце с лица и пытаюсь встать с дивана, понимая, что ноги плохо слушаются, и я начинаю хватать ртом воздух, как рыба, выброшенная на берег. У меня стучит кровь в висках и сильно горит лицо. Я пытаюсь чесать шею в внешней стороны, но только царапаю себя ногтями. Я падаю с дивана и начинаю ползти в сторону входной двери. Перед глазами все задергалось, и я стал видеть все как через мыльный пузырь. Воздуха не хватает. Почему аллергия проявилась сейчас, а не на работе? Очевидно, что это связано с сердцебиением: чем оно чаще, тем лучше. Это отодвигает аллергию. Кровь стучит в висках, а лицо начинает гореть. Я понял, что не доползу до телефона и надо что-то сделать прямо сейчас. Контур предметов стали немного расплываться. Я пополз в сторону кухни. На первый рывок мне хватило сил, но второй отнял последний воздух. Я перекатился на спину и начал глубоко дышать, положив руки себе на грудь. Нет, так руки кладут только покойникам. Лицо стало очень горячим, я почувствовал, что в глазах вставлены линзы, которые не успели нагреться. Заставляю

себя перевернуться и продолжить ползти по коридору к столу на кухне. Каждое мгновение я жадно набираю воздух носом и ртом. Красное лицо заливаается потом, который попадает в глаза. Я жмурюсь от едкой боли, но продолжаю ползти, заворачивая на кухню и подползая к столу. Я хватаюсь за край столешницы, которую все никак не мог прикрутить к основанию, и она падает на меня вместе с пустым стаканом, из которого я пил утром, тубусом с таблетками и ножом, которым я срезал защитную упаковку. Я четко почувствовал, что моему мозгу не хватает кислорода, из-за того, что все мысли слиплись в кашу.

Инстинкт выживания заставляет меня схватить нож резко полоснуть лезвием по бедру, оставляя кровавый след. Я почувствовал совсем легкий укол боли, который на мгновение острой спицей пронзил все мое тело. В голове было так тяжело, что эта боль стала одной спасательной мыслью, которую я смог поймать. И я решаю схватиться за эту боль. Я провожу ножом второй раз по ноге, глубже усаживая лезвие. От боли у меня капают слезы и течет из носа, я кричу. Это очень больно. Тяжесть в затылке, сдавливание висков. Я пытаюсь второй рукой царапать свое горло, пытаюсь найти еще один источник кислорода. Я чувствую очень сильное давление в голове – тупую боль, на которой пытаюсь сконцентрироваться. Из ноги начинает течь тонкий ручеек теплой крови, которая растекается под ногой. Я резко вставляю лезвие ножа себе в бедро на пару сантиметров и от боли просто начинаю выть. Лицо превращается в кашу из слез и соплей. Мне очень больно, у меня стучит в висках, я хватаю ртом воздух, которого нет, пытаюсь окровавленными пальцами второй руки схватиться за окружающие предметы: за ножку стула, за дверцу холодильника. Из-за того, что я извиваюсь на полу, все ноги у меня испачканы в крови, которая продолжает бодро вытекать из раны. Но я чувствую, что эта боль спасает меня, проясняя сознание, которое снова возвращается ко мне. Сердце бешено колотится, и мне кажется, что у меня перед глазами летят мыльные пузыри. Я хриплю, мне нужно подышать.

Я пытаюсь позвать на помощь или просто крикнуть, но из-за рта доносится хрип и вылетают маленькие пузырьки из крови и слюны. Я просто катаюсь по полу и хриплю. Все мои мысли становятся пузырями, которые лопаются, и видно, что они полые. Я снова ложусь на спину, удерживая нож в правой руке и прижав его к груди. Кусаю губы от боли, и мне кажется, что вижу все больше и больше мыльных пузырей вместо четких контуров мебели в своей квартире.

Я начинаю все медленнее и медленнее моргать. Меня трясут судороги столь сильные, что у меня щелкают зубы. Запястья немеют, и нож выскальзывает из руки. Я слышу металлический звук удара об пол. Мне не хватает воздуха. Все тело превратилось в огромный кровотокающий пузырь боли. Я ловлю свое отражение в зеркале, которое стояло в коридоре. Я как выбросившийся на берег тюлень, который случайно ударился головой о камни. Огромная человеческая туша с кровавым месивом на лице. По щекам побежали очень горячие слезы, разъедающие слизистую в глазах: страх и холод. И мысль, что горячие слезы сильно холоднее, чем кожа на лице. В какой-то миг мой мир боли лопается, как пузырь. Глаза перестают видеть и исчезают все звуки. Мозг успевает схватить образ стаи мыльных пузырей, кружащих надо мной. Закрываю глаза. Три, два, один...

Николай СВЕЧИН

Родился в 1959 году в Горьком. Окончил экономический факультет Горьковского госуниверситета. Работал нормировщиком на заводе, инструктором горисполкома, занимался бизнесом.

Первая книга, объединившая две повести («Завещание Аввакума» и «Охота на царя»), вышла в Нижнем Новгороде в 2005 году. Плодотворно работает в жанре исторического детектива. Лауреат премии в области литературы и кино «Русский детектив» (2021) сразу в двух номинациях: роман «Взаперти» назван лучшим в номинации «Детектив года», а сам автор признан «Автором года» с произведением «Кубанский огонь». Почетный гражданин Нижнего Новгорода.

Живет в Нижнем Новгороде.

В ПОХОДЕ

(Глава из книги «Рыжьё»)

Назавтра караван из трех всадников и четырех вьючных лошадей выступил в поход. Пристань была украшена флагами – ждали нового начальника губернии. Через Лену путники переправились на паровом катере. Перевоз обошелся в шестьдесят копеек с человека и по восемьдесят копеек за лошадь. Следующие по казенной надобности пользовались переправой бесплатно, однако Алексей Николаевич счел правильным заплатить как за частный рейс. Катер высадил их не в Бор-Бларе, а чуть выше, в Ярманской, – полицейские начали запутывать следы.

Оказавшись на правом берегу Лены, они двинулись Охотским трактом по направлению к реке Амге. За поймой дорога поднялась на возвышенность и шла так до самого Алдана. Широкая ровная степь с рощами лиственных лесов, в лугах изобилие пасущихся коров и лошадей. Много озер, в которых беззаботно плавали утки и расхаживали цапли. То тут то там в полях попадались маленькие огороженные кладбища. Еще в деревнях обнаружили какие-то деревянные ящики с окошками, похожие на гробы, с крестами сверху. Они помещались возле домов, на околице, и резали глаз.

Питерцев удивили странные бугры, скученные, навалившиеся друг на друга – словно земля покрылась большими пупырышками. Это оказались быллары – следствие вечной мерзлоты. Азвестопуло проявил начитанность и назвал их «пузыри земли», заимствовав выражение из знаменитого стихотворения Блока «Она пришла с мороза...».

Через шестнадцать верст появился первый алас. Командированные с удивлением обнаружили посреди густого леса впадину овальной формы, дно которой было покрыто заболоченным озером. Иван объяс-

нил, что это местная особенность. Впадины образовались от вытаивания подземных льдов и просадки грунта. Теперь они будут попадаться вдоль всего тракта до самого поворота на север. Так и случилось. Часто аласы лежали в несколько рядов, то круглые, то эллипсообразные, и очень оживляли лесную дорогу. Возле них стояли якутские юрты, а внизу паслась в изобилии скотина. Аласы представляли собой идеальное пастбище с водопоем. Считалось, что у каждой семьи должен быть собственный алас, переходящий по наследству.

Тракт был хорошо накатан. Расстояние до Амги составляло сто семьдесят восемь верст. Прежде эта дорога была частью Аянского тракта. Сейчас на ней еще оставалось семь станций, на которых путники и почтовики могли менять лошадей. Где же те ужасы, которыми якутские чиновники пугали питерцев? Азвестопуло кричал едущему впереди Волкобою:

– Вот так бы до самой Колымы!

Тот отвечал со смехом:

– Береги сахарницу*, собьешь раньше времени, а она тебе еще пригодится!

Сергей вел себя как подросток: вырывался в голову каравана, скакал в обход, приставал к инородцам с расспросами. Алексей Николаевич не стал его приструнивать: пускай порезвится. Он ехал рядом с проводником, благо широкий тракт позволял это, и вел занимательные разговоры.

Сорок верст они осилили за четыре часа и оказались в первом селеении – Мячин. Оно состояло всего из нескольких юрт, и расположилось на берегу длинного извилистого озера Тюльгюлю. Путники дали лошадям время передохнуть, угостились у якутов кирпичным чаем, и двинулись дальше. Еще через сорок верст приехали в Чуранчу – большое по здешним меркам селение. Там путники расположились на ночлег в юрте зажиточного саха. Он оказался приятелем Волкобая и угостил экспедицию приличным ужином.

Алексей Николаевич с интересом осмотрел непривычный быт инородческой деревни. Якутская юрта (иначе, балаган) отличалась от тех, что он встречал в Туркестане. Это был низкий и длинный по фасаду дом, выстроенный из наклонно поставленных тонких бревен. У каждого хозяина имелись сразу два строения: летнее и зимнее, часто стоящие дверь в дверь. Летнее – побольше и менее утепленное – опиралось на четыре вертикальных бревна, выставленных по углам квадрата. На них лежал другой квадрат, сбитый из четырех бревен потоньше; к нему выходили потолочные матицы. В стенах виднелись маленькие оконца, собранные из обломков стекла. Там, где стекло не хватало, окна заложили берестой.

Крыша была сложена из жердей с едва заметным наклоном. В центре балагана стоял очаг с прямой трубой, скроенной из тех же жердей, обмазанных глиной. Земляной пол кое-где покрывали волосяные половики, а вокруг очага хозяева разложили ковры из белых и черных обрезков лошадиных шкур, довольно изящной работы.

По углам жилища были расставлены нары – орон. Правая от входа половина предназначалась гостям, левая – хозяевам. На хозяйской половине стоял шкаф с посудой и висели иконы – почему-то в мешках. У входа, вдоль передней стенки, находилось место для дров. Алексей

* Сахарница – задница (шуточн.).

Николаевич заметил, что они нарублены из сухостоя. Якуты берегут лес и никогда не пускают на растопку живые деревья.

Самые почетные места – бирилик – располагались справа в дальнем углу: там сажают священника и шамана. Лыкову уступили именно бирилик. Азвестопуло и Волкобой уселись ближе к двери, но тоже не в обиде. Хозяин с женой и двумя сыновьями расположились напротив, на своей половине. Столов тоже оказалось два: для своих и для чужих. Якутка угостила статского советника халком – смесью масла с молоком и водой, которую подала в чороне – деревянной чашке на трех ножках. Еще принесли большущих жареных карасей. После еды выставили кирпичный чай и пресные лепешки. Все было вкусно, но питерцев смущала антисанитария – обычное явление в инородческих жилищах.

Устав за первый день пути, русские быстро уснули. Поднялись утром, вновь угостились кирпичным чаем и двинулись в путь. Денег за постой хозяин не взял, но с удовольствием принял в подарок пачку листового табака.

Путешествие продолжилось пока что по удобному Охотскому тракту. Однако у следующего селения – Татта – предстояло свернуть с него на северо-восток, к Алдану. Дорога осталась такой же накатанной, ехать было легко, и Азвестопуло продолжил гарцевать на своем Весельчаке. Долина реки Татты уходила к западу и была во многих местах распахана.

Вдруг, спустя час езды, Лыков почувствовал неприятное жжение на затылке. Он резко остановил коня и обернулся.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил Иван.

– Кто-то нас преследует.

Проводник тоже обернулся и долго смотрел на лесную дорогу.

– Я никого не вижу.

– Конечно. Они держат дистанцию.

– Алексей Николаевич, это просто путники. Им надо в ту же сторону, что и нам. Тракт идет к Алдану, по нему снабжают золотые прииски, движение бойкое.

Статский советник отрицательно покачал головой:

– Это не путники, а погоня.

– Как вы можете утверждать такое? – возмутился проводник. – Никого не видать, а вы – погоня. Я катался здесь много раз, всегда было спокойно. Слишком людное место, поймите. Если бы кто-то хотел на нас напасть, то дал бы нам отъехать подальше от Лены.

Но Лыков уже подозвал к себе помощника и сказал:

– За нами хвост, и это не слежка, а что-то посерьезней.

– Разбойники с большой дороги? – пошутил коллежский асессор, снимая с плеча винчестер.

– Навроде того.

Дорога как раз делала поворот. Алексей Николаевич стал раздавать приказания:

– Иван, ты едешь дальше, как ни в чем не бывало, только сбавь немного ход. Услышишь шум или, паче чаяния, выстрелы, привяжи вьючных и скачи к нам.

– Вы хотите стрелять в незнакомых путников? – ужаснулся тот. – Повторяю: это ошибка. Целый день в обе стороны кто-то едет, там обычные люди!

Не обращая внимания на его слова, сыщик велел Сергею:

– Дошли патрон в патронник, пока они нас не слышат, и встань вон за тем деревом. Когда они проедут мимо нас, действуй, как я. Следи, чтобы Весельчак не заржал и не выдал тебя!

– Как я это сделаю? – растерялся тот.

– Держи шапку наготове и в случае чего сунь ему в рот.

Волкобой смотрел на питерцев во все глаза, но не решался более спорить. Уверенность Лыкова произвела на него впечатление, и он тоже взвел свою винтовку.

Всадники разделились. Питерцы фланкировали дорогу с двух сторон, укрывшись за кустами, а Иван поехал дальше. Стало тихо, шаги едущих неспешно лошадей понемногу стихли.

Прошло томительных полчаса, и на дороге показалось трое верховых. Они шли налегке, без выючных лошадей, и держали винтовки наготове. Впереди ехал верзила с приметной физиономией: седые волосы, черная борода и сломанный, как у кулачного бойца, нос. Его спутники тоже отличались лихим видом: обветренные рожи, осанка хищников на охоте...

Лыков дал им проехать мимо, выбрался на дорогу и крикнул:

– Кабысдох!

Вожак резко осадил коня и стал его разворачивать, одновременно скидывая винтовку. Статский советник позволил ему разглядеть себя и лишь после этого выстрелил. Бородач с хрипом повалился на шею жеребцу. Левый крутанулся вокруг своей оси и тоже прицелился, но его тут же свалил Азвестопуло. Правый бросил оружие на землю:

– Не убивайте, сдаюсь!

Лыков навел на него винчестер и приказал:

– Вынимай все, что есть, и туда же.

Жиган, не сводя глаз с дула, начал шарить по карманам и швырять под ноги коня свой арсенал. Вскоре там лежали нож, револьвер, кистень и даже петля-удавка.

– Слезь, встань на колени, руки заведи за спину. Чуть дернешься – пуля в лоб. Отправишься в ад следом за этими. Ты ведь Прошка Алтынный?

– Ваше высокородие, как вы узнали? – заскулил бандит, слезая с лошади. Сергей быстро связал его. Тут подлетел Волкобой, спрыгнул с седла рядом с лежащими телами.

– За что, за что? Ах! Еще полиция, а сами хуже разбойников...

– Иван Флегонтович, заткнись, – оборвал его Лыков, вешая оружие на плечо. – Посмотри лучше на того, с черной бородой и сломанным носом. Не узнаешь?

Проводник нагнулся:

– Нет, в первый раз вижу. Наружность страхолюдная, но ведь за это не убивают!

– За это – нет. Убивают за другое. Знакомься: Харламий Рассудов по кличке Кабысдох. Находится в розыске с тысяча девятьсот девятого года. Он застрелил зрителя Тобольской каторжной номер один тюрьмы Могилева. Подло, в спину.

Алексей Николаевич тоже спешился, похлопал коня по шее:

– Молодец, Пессимист, – не испугался выстрела.

Шагнул к лежащим на дороге телам и продолжил:

– По следам убийства был арестован административно-ссылный Шишмарев. Свидетели указали на него как на виновного. Но, когда открыли следствие, выяснили, что стрелявших было двое. Шишмарев попал зрителю в поясницу, а второй нападавший – в голову. Оба

ранения оказались смертельными. К тому же пули для верности отравили стрихнином. У Могилева остались жена и трое малолетних детей без средств к существованию...

Статский советник рассказывал, и с каждым его словом единственный уцелевший бандит склонялся все ниже к земле.

– Шишмарева повесили по приговору военного суда. Он назвал своего сообщника, Рассудова-Кабысдох. Тот успел скрыться и избежал наказания. Вон валяется, сволочь... Трусил за нами следом, а винтовку держал наизготовку. Как думаешь, для чего?

Волкобой тер руками голову и смотрел во все глаза. Сыщик закончил:

– Я опознал его сразу, любителя стрелять в спину отравленными пулями. Уж больно приметная наружность. Второго не знаю, надо дактилоскопировать труп. А тот, что стоит на коленях, – беглый каторжник Залепухин по кличке Алтынный. Тоже убийца. Взгляни, что он носил в карманах.

Проводник подошел к оружию, тронул ногой петлю-удавку:

– Этим душат людей?

– Да.

Иван с разворота ударил Алтынного ногой в лицо:

– Сволочь! Зря тебя с ними не застрелили!

Коллежский ассессор оттащил его от пленника:

– Связанных бить нехорошо. Уймись.

– А душить хорошо?

Волкобой чуть не плакал, вырываясь из рук Сергея. Что это с ним? Вспомнил про убитых родителей? Однако истерику пора было кончать. И Лыков крикнул во все горло:

– Тихо!

Все замерли. Алексей Николаевич заговорил намеренно деловым тоном:

– Два трупа и пленный – следует доставить их властям. А у нас времени в обрез. Где тут ближайший полицейский чин находится?

– Урядник квартирует в Амгинском селении, это еще два-три дня пути, – ответил Иван. – Лучше вернуться в Татту. Там улусный центр и телеграф есть, голова вызовет полицию.

– Собираем эту дрянь и едем. Но сначала допросим пленного.

Лыков поднял Алтынного за бороду и поставил перед собой:

– Отвечать быстро и правдиво. Иначе повезем в улус трех мертвяков, а не двух. Понял меня, скотина?

– Так точно, ваше высококородие.

– Кто вас послал?

Бандит ответил без раздумий:

– Александр Созонтович распорядился.

– А как он выследил нас? Как вы узнали наш маршрут?

– Эта... ваше высококородие... Сам-от я не ведаю, Кабысдох был за старшего...

Сыщик вынул из чехла финку и поднес к шее фартового. Тот побледнел:

– Вашество... за что? Я правду говорю!

– А мне видно, что ты врешь. Алтынный, твоя жизнь сейчас и копейки не стоит, не то что алтына. Кто узнает, что ты сдался живым? Мои спутники никому не скажут. Готов жизнь положить за Сашку Македонца? Ему так и так конец. Если я взялся, то доведу дело до конца; считай, он уже покойник. Ну? Там, в горах, мы пленных брать не будем. А здесь... Считаю до одного. Раз!

Бандит затараторил, как из пулемета:

– Писарь областного правления Ошметкин следил за вами. Он куплен Сашкой, навреде шпиона от нашего прииска. Приезжих глядит, все нужное сообщает... Через инородцев у них почта отлажена.

– Жили вы где? – продолжал давить статский советник, не убирая ножа.

– На постоялом дворе Черемухина. Завсегда там останавливаемся, хозяин проверенный, сам из каторжных.

– Трое вас было? Или кто в городе остался?

– Трое, ваше высокородие. Людишек у Александра Созонтовича наперечет, больно-то не разбросаешься...

– Ну, живи, – разрешил статский советник, убирая финку. – На допросе в полиции все, что сейчас сказал, подтвердишь. Если пойдешь в отказ, приеду и душу выну без наркоза. У меня тут два свидетеля, учти.

Караван, усилившийся тремя лошадьми, двинулся в обратный путь. Две трофейные лошади везли покойников, на третьей катил Алтынный. Руки ему развязали, чтобы не свалился с седла, но пригрозили застрелить, если попробует сбежать.

Волкобой спросил у статского советника:

– Алексей Николаич, но как вы их учуяли?

– В турецкую войну я служил в пешей разведке. Вынес оттуда большой опыт.

– Это же было сто лет назад!

– Такой навык не пропьешь. Когда позади опасность, у меня холодеет на затылке.

– И все?

– Все. Однако это неоднократно выручало.

– А как вы узнали Кабысдоха? И второго тоже?

Лыков счел нужным пояснить:

– Департамент полиции два раза в год рассылает список разыскиваемых лиц под литерой «А». Там самые опасные люди, при обнаружении подлежащие немедленному аресту. По большей части политические, но хватает и уголовных, в том числе беглых. Я верстаю эти списки и помню приметы и фотокарточки, на кого они есть, примерно семисот человек.

– Семь сотен? – недоверчиво переспросил Иван.

– Может, чуть больше. Приметы чаще всего спрятаны под одеждой: родимое пятно, или шрам, или заживший свищ... Но есть и наружные. Кабысдоха опознать было легко: борода одного цвета, волосы на голове – другого плюс сломанный нос.

– А если бы вы не узнали преступников, как бы поступили?

– Выстрелил бы в лошадь.

– Однако...

– Иван, успокой свою совесть, – хлопнул его по плечу сыщик. – Я не маньяк, дырявящий людей на лесной дороге на основании подозрений. Кабысдох так и так был смертник. Если бы мы взяли его живьем, за убийство зрителя ему полагаются виселица. Но возня, риск побега... Так надежнее. Заслужил.

Затем подъехал Сергей и спросил шепотом:

– Значит, все наши уловки были напрасными? И люди Македонца нас там ждут?

– Значит, так.

Евгений ТОЛМАЧЁВ

Родился в 1990 году в п. Ракитном Белгородской области. Работает в Белгородском госуниверситете выпускающим редактором газеты «Вести БелГУ».

Автор сборника рассказов «Разные судьбы». Победитель всероссийского литературного конкурса для молодых авторов «Хрустальный родник», лауреат всероссийского литературного конкурса «Северная звезда». Живёт в Белгороде

ДОРОГА В ДОМ СКОРБИ*

В ...ской области есть большой пруд, молчаливо лежащий в отдалении от населённых пунктов. Пруд, окружённый пшеничными полями и перелесками. Окрестные земли принадлежат знакомому моих родителей – владельцу крепкого фермерского хозяйства. Благодаря его несусыпной бдительности сюда не дотянулись сети и электроудочки браконьеров. Жарким августовским днём мы с братом Мишей, который старше меня на пять лет, вооружившись спиннингами, сели на велосипеды и отправились насладиться природой и половить больших щук, затаившихся в студёной глубине ям у плотин, под поваленными вербами, у высокого камыша. Как ни старался Николай Петрович развести карпа и толстолобика, щуки поедали малька. Поэтому разрешал нам хлестать гладь пруда блёснами и воблерами.

Миновав деревеньку, мы крутили педали по трассе около получаса, свернули вправо на грунтовку, бегущую вниз по скату пологого холма. На полях ершилась золотая стерня. В рюкзаке моём о чём-то весело разговаривали в коробочке блёсны, булькала вода в бутылке. В тополиной посадке оставили велосипеды. Разошлись по разным берегам, чтобы на закате встретиться возле опалённого молнией старого вяза, стоящего, словно изгнанник, поодаль от тополей. Задумали вечером развести костерок и поговорить о том, о чём беседуют люди, проводившие в городе почти год и, наконец, попавшие в царство щедрой земли, чистого воздуха, с пьянящим ароматом полевых трав.

В восходящих потоках парил коршун, пахло горьковатой полынью. В сильной траве, у корней которой робко взглядывали на меня листочки земляники, трещали кузнечики. Горячий ветер дул с юго-запада. Оводье в бессильной злобе кружило вокруг шляпы, щедро орошённой

* Все совпадения с реальными людьми случайны (прим. авт.).

репеллентами. Волны перемешивали пену у берега. О чём-то шептал камыш, и я, предчувствуя удачную рыбалку, забросил блесну, которая словно бы коснулась тройниками раскалённого солнца и плюхнулась метрах в сорока от берега. Рыбалка выдалась на славу, но я оставил только самую крупную рыбу – две или три щуки. Вдалеке у воды видел двух волков, скрывшихся в балке, поросшей молодыми вербами.

...Поднявшись к опалённому вязу, я сел на тёплую землю и засмотрелся на заходящее солнце. Облака, похожие на сахарную вату из детства, уплывали вдаль. В них отражался розовый отсвет заката. Мишу не было видно на противоположном берегу. Наверное, он уже возвращался, продираясь сквозь непролазные заросли. Приятная слабость разлилась во всём теле, думалось легко и просторно. Казалось, я чувствовал биение могучего сердца земли, ощущая себя частью леса, стоящего поодаль, частью нагретой солнцем плодородной земли, всего мира. Складывалось впечатление, что я, и брат мой, и коршун с волками едины в бесконечном движении, имя которому жизнь. Наверное, я был счастлив в этой затерянности среди полей.

Вскоре показался Миша, облепленный репейником. Даже на бейсболке висел колючий шарик с розовым цветком. Брат шагал устало, но уголки губ трогала наивная улыбка. В капроновой сумке тяжело ворочалась пятнистая с оранжевыми плавниками щука. Сфотографировали улов и отдали Николаю Петровичу, приехавшему проверить – всё ли в порядке.

– Родителям бы взяли, если сами не едите, – отказывался фермер. – Вон щуки-то какие!

– Родителям мы и завтра поймаем. Берите, а то пропадёт за ночь.

– И то правда. Ну, отдохайте, ребята, отдохайте.

Николай Петрович сел в серебристый внедорожник и уехал, пыля по грунтовке. Мы принялись разводить костёр, чтобы поджарить пахнущую чесноком колбасу и заварить чаю. Ночь, волчицей пришедшая с востока, набросила покрывало на небо. Вскоре в вышине мерцали несметные звёзды, как бывает только в августе. Свет от костра дрожал на красивом, византийского письма братовом лице. В юности, признаться, я испытывал чувство, похожее на ревность, и хотел быть лучше Миши. Но теперь гордился тем, что у меня такой красивый брат. Миша работал в университете преподавателем, а я – журналистом областной газеты. Я знал, что многие студентки были влюблены в брата и за глаза величали его любовно Дорианом Греем, хотя он ни на грамм не был высокомерным, заносчивым, распущенным.

Почему-то стали говорить о счастье. Что счастье – дело глубоко личное, мол, если хочешь быть счастливым, значит, будь. Рассуждали, спорили о преградах, обстоятельствах, мешающих человеку стать счастливым. Я был твёрдо убеждён, что каждый в ответе за свою судьбу. Миша деликатно не соглашался и вдруг сказал:

– Давно хотел рассказать тебе историю, свидетелем которой стал несколько лет назад. Думаю, ты поймёшь, что жизнь намного сложнее писанных утверждений...

И вот что брат поведал.

– Как-то осенью познакомился с девушкой. Уже на втором свидании она с жаром стала убеждать меня, что хочет семью и чтобы у её ребёнка был отец. Я изумился такому повороту событий, никак не ожидая от девушки, создававшей впечатление кроткого существа, силы и напора. Близки мы не были...

Каждый день в социальной сети Оля писала, что я для неё любимый и единственный. На третьем свидании целовались в парке среди облетающих деревьев, где пахло опавшей листвой. Не умея целоваться, Оля в кровь искусала мне губы, а потом, обняв за шею, вперила в меня взгляд печальных больших глаз и, будто отягощённая тяжкой мыслью, молчала. По правде сказать, было в её внешности нечто грубое, без огранки, но вместе с тем, это вызывало жалость. Высокий мужской лоб, густые брови, тонкая верхняя губа и выдающаяся вперёд нижняя говорили, возможно, об упрямом характере, маленький носик терялся на широкоскулом лице, неразвитую грудь мои ладони не чувствовали под лёгкой курткой. Оля не красилась, не носила украшений. Уши её не знали серёжек, не надевала брюк, а лишь кофты и длинные юбки.

– Что ты на меня так смотришь? – смутился я.

– Любуюсь, – тихо ответила Оля, словно замороженная заглядывая в глаза. – Почему мы не можем быть вместе? Почему? Почему?

– Оля, мы с тобой знакомы две недели...

– Миша, ты мне больше чем нравишься, я влюбилась в тебя, давай поженимся! Я не могу без тебя! Почему мы не можем быть вместе?

– Оля, мне кажется, что ты торопишь события.

Она изменилась в лице, опустила руки и отвела взгляд. Провожал её домой. Недалеко от подъезда обшарпанной хрущевки молча протислились. Я обернулся. Оля, отдаляясь, шла деревянной походкой растерянного человека, руки висели, как плети. Не оборачиваясь, она вошла в подъезд. Почему-то стало неловко. На следующий день поговорили по телефону, в общем, помирились.

Через неделю пригласила познакомиться с родителями. Поднимаясь по лестнице на третий этаж панельного дома, она вдруг засмеялась. В подъезде стоял тяжёлый дух. Сеяла жидкий свет лампочка, покрытая слоем пыли. Железная входная дверь Олиной квартиры была распахнута настежь. В проходе стояла её бабка, мать – обе в кофтах и длинных юбках – и отец, который лет двадцать с ними не жил. Как по команде ударили в ладоши. Пуще остальных старалась бабка – скуластая, большая, но с маленькими деспотическими руками. Разуваюсь, обратил внимание на количество задвижек и шпингалетов входной двери. Стены в квартире были сплошь увешаны то ли иконами, то ли не пойми чем, на письмо которых я не обратил внимания. Но больше всего запомнилась маленькая, как бы стеснённая мрачными образами в грубых окладах картина с изображёнными тюльпанами.

– Жениться принуждали? – спросил я, посмеиваясь. – Под образамы? Заперли на все замки и заставили жениться?

– Не перебивай. За столом говорили о всякой ерунде: о работе, о болезнях. Тогда пандемия на пике была. Я чувствовал напряжение, подспудно понимал, что разговор хотят повернуть на другое. И вдруг Олин отец спросил – когда свадьба? Очевидно, что вопрос этот подбили задать мать и бабка, всё время переглядывавшиеся.

– Как заговорщики. И что ты ответил? – спросил я.

– Сказал, что знакомы всего ничего. Будущий тесть вскоре поспешил домой, отбыв повинность, сказал, что дети болеют. Оля, когда говорила мать или бабка, глядела на них с собачьей преданностью в глазах, словно ища одобрения. И всё – «да, мамочка?», «да, бабушка?», «верно же, бабушка?».

– А сколько ей лет было?

– Двадцать пять.

– Пора бы своё мнение иметь. Но я тебе, Миш, так скажу – какой-то там нехороший сюрприз таился. Ну, рассказывай дальше.

– Так вот, Женёк. В общем, меня одобрили. И стал я у них бывать раза по два в неделю. Только закроюсь в комнате, бабка уже стучит крепким кулачком: «Оля, что вы там затихли? Оля, что за тишина?» Дальше поцелуев дело не заходило. Как ты думаешь, что стояло на столе в её комнате?

– Не знаю, может, портрет Криштиану?

– Если бы... Со стола на наши объятия глядела большая мрачная картина в серой раме. И Оля страшилась перед ней целоваться, нужно было протискиваться между столом и шкафом... Эта гнетущая атмосфера, тайны и странности незнакомой семьи меня тяготили, и я напрямую спросил – почему она не может прийти ко мне?

– И что ж ей мешало?

– Придумывать начала, дескать, в каком статусе я к тебе приду? Дальше – больше... Пошли прогуляться. На улице холодно, накрапывал дождь, и она, выйдя из подъезда, позвонила бабке, чтобы та ей шапку бросила из окна. В пакете. И вновь – «бабушка, а можно я пакетик в урну выброшу?»

– Кошмар! Миш, а её мать и бабка спрашивали про нашу семью?

– Никогда, словно я без рода и племени! После каждого выходного, когда я уезжал к своим, начинались истерики: я тебя люблю, жить без тебя не могу, почему мы не можем быть вместе? Мне, мол, сказали, что если есть любовь, то нужно быстро идти в загс! Чем жила эта семья?.. Теперь, когда я приходил, бабка постоянно хворала и почему-то лежала и охала не в своей комнате, а в комнате Оли...

– Это, братец, чтобы тебя не впускать.

– И случайно, когда странный, опутанный тайнами и паутиной лжи роман наш расстроился, узнал, что мать и бабка её, как бы так выразиться, состояли в какой-то секте... И Олю туда втянули. Город не такой уж большой, так или иначе найдутся общие знакомые. За малейшую провинность её, взрослую девушку, считай, невесту, таскали за волосы, ставили на колени на гречку.

– На гречку?!

– Но это я вперёд забежал. Оля рассказывала, как в детстве ей запрещали играть с другими детьми, а она подкладывала под одеяло куклу и сбегала, а после её наказывали... В общем, девушка выросла забитым, опутанным всевозможными запретами существом без собственного мнения и взглядов на жизнь. Я настаивал – переходи ко мне, но она придумывала отговорки, а когда стало невозможно находиться в её квартире, когда достали эти нудные, язвительные расспросы о женитбе подозрительной мамы и желчной бабки, это бесконечное нытьё, Оля втайне взяла ключи от ещё одной квартиры, записанной на бабку. Квартира оказалась самым экзотическим местом, где мне приходилось встречаться с девушкой. Мрачные образа и, представляешь, удушающая атмосфера: целуемся, а у самого по спине мурашки, – того и гляди из-за плеча рогатая козлиная морда высунется. Складывалось впечатление, что квартира-то не пустует... Спустя несколько дней мы и расстались. Оля, это забитое, жалкое существо, проболталась о нашем приключении, и её заставили разорвать отношения. Наверное, из-за того, что я узнал одну из сокровенных тайн этой семьи.

– Да. И её поставили на гречку. Она о разрыве при встрече сказала?

– Какой там! Написала СМС. Звонил раз тридцать – трубку не брала, писал, чтобы не торопилась с решением, но ответила, мол, папа настоял расстаться.

– Ага, папа, который двадцать лет с ними не живёт, вершит судьбу любимой доченьки. Конечно, можно валить на этого папу, как на мёртвого. Сам-то, наверное, еле ноги унёс от этих... Но я думаю, что не любила она тебя. Ты просто был для неё глотком свежего воздуха.

У меня, конечно, возникли свои подозрения насчёт того, почему родня и Оля всё со свадьбой поспешали, отчего эта загадочная история тянулась ровно два месяца и резко оборвалась, когда вышел срок... Но не стал беречь душевные раны брата. Неподалёку хрипло завыл волк. Мы насторожились. Я подбросил сухих веток в костёр, радостно затрещавший с новой силой, и сказал брату, задумчиво глядевшему на усыпанное самоцветами летнее небо:

– Волков днём видел.

– Ты знаешь, я Оле аметист подарил, – с тоской сказал Миша.

– Это из тех камней, что мама из Якутии привезла?

– Да.

– Ах ты, воришка! Это ж надо – втихаря залез в мамин шкаф.

Воздух остывал, но костёр дышал на нас жаром, костёр потрескивал, в тёмную высь, петляя, устремлялись красные искры. В круг света влетела бабочка мёртвая голова с жирными от серой пыли крыльями. Я достал из Мишиного рюкзака покрывала. Земля отдавала последнее тепло ушедшего дня. В траве звенели сверчки, у плотины тяжело ударила крупная рыба. Лунная дорожка серебряным ремнём перехватила могучую грудь большого пруда, казалось, что из посадки за нами кто-то наблюдает и ничто не торопится засыпать, что сама ночь слушает эту печальную историю.

– Миш, как сложилась её жизнь?

– Как сложилась... Стаса знаешь же?

– Это твой друг, что психиатром работает?

– Да, в доме скорби на Котельной. В общем, заехал забрать его – на день рождения собрались. Жду неподалёку от решётчатого забора, за которым душевнобольные прогуливаются. И вдруг как-то не по себе стало, как тогда в молельной квартире... Обернулся, а поодаль у можжевельного куста девушка в жёлтом платке. Было похоже, что на меня глядит. Подошёл Стас. Когда сели в машину, я обернулся, а девушки уже нет.

Стрелки механических часов «Восток» спешили к полуночи. Сновидения оставили меня, бродили где-то поблизости с ночными тенями. Я смотрел на небо и вдруг увидел, как, пылая огнём аметистового цвета, полосонула по небосводу умирающая звезда, угаснув навсегда в бесконечной глубине. На противоположном берегу вновь затянул унылую песню волк...

Валентина ЮРЧЕНКО

Родилась в Киеве, окончила Киевский педагогический университет (1996) и Литературный институт им. А.М. Горького (2001). Работает в Москве. Более 20 лет редакторского, корректорского стажа.

Живет в г. Королеве, Московская область.

КОНЦЕРТ

1

Дверной замок шелкнул: робко, но дверь семилетняя Лера все же открыла – решилась. И понеслось:

– Ай-ай-ай, девочка, хорошая девочка... Не бойся, не бойся... Ай-ай-ай, что ж ты... и одна? Ай-ай-ай... А родители где? Как одну такую хорошую дома оставили?

И вот цыгане уже переступают порог, скуля, причитая, цокая языками, размахивая руками, – их всего трое, две женщины и мальчик-подросток, а кажется, что в квартиру внесли улей взбесившихся пчел.

Лера сторонится и пропускает в прихожую странных, «потусторонних», не из ее реальности персонажей, с ужасом воображая развязку. «Сколько раз тебе говорила, дверь – никому, ни при каких обстоятельствах! И сразу на вахту звони, чтобы меня позвали! Говорила тебе или нет?!» – мама не сможет сдерживаться в эмоциях.

Но что сделано, того не вернешь – и Лера покорно исполняет волю цыган.

Связной картины произошедшего девочка не воспроизведет даже при маме – гипноз, решат взрослые, а Лере врежутся в память два эпизода того ограбления: черный камень на дне стакана и мятые пять рублей, оставленные цыганкой на тумбочке: «Нет-нет, последнее взять не могу».

Когда-то все бывает в последний раз.

Через окно кофейни Лера смотрит, как, устраиваясь на парковочное местечко, вскарабкивается на спрессованный снег серебристый «ниссан».

Кажется, только сегодня она окончательно поняла, что больше никогда не сядет за руль его машины, никогда не услышит его «м-м-м-м» в качестве благодарности за вкусный ужин, никогда не насладится его протяжным «девчо-о-о-онка моя-а-а-а».

О том, что случилось, Лере сообщили по телефону и пригласили на опознание.

Там, в одном из путаных коридоров безликой больницы, она и столкнулась со странной женщиной, как две капли воды похожей на цыганку из ее детства.

– Простите, Вы не знаете, как мне попасть... – Лера закашлялась.

– Не извиняйтесь. Вам туда, – ответила женщина и кивком головы указала в нужном направлении. Лера ускорила шаг, но фраза, брошенная вслед, вынудила остановиться: «Как бы я хотела оказаться на его месте...»

Оглянуться смелости не хватало, но Лера почувствовала, как шевельнулась возле нее пустота, и жар, вспыхнувший где-то внутри, волной прокатился по телу.

«Ой, жара-то сегодня, жара... Тебя звать-то как, детонька? Ле-е-е-ра. Красивое имя, красивое. Мама назвала или папа?.. – и Лера вдруг снова отчетливо слышит, как, заговаривая ее, маленькую, курлычет на ухо цыганка. – А попить принеси? Принеси тете водички, просто водички в стаканчик налей, а прям из-под крана. В горле совсем пересохло...»

Когда Лера шла обратно, женщина стояла на том же месте, кутаясь в цветастый платок, и, не моргая, смотрела в окно. Но ее взгляд не цеплялся за голые ветви деревьев, не провожал семящую по тропинке санитарку – он растворялся где-то там, в звенящем морозном воздухе и бесформенных сереющих облаках.

«Как же громко кокают каблуки», – про себя отметила Лера, непроизвольно замедляя шаг. Ей не хотелось, чтобы женщина оборачивалась.

– Завтра вечером я буду в кофейне, это неподалеку. Приходи, если хочешь, – не оборачиваясь, сказала женщина.

Лера вздрогнула, будто в нее всадили иголку.

Через окно кофейни Лера смотрит, как приближается к его входу женщина. Сегодня она уже не так сильно напоминает цыганку, как вчера в коридоре больницы. Женщина без цветного платка на плечах, а взгляд – мягкий, не воспаленный.

Они заказывают по штурделю.

– Что будете пить?

– Чай. Зеленый с жасмином.

А Лере – «Американо».

– Расскажешь о нем? Володей его звали, кажется, да? – без гуманных переходов на сокровенное задает вопрос женщина, как только официантка отходит от их стола, и Лера неожиданно понимает: говорить о том, кого больше нет, не так уж и сложно. Сложнее довериться незнакомому человеку, и она непроизвольно меняет тему.

– Представляете, сегодня у нас произошло ограбление. Исчезли картины на приличную сумму, – вдруг сообщает Лера последние новости ее рабочего дня.

– Вы работаете в музее? – не удивляясь, уточняет «цыганка».

– Нет, в офисе. Огромное здание, в нем много разных организаций, и наша тоже. А на первом этаже, в холле, выставляют на продажу картины современных художников. Ни разу не видела, чтобы их покупали, но экспозиции меняются часто. И вот...

– Полотна действительно стоящие? – продолжает выпрашивать женщина.

– Не знаю. Я бы не сказала, – Лера путается, осознавая, что не особо интересовалась офисной жизнью картин. – Я мало разбираюсь в современном искусстве, – теперь она пытается уйти от ею же заданной темы.

– И что? Грабители на свободе? – не позволяет ей этого женщина.

«Не в цветном платке дело. Слабые стороны – вот что легко вычисляют цыгане», – проносится в Лериной голове...

– Видишь черный камень? Смотри в стакан. Видишь?

– Да... – лопочет испуганная девчонка.

– Сглаз это... – зловеще шипит цыганка.

Маленькая Лера не знает, что это значит, но страх проползает по ее позвоночнику, и на щеках загораются кружочки румянца.

– А если порчу не снять, будешь несчастной. Судьба отвернется – и... Ай-яй-яй, кто ж это так тебе... Нехороший человек, нехороший, завистливый, злой... Ай-яй-яй, девочка, хорошая девочка... Я помогу тебе, помогу... Хорошая девочка...

Она шепчет над стаканом с водой, который только что принесла для нее Лера, накрывает платком (или Лере только так кажется), а потом срывает – и больше в стакане нет черного камня.

– Ну вот и хорошо, хорошо, – улыбается, обнажая золотые коронки, цыганка. – Что же ты побледнела?.. Деточка, тебе плохо? А где, говоришь, та тумбочка с мамиными деньгами?..

Женщина смотрит в окно.

– Знаете, на мой взгляд, одно из самых беспардонных ограблений, это ограбление Музея Изабеллы Стюарт Гарднер. Тогда грабителям удалось вынести 13 полотен. Среди них был и «Концерт» Вермеера.

И снова Лера уязвлена: она не понимает, о чем идет речь, и совершенно не помнит сюжета «Концерта». Зато она легко восстановила бы тот финал давностью в тридцать, а то и больше, годков.

«И это все? У вас больше совсем ничего не осталось? – выпотрошив денежный мамин тайник, взволнованно засуетилась тогда цыганка и, не дожидаясь ответа, вынула из кармана замызганной юбки мятые пять рублей. – Нет-нет. Последнее взять не могу...» – воровато пятясь, объяснила она, кладя на тумбочку купюру советского образца.

2

Смешанные переживания овладели Володей: чувства обиды, потери, страха, ожесточения, превосходства и освобождения вспыхнули в нем одновременно, постепенно осаждая мощный выброс адреналина.

«Мне не нужен такой мужчина», – эти слова больно ударили по самолюбию, не лишив, однако, способности анализировать происходящее. Вот только слезы, как-то не по-мужски просочившиеся вовне, заставили его ненадолго выйти из кухни.

Не то чтобы решение Леры было для Володи непредвиденным, скорее, он не ждал его оглашения прямо сейчас, а потому не успел подготовиться: спонтанные эмоции всегда подкашивали его аналитический ум и по-человечески оскорбляли.

Ранее Лера дважды порывалась уйти. И дважды Володя тратил немало усилий, чтобы ее удержать. Теперь – когда семилетний стаж их отношений не обещал нарастания чувств, а материальная составляющая

его новой работы сулила неплохие доходы – Володя сопротивлялся недолго. К тому же, хорошо зная вспыльчивый, но отходчивый Лерин нрав, он не сегодня-завтра надеялся выйти на компромисс.

Хладнокровие, самообладание, умение ждать и умение давать человеку шанс плюс завидная для мужчины интуиция чаще всего позволяли ему брать в ситуации верх. Но пока – и Володя хорошо это чувствовал – нужно было занять оборонительную позицию.

И он ее занял: сказал, что Лера, и правда, заслуживает лучшего, пообещал помочь в поисках съемной квартиры, даже предложил сходить в ресторан.

– В ресторан?.. – Лера запнулась.

«Но если он хочет помочь с жильем, а значит, согласен с ней разойтись, то при чем здесь ужины при свечах?»

И тут же показалось, что Володя разыгрывает, испытывая ее: Лера – уходившая те два предыдущих раза, по ее твердому убеждению, навсегда – в этот раз ждала кардинальных жизненных перемен. И ее фраза о ненужности «такого мужчины» вовсе не предполагала разрыва – напротив: столь дерзкий жест был последним козырем, данным Володе, чтобы вернуть ее снова – теперь уже навсегда и в статусе законной жены. По-другому быть не могло – это они понимали оба.

– Ты серьезно про ресторан?..

Запах кальяна обволакивал, растворяя в густой сладковатой дымке сидящих за столиками людей. Из-за красных шторок с золотыми драконами то и дело выскальзывали официанты, держа в руках заставленные посудой подносы. Кто-то говорил тосты, где-то звенели бокалы.

– Что-то долго они... – прервала неуютное молчание Лера.

Но Володе ожидание заказа не причиняло особенных неудобств. Его речь готовилась значительно дольше любого люля-кебаба и на настоящий момент «настаивалась» в глубине подсознания. Однако Лерино волнение было воспринято им как призыв к действию – и он заговорил анекдотами.

– А про айтишников слышала?

Володя рассказывал медленно, четко расставляя слова по местам и похихикивая в нужных моментах. За последние пару лет он заметно прибавил в ораторстве и этим гордился.

Лера слушала в пол-уха, стараясь уловить в голосе Володи те нотки, которые обычно задают тональность для главной темы.

Но он не спешил.

И сначала было горячее – с обсуждением национальных рецептов. Потом чай – и просьба добавить в чайник побольше лимона и имбиря...

Когда же вечер достиг апогея, Володя предложил Лере дружбу.

– Когда-то из поездки на природу мы привезли домой елку, – рассказывает Лера «цыганке».

– Елку?

– Да, маленькую, с полметра. Выкопали и привезли. Это была моя идея. Дурацкая, как оказалось. Почему-то я решила, что елка запросто приживется, что мы украсим ее к Новому году и потом не выбросим на помойку, что она будет расти. Это было в октябре, и где-то с месяц она

была как живая, а потом стала желтеть, осыпаться. Уже после я вычитала, что сложная корневая система ели требует особого обращения, и если ее хотя бы слегка повредить при пересадке, то шансов прижиться у этого дерева практически нет – даже при нормальном уходе. Так вот, когда она умерла, ну... то есть погибла, мне стало стыдно за то, что я лишила ее жизни.

– Елки к Новому году рубят в огромном количестве.

– Это другое. Новогодние елки специально выращивают для смерти, а я сломала естественный ход событий... Даже показалось, будто укра-ла у леса ту ель. Понимаете?

– Простите, – вмешивается официантка, – я принесу вам счет, мы уже закрываемся.

Стиль кражи безошибочно указывает на время, в котором она совершается.

Годы, «своровавшие» у Володи детство, пришлись на период распада Союза – периода гласности и перестройки. Именно этот временной промежуток, как неряшливое пятно на одежде, Володе навсегда хотелось бы удалить из собственной картотеки воспоминаний. Но образы прошлого...

А он отчетливо помнил, как мама была беременна младшеньким и вечно хотелось есть. Как отец, высококлассный специалист наукограда в области ядерной физики, всякий раз отказывался от командировок, лишая семью хоть каких-нибудь денег...

О том, что экономия – обязательное условие жизни, Володя усвоил буквально с пеленок. После же, глядя на черно-белые фото своего детства, он стал допускать, что черно-белым оно и было.

«Однажды я шла с работы, по дороге купила хлеба и молока – все, на что денег хватило, – как-то рассказывала Лере Володина мама. – Иду – чуть не плачу: семью кормить нечем. А у самой пузо уже во-о-о-от такое, восьмой месяц. Иду и вижу, как соседи выплескивают в собачью миску недоеденный суп. А там косточка говяжья, и мяса на ней немножко... Господи, чего мне стоило убить в себе эту жуткую мысль – и не броситься к миске вместо собаки!»

Что во всем виноват Горбачев, Володя не сомневался.

А вот Лере всегда казалось иначе:

– Выходит, Вам говорю первой. Он все равно бы мне не поверил – не понял бы, думаю. Володя считал, что мир с самого детства ему чего-то недодавал. Точней, так считаю я. А он... Он жил с обидой в душе. И постепенно она перерастала в убеждение, что ему все должны. Опять не точно... – поправляет она себя, наблюдая, как, барахтаясь, сползает с обледенелого снега серебристый «ниссан».. – Конечно, убеждение это мое, а он просто жил...

Нервно взвизгивая на прощание, «ниссан» покидает парковку.

– Когда-то, сама не знаю почему, я вдруг сказала Володе, что он будет или очень хорошим человеком, или очень плохим. Сказала – и испугалась.

– Самое ужасное в негативе – это когда происходит то, что ты и предполагал, – в неожиданном месте подключается к разговору «цыганка». – Когда-то я была дружна с женщиной, которая боялась заболеть раком.

И Лера в очередной раз сбита ее пассажем и с толку, и с мысли ...

– У них в семье это наследственное. Потому и боялась. Но все было хорошо: любимый муж, две прелестные дочки. Долго все было хорошо. И вот ровно в сорок начались боли...

Больница. Обследование. Диагноз. Рак.

Но вопреки всем прогнозам врачей, женщина жила, как будто бы насмехаясь над жизнью и над болезнью: ради мужа – так она говорила, не сомневаясь, что без нее он, здоровый и крепкий, угаснет, как костер без поленьев.

Когда метастазы принялись за ее позвоночник, даже привычное хладнокровие медиков сменилось потрясением, столь разрушительной оказалась болезнь.

Боль – ни на секунду не покидающая тело – вот во что она превратилась.

Однако с тех пор, как врачи приготовили для женщины морг, она день за днем аккумулировала в себе счастье, а ее муж, благодарный за это, не жалел денег на борьбу с болью...

– Девочки, закрываемся, – во второй раз напоминает официантка.

3

Володя выскакивает на трассу под сто шестьдесят, хотя лихачество – отнюдь не его стиль. Мозг закипает: «Так, что с расходами?.. Квартира – раз. Маме – два...» Неожиданно его подрезают – Володя уходит вправо, теряя мысль. И тут же – как вспышка – Лера.

«Лера-Лера-Лера... О черт!» – об этом он хотел подумать в последнюю очередь...

– Бывает «люблю», а бывает «с тобой хорошо» – и это большая разница, – уже без стеснения выговаривается Лера.

Это их вторая встреча с «цыганкой», и, кажется, Леру перестал смущать интерес к собственной персоне – она довольно быстро привыкла и к режиму интервьюирования, и к странной женщине. А образ цыганки потихонечку растворился.

– Со мной Володе было удобно: я не задавала лишних вопросов, не мешала строить карьеру, на себя зарабатывала сама, любила готовить, обустраивать быт. А чувства... они пришли к Володе не сразу – возможно, и не без доли самовнушения: дескать, Леру надо любить, потому что достойна, потому что где найти лучше, да и искать некогда – другие задачи.

– Настоящая любовь – это как любовь к ребенку. Сначала о ребенке мечтаешь, потом ждешь его появления, но можешь всего лишь предполагать, каким он окажется. Так и с любовью: можно только предполагать, как в течение жизни проявит себя человек и кем окажется. Но если ты готов принять его любым – как ребенка! – значит, любишь, потому что впускаешь в себя целиком, – «цыганка» делает паузу. – А вот для меня любовь – это как картина, которую ты пишешь всю жизнь. Кстати, можешь без отчества – просто Людмила. Или Мила – так зовет меня муж.

– А кто ваш муж? – интересуется Лера.

В воздухе виснет пауза, по которой становится очевидным: Мила не хотела переводить разговор на себя – ей вспомнился утренний диалог с мужем.

«Мы с Лерой договорились о встрече. – Мила, дорогая, прошу тебя, не надо. Наверняка девочка достойна твоего внимания, но ты не должна тратить свои силы... – Эта девочка впервые столкнулась со смертью. Кто лучше меня знает, что это такое? – Я понимаю: девочке нужна твоя поддержка. А мне нужна ты. И я хочу, чтобы ты об этом помнила. – Я помню...»

– Мой муж... – тянет с ответом Мила...

И вдруг Лера замечает, как лицо «цыганки» бледнеет.

– Что с вами? – пугается Лера. – Вам плохо?..

Авария перечеркнула Володину жизнь в тот момент, когда ему вспоминался переезд Леры. Как всё, еще недавно общее, неделимое – пикники на природе, вечерние просмотры кино, отпуска по шенгенским визам, ссоры до «разлук навсегда» и утренние примирения с видом на будущее – бескомпромиссно распадалось на твое и мое. На до и после. На то, что было, и то, чему больше не суждено.

Вот Лера кладет в чемодан их белье – постельное, черно-красное. Ее белье – она покупала. Вот подходит к их гладильной доске...

– Может, оставишь утюг?

– Женщине он нужней, купишь себе новый.

Ее утюг – хоть и покупал он.

Володины пальцы остервенело впиваются в руль.

Вот Лера переводит взгляд на стену, на которой висит картина. Что-то в духе абстракционизма. Это полотно, подаренное их общему знакомому – ее знакомому. Он оставил картину на время, обещал забрать, но пока не забрал.

– Не забудь созвониться с Андреем, если будешь съезжать. Это подарок, обязательно надо отдать...

Чтобы отвлечься – не вспоминать, Володя включает в машине радио. «Знаете, я думаю, что красть чужие мысли и чувства – это уже примета времени. Социум, обучая управлять чувствами, ворует их, лишает человека желания их проявлять».

Какая-то передача, идет диалог: «Да, вы точно подметили. Когда не умеешь быть собой, крадешь у других время, эмоции, чувства. Помните: «Лиса крадет, не зная закона о кражах, и мышь подгрызает амбар, не зная, что кому-то причиняет вред»? Это из восьмой заповеди: «И лисица, и мышь знают лишь свою потребность, но не понимают чужого убытка. Им это не дано знать, а тебе, человек, дано. Поэтому...»

Володя недослушивает – переключает в надежде найти приятную музыку. И снова облом: «Желтое солнце заливало кирпичные стены храма и слепило глаза, не разрешая подолгу засматриваться на купола. Тихий ветер шебаршился в траве, – вкрадчивым голосом начитывает диктор отрывок:

– Время.

– Что?

– Ты не знаешь, который час?

– Нет. Но, кажется, теперь я знаю, почему время зовется московским.

– Хм... Ты даешь.

– Нет, не поэтому. А потому что существует оно только в Москве – в таких местах его нет. Понимаешь?..»

И Володя снова тянется к переключателю – но черная пелена застилает ему глаза. Гаснет, будто в комнате, свет, и что-то тяжелое бьет в сердечную область...

– Обиды – это зияющие раны души. И пробивают их те, кому нужны наши эмоции, чувства, – возвращаясь из дамской комнаты, говорит Мила. – Главное, постарайся не ассоциировать его смерть с вашим расставанием...

На ее щеках снова появился румянец, хотя внутренне она еще сильно напряжена – скорее всего из-за того, что заставила Леру поволноваться.

– Не переживай, я в норме, – снова в легкую считывает Мила чужие мысли, но все-таки просит разрешения встречу прервать. – Если хочешь, увидимся завтра, в это же время, здесь же. Договорились?

4

Когда Лера, прождав часа полтора, окончательно поверила в то, что на третью встречу странная женщина не придет, ей подумалось, виноват муж: не пустил или нашел повод переключить внимание на себя. «Или я надоела Людмиле?..»

Так и не набравшись смелости позвонить, Лера вернулась домой, переделась, сварила кофе, потом загрузила компьютер, чтобы проверить почту. «Такое ощущение, что я что-то забыла сделать... Но что?..»

А кстати! Лера давно хотела заполнить пробел в своих искусствоведческих знаниях – самое время! – и она забивает в поисковик: «Вермеер “Концерт”, сюжет».

«На клавесине играет сидящая в профиль молодая девушка. Мужчина аккомпанирует на лютне, повернувшись спиной к зрителю. Стоящая рядом с ним женщина ведет голосовую партию. Незадействованные музыкальные инструменты находятся слева на столе и на полу».

Проще простого. Или так кажется?.. «Вермеер “Концерт”, трактовка сюжета».

«Занятия музыкой в искусстве периода барокко носят определенный подтекст. Если изображается урок музыки, то чаще всего это означает, что учитель проявляет к ученице не только профессиональный интерес».

Лера всматривается в картину. Лица спокойные, взгляды отстраненные. Вот только мужчина спиной – он вызывает некоторое напряжение, будто что-то скрывает. «Может, потому художник и не показывает его лица?»

«Однако работы Вермеера лишены столь однозначной трактовки. Художник отдает предпочтение струнному ансамблю – символу музыкальных созвучий и гармоний, и это, скорее всего, подводит зрителя к суждению о том, что музыка усмиряет страсти и создает душевную гармонию».

Вот. Гармония – это Лере понятней и ближе. Поехали дальше: «Вермеер “Концерт”, ограбление».

«18 марта 1990 года в бостонский Музей Изабеллы Стюарт Гарднер проникли злоумышленники в полицейской форме и вынесли тринадцать экспонатов, включая “Концерт” Вермеера. Картины грубо вырезаны из рам. Как это варварски сделано, можно увидеть и сейчас: в музее на месте украденных холстов висят пустые рамы».

По завещанию владелицы коллекции запрещено менять что-либо в экспозиции».

«Такой вот концерт», – с грустью вздыхает Лера.

Перед тем как в последний раз сесть за руль, Володя набрал номер знакомого коллекционера.

– Цена вопроса?.. – Володя замялся.

Сколько ему хотелось бы выручить за картину Андрея, он точно сказать не мог, потому согласился на оценку специалиста с последующей продажей по взаимной договоренности.

Прошла ровно неделя, прежде чем чувство долга перевесило в Лере страх – и она позвонила «цыганке».

– Алло, здравствуйте! – смутилась Лера, услышав мужской голос. – Могу я услышать Людмилу? – трубку взял Милин супруг. – Умерла?.. – повторила она вслух.

– Лера, пожалуйста, не кладите трубку. Я знаю, что это вы. Мила много рассказывала и... И еще она кое-что оставила для вас, – чувствовалось, что говорить ему тяжело. – Я буду очень признателен, если вы найдете время и возможность забрать это. Лера, мне бы не хотелось остаться перед Людмилой в долгу. Запишите, пожалуйста, адрес.

Черный камень – вот что померещилось Лере, когда она подошла к полотну.

Растерянно стоя посреди художественной мастерской, еще совсем недавно принадлежавшей Миле, она пыталась сложить в общую картину то, что слышала от самой Милы, и то, что говорил сейчас он – похоронивший «цыганку» супруг.

– Мила хотела, чтобы вы забрали эту картину. Это репродукция «Концерта» Вермеера. Она успела закончить. Писала по памяти, а память у нее была, надо сказать, изумительная, плюс информация из Интернета. Вы наверняка слышали про нашумевшее ограбление. Это было в 1990 году: как раз в тот период, когда мы по воле судьбы проживали в Бостоне и когда...

Первое недомогание Людмила ощутила незадолго до ограбления, какое-то время ей удавалось скрывать это от семьи, но муж настоял на обследовании.

– Мила тогда писала редко – за граница не вызывала в ней особого вдохновения, но она как одержимая бегала по музеям и выставкам. Так вот, не проходило, пожалуй, недели, чтобы она вновь не оказывалась в Музее Изабеллы Стюарт Гарднер. Не знаю, что за магия была для нее в том музее, но только оттуда она возвращалась домой умиротворенная и счастливая. Я это хорошо видел и... даже, честно говоря, ревновал.

Вернуться на родину семья могла только по окончании контракта, заключенного с мужем Людмилы, – и она терпеливо ждала.

– Думаю, судьба всегда говорит с нами знаками, какими бы нелогичными они ни казались.

Результаты обследования были готовы ровно в тот день, когда мир облетело известие об ограблении Музея Гарднер. Рак.

– Ровно в тот день Мила сказала, что вместе с картинами у нее украли здоровье. А когда мы вернулись, она решила, что будет писать «Концерт», и мне показалось, что так жена пытается воскресить прошлое – то прошлое, в котором она еще не знала о жуткой болезни... За жизнь она боролась неистово, старалась ради меня, детей. Вы и сами можете подсчитать, сколько ей удалось продержаться! Это мистика при таком диагнозе. А картина... работа над ней... не знаю... не отважился бы точно сказать... возможно, попытка выиграть время? Или... выцыганить его у судьбы?..

«Судьба – это когда тебя подрезают в пути, вынуждая изменить заданную траекторию передвижения, – крутилось в Лериной голове, когда она возвращалась домой. – Кто это сказал – Мила или сама до такого додумалась? Может, слышала где?.. С ума можно сойти, какой бардак в голове! И на душе кошки скребут».

А Лера отлично знает, что не сможет избавиться от этого мерзкого чувства, пока не отыщет причину внутренней дисгармонии.

«Смерть? Две смерти». Одна – миной разорвавшая ее сердце и мозг. Вторая – как ретроспекция, похожая на аристотелевское узнавание – миг, когда тайное становится явным. Плюс бешеные игры воображения, воссоздающие Милино прошлое.

«Нет, не то, – понимает Лера, прижимая к груди картину. – Может, в репродукции дело?»

Лере одновременно и приятно, и неудобно, и стыдно. Приятно – что Мила завещала картину ей. Неудобно – перед собой и мужем: кто она в мире искусства, чтобы оценить этот дар? Стыдно – что до сих пор так до конца и не разгадала для себя замысла великого голландца Вермеера.

«Господи, как, наверное, это мучительно, испытывать дикую боль, стоять у мольберта, улыбаться родным... просить побыстрее сделать укол и считать секунды, пока боль начнет отступать... да – в конце концов! – идти на встречу с девчонкой, которую ты видишь второй раз в жизни! Немыслимо, просто невысказано...»

И вдруг – как молния – картинка из памяти: они с Володей в том ресторане, и он говорит о дружбе – а Лере кажется, будто бы кто-то невидимый, как с доски мел, стирает в их отношениях личное... И буд-то она, семилетняя, не в состоянии что-нибудь изменить, снова стоит перед цыганкой, отчетливо понимая, что ее обокрали...

Лера открывает дверь, заходит в квартиру, включает свет. Ее взгляд снова натывается на картину Андрея. Аккуратно завернутая в пленку, она уже вторую неделю живет в прихожей. Со слов полицейских, «непонятную мазню» они вынули из багажника разбитой машины.

«Надо наконец позвонить», – в очередной раз напоминает себе Лера и ставит рядом «Концерт».

РЫБА МОЯ!

Мечтать о семье он начал ровно с того момента, как они с матерью въехали в трешку. Раньше-то, в однокомнатной, эти мечты явно не умещались, упираясь всем своим воображаемым счастьем то в одежный шкаф (он же по совместительству ширма-перегородка), то в двухметровый – плюс 30 см! – потолок.

Мечтал, правда, Петр Рыбин, тридцатилетний холостяк, весьма специфично: в его семейных фантазиях как-то сразу, минуя жену, возникал рой милых детишек, которых он целует, обнимает, одевает, ведет на прогулку, в поликлинику, в сад, в школу – словом, душой и телом он с ними всегда и везде, точно Новосельцев в «Служебном романе».

Вот только если Новосельцев, по задумке сценариста, был персонажем с невыразительной внешностью, то Рыбин!.. Рыбину с внешностью повезло: кудрявый брюнет с пышной шевелюрой и раскачанным торсом, он сразу притягивал женские взгляды. К тому же, присутствовал в нем некий невидимый шарм: мог Рыбин пройти так, словно за ним струился шлейф немыслимой красоты, и был этот шлейф ничем не хуже, чем, к примеру, роскошный павлиний хвост.

Мать, Надежда, сыном гордилась – и показать такого не стыдно, и мозг на месте. Вот только характер... Еще с детства Пете никто не был нужен – ему вполне хватало маминой теплоты и компьютерного разнообразия. С возрастом добавились только спортивный зал и фриланс – в офисе Петя не прижился с самого первого места работы.

Именно поэтому, размышляя о Петинем будущем, Надежде часто приходило на ум: «Невесту бы в дом», и она прекрасно понимала, кто станет инициатором ее появления.

Объект запрограммированного обожания звался Риточка. «Ри-и-ибочка» – тянула «и» и вставляла «б» вместо «т» Надежда: имя Рита нравилось ей несильно – в отличие от врожденной интеллигентности, миленькой внешности и подкупающей покладистости избранницы.

Впрочем, по сценической версии, Риточка была дальней родственницей и временной квартиранткой, которой надо помочь с жильем, пока та не окончит вуз и не устроится на работу.

В действительности никакой родственницей Рибочка Рыбиным не приходилась: «невестку» подсуетила давняя знакомая: «И учится хорошо, и в общежитии на нее жалоб нет. Думаешь, взяла бы девку в сиделки к матери, если бы сомневалась в ее порядочности? У тебя хоть в хороших условиях поживет, а там, глядишь, и насовсем забереете».

«Насовсем!» – это и было то самое ключевое слово, ради которого Надежда, немного посомневавшись, пошла на тонкий эксперимент.

Первое время Риточка, обосновавшись в третьей пустующей комнате Рыбиных, чувствовала себя, как мышь на подступах к мышеловке,

сильно сомневаясь в том, что ей нужен бесплатный сыр. Однако прошло всего пару дней – и она уже весело щебетала на кухне, ненавязчиво предлагая Надежде помощь в приготовлении ужина. Риточка оказалась смышленной, энергичной и, как говорится, с руками – что полностью соответствовало запросам сводницы и давало возможность действовать.

– Ри-и-ибочка моя, наш Петюня что-то совсем сегодня не в духе, работы, наверное, много. А отнеси-ка ты ему кофеек, я вот как раз приготовила.

– Но-о-о... Но в прошлый раз...

В прошлый и самый первый раз, когда Надежда решила, что пришла пора внедрять матримониальную программу и попросила отнести сыну ужин, Петя был излишне негостеприимен.

– Эммм...

– Я Рита...

– М-да, Маргарита, передайте, пожалуйста, маме, что я не нуждаюсь в обслуживании и сам способен поужинать, причем на кухне и желательнее без посторонних.

Сделав акцент на последних словах, он развернул Рибочку с подносом на сто восемьдесят градусов и небрежно толкнул в спину, громко захлопнув за ней дверь своей комнаты...

– Это ведь не ужин, только кофе, он любит и всегда пьет, когда работает... – умоляюще протянула Надежда, и Риточка послушаться не посмела.

До Петиной комнаты Риточка не шла – плыла: бесшумно, плавно, пугливо. Остановившись у входа, она немного замешкалась, но стучаться не стала и беззвучно просочилась в комнату, так же беззвучно прикрыв за собой дверь. Сквозь щель выскользнула в прихожую полоска света, открывая Надежде дорогу к «экрану».

К этому моменту чашка с кофе уже стояла на компьютерном столике Пети, а Риточка собиралась уходить. И вполне возможно, что Надежде смачно досталось бы по лбу, если бы Петя в момент не раздулся, как кобра перед броском, и, выскочив из-за стола, не преградил Риточке путь.

Сердце Надежды сжалось – Риточкино тоже, однако быстро совладав с эмоциями, Рибочка, будто по водной глади, отгребла в сторону и присела на диван, с интересом оглядывая комнату. Со стороны могло даже показаться, что мысленно она уже занимается перестановкой мебели по своему вкусу. «Таки смышленная!» – не успела порадоваться Надежда, как Петя уже сидел рядом с Риточкой и – о боже! – сталкивал девчонку с дивана своим мощным бедром!

«Этого еще не хватало! – оторопела Надежда. – Просто бандит, а не сын!» – разволновалась она.

Но Рита и во второй раз повела себя деликатно: как ни в чем не бывало, она встала с дивана и переместилась к окну, куда тут же последовал Петя.

Надежда ахнула! Теперь ее сын замахнулся – и Риточка едва успела отскочить, чтобы не схлопотать по уху! «Ах ты козел! Где тебя только воспитывали?!» – не узнавала Надежда сына.

Впрочем, все ее причитания мало влияли на развитие сюжета, который теперь больше напоминал боевик, нежели любовную мелодраму. Петя откровенно гонялся за Ритой, не давая ей и секунды, чтоб отдышаться, а она раз за разом уворачивалась от его оплеух.

Кульминацией стал удар, который пришелся Ритуле в бок, свалив девушку на пол. Ее синее платье задралось, представив Петиному взору чудесные ножки в красных чулочках. «Да будь я женщиной... – начала было Надежда, наблюдая, как ее сын отскочил к стене, готовясь к повторному хуку. – О не-е-е-ет!!!» – и со всех ног понеслась за сачком.

Ловил я много разных рыбок,
Я знаю клёвые места,
Где море девичьих улыбок,
Поймать чего-то – как с куста.

Но только ты – рыба моей мечты,
Только ты – рыба моей мечты!
Но только ты – рыба моей мечты,
Только ты – рыба моей мечты!*

Поначалу, рассадив рыб по разным аквариумам, Надежда подумала, что зря не послушала продавщицу («...обычно петухам берут по две-три самочки. Петушки ведь рыбы бойцовские, одну самку он, скорее всего, загоняет»), но после, еще раз зычно выругав своего питомца: «Холостяк хренов! Женоненавистник! Петух!» – она решила: пусть живут порознь и гарем ей не нужен. «И аквариумы – в разные углы комнаты! Чтобы не провоцировали друг друга!»

Но пока Надежда решала, какие полки для расселения больше всего подойдут, синяя с красными плавничками Рыбочка пришла в себя и, прильнув к выпуклой стенке аквариума с той стороны, с которой ей хорошо был виден черный с зеленоватыми перьями в хвосте Петя-петух, замерла, с любовью наблюдая за тем, как ее обидчик, исступленно мечась по своей территории, мелкой сеточкой выкладывает на поверхности воды пузырьки.

***P. S.** Бойцовские рыбки-петушки-самцы обычно агрессивны не только по отношению к особям своего пола. В аквариум к ним желательно подселить сразу нескольких самок, поскольку одной он покоя не даст. При этом заботу о потомстве берут на себя именно самцы. Петушок строит «гнездо», склеивая маленькие шарики-пузырьки на поверхности воды для последующего размещения в них оплодотворенных икринок. Самок же на это время отсаживают в другой аквариум, чтобы отцу-одиночке никто не мешал заботиться о потомстве.*

* Из песни «Рыба моей мечты» группы «Ленинград».

Илья КРИШТУЛ

Родился в 1964 году в Москве. Окончил Московский педагогический институт, долгое время учительствовал, также работал в кино, на киностудии «Мосфильм» и на телевидении.

Автор двух сборников рассказов. Публиковался в «Литературная газета», журнал «Юность», альманахе «Земляки» и других отечественных и зарубежных изданиях. Живет в Москве.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ...

– ...и миллионером станет. Будет сидеть в дорогом ресторане,ковырять устрицы и между делом так: «У меня фламинго заболел, пришлось ветеринара выписывать из Вены. Во всей России нет ветеринара по фламинго! Я в шоке!» А собеседник уважительно: «Да-а...». А он ему: «Ну всё, поехали. У меня встреча с губернатором, а потом дела в Монако...» Хотя какое Монако? Лучше так: «У меня встреча с губернатором, а потом дела в Ханты-Мансийске...»

– Не надо миллионером. Знаешь, какая температура в Ханты-Мансийске? Кто ему шапочку наденет, варежки? И миллионеры эти... Большие деньги – большие проблемы. Простым мужиком будет, на которых Россия держится! Таким мужланом, чтоб с матерком, пот рукавом, носки нестиранные, наколка на плече и куртка цвета хаки. С карманами. Пивка хлебнул у входа...

– У входа куда?

– А куда настоящие мужики входят? В док, на шахту, в цех... У входа в проходную на известковый карьер, он там трактористом... Зарплата хорошая, дома жена, трое детей...

– Вот этого точно не надо. Ты его совсем не любишь? Карьер какой-то, детей трое... Сопьётся, и всё. Если бы хозяином известкового карьера... Нет, он лучше футбольным экспертом будет на «Матче». Сидит красивый, в хорошей одежде, лицо свежее, загорелое, умное, и футбол в модных очках смотрит. А после футбола – «Давайте порассуждаем! Смотреть футбол надо с кардиомагнилом. Я думаю, для выигрыша нужно было просто забить гол в ворота соперников и не пропустить в свои. Большой игре – большой букмекер». И деньги на карточку – дзынь...

– Чтоб футбольным экспертом стать, надо в футболе разбираться!

– Эксперт – это человек, который меньше всего разбирается в том, о чём рассуждает. Посмотри телевизор. Там эксперт на аналитике и аналитиком погоняет, а объяснить народу ни хрена не могут.

– Зато говорят красиво и выглядят шикарно – шарфики, пиджаки жёлтые...

– Не хочешь экспертом, пусть хипстером будет. Те же шарфики, пиджаки жёлтые, штанишки голубые... Вышел из арт-галереи, выложил в сеть, попил кофе на Патриарших, выложил в сеть, пошёл в барбершоп, выложил в сеть...

– А работа? Кофе на что пить?

– Модным дизайнером будет.

– Уж лучше сразу геем. Будет сидеть в кофейне, жеманничать... Потом певцом станет, квартиру купит...

– Ну ты из крайности в крайность – то тракторист на карьере, то гей... Объедини уже – гей-тракторист в кофейне при известковом карьере...

– Нет, ничего этого не надо, не дай бог. Пусть станет кавказцем. Будет ходить мрачный, а все на него смотреть с опаской. Борода, красные мокасины, костюм спортивный Bosco и надпись – «Россия». Жена покорная, восемь детей...

– Чтоб кавказцем быть, надо в роду кого-то с Кавказа иметь. А у него... Или я чего-то не знаю?

– Ты с ума сошёл? Ладно, не хочешь кавказцем, пусть будет космонавтом, как ты в детстве мечтал. Профессия не модная – не сомелье, не айтишник, даже не режиссёр, но...

– Да сам он определится! Я ему сто раз уже говорил – сынок, в жизни много дверей, и если одна закрывается, то другая обязательно открывается... Димочка!

Но Димочка родителей не слышал. Нарядный, в новом костюмчике, с тяжёлым рюкзаком и мешком для сменной обуви, он, не оборачиваясь, впервые переступил порог школы и исчез в её недрах на долгих 11 лет. И вышел оттуда в жизнь без мешка, но с аттестатом. И в другом костюмчике. И с пивом.

И лежали перед ним сто дорог...

Он мог стать проктологом в поликлинике или звездочётом в обсерватории, почтальоном в Карелии или веганом на Бали, лесорубом в Канаде или сутенером в Румынии, раджей в Индии или алкоголиком в Москве. Мог даже стать экспертом на «Матче» или хозяином известкового карьера. А стал мебельщиком на мебельной фабрике в Подольске.

И в шкафах, сделанных им, если одна дверь закрывается, то другая обязательно открывается.

Ведь не мы выбираем дороги, а дороги выбирают нас.

А папе нужно было меньше про двери говорить.

Инна ЧАСЕВИЧ

Родилась в г. Сарове Нижегородской области. Окончила Нижегородское театральное училище им. Е. Евстигнеева, Литературный институт им. Горького (семинар драматургии). Работала в Дзержинском кукольном театре, в настоящее время – актриса Саровского драматического театра.

Публиковалась в журнале «Нижний Новгород», «Российский колокол», «Великороссь» и других. Автор книг «Две повести» (2018), «Школа в кольце» (2019). Призер IV международного литературного конкурса «Лохматый друг», дипломант I Международного литературного конкурса «Линия фронта», сценарист анимационных фильмов «Первоначальник Иоанн» и «Ефрем. Строитель», снятых Православной гимназией по гранту Президента РФ.

Живет в Сарове.

ПОЧТИ РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ИСТОРИЯ

Вероники не было. Не появилась она ни через десять, ни через пятнадцать, и даже ни через двадцать минут. Ожидание затягивалось, и это очень беспокоило. Чтобы немного размяться, а заодно и отогнать мрачные мысли, Инга встала с кровати и подошла к окну. Зима в этом году выпала классическая: сквозь белые закуржавевшие ветви проглядывали алые бусины снегирей, снег театрально искрил разноцветными бликами. Дети под непрерывные возгласы родителей, разрывавшихся между радостью прогулки и боязнью очередной болячки, с удовольствием мерили сугробы, коих нанесло до окна первого этажа. Глядя на больничный двор, Инга размечталась: может быть, сегодня Вике всё-таки удастся покувыркаться в снегу. Площадка, веселившая их скаканием на пружинистой улитке летом, теперь зазывно поблёскивала свежесвыбеленной снежной пеленой.

Инга достала телефон и посмотрела на время. С того момента, когда Веронику увели, прошёл час! Такого ещё никогда не было. Холодок, всегда струившийся вдоль спины, когда надвигалось «что-то не то», уже начал свой разбег. «Она дернулась, и всё. Меня предупреждали. Почему они отменили наркоз?! Вероника такая нервная...» Закипели слезы, горло сжало, в висках застучало. Чтобы больше не мучиться неизвестностью, Инга под села на кровать Карины, подружки дочери, с которой та каким-то волшебным образом оказывались в клинике в одно и то же время уже четвёртый раз подряд.

– Карина, подойди, пожалуйста, к двери в реанимацию, послушай, что там.

– Ага, я сейчас, быстро, – Инга еще не успела договорить, а девочка уже вскочила и понеслась к двери в коридор; видимо, и её терзала мысль: там что-то случилось не то. Уж кто-кто, а она точно знала, сколько времени длится процедура. У двери Карина обернулась:

– Сама не понимаю, чего она так долго. Всегда ж быстро возвращаемся. Очередь, что ли, там? Её б тогда не звали. Короче, непонятно.

Чтобы это непонятное, а оттого пугающее, наконец, разъяснилось, Карина на всех парах выскочила из палаты и затопала по коридору. Инга опустила на Викину постель и постаралась не думать о плохом. Сначала она пыталась помолиться, непрерывно шепча на разные лады два слова «Помоги, Господи», которые по её мнению, могли всё исправить. Собственно, большего она не знала и до этого не слишком радостного времени даже не пыталась узнать. Крестилась и то в двадцать лет, причем сама не успела понять, чего её вдруг так развернуло. В храм ходить до сих пор так и не приучилась. Сейчас она слезно твердила: «Помоги». Когда слова закончились, в её голове причудливым калейдоскопом завертелись картинки дочкиного детства, причем чаще всего упрямо складывалась одна – больничная.

Восемь лет назад Инга сидела за швейной машинкой, спешно пристрачивая сиреневый мех к голубой душегрее Снегурочки. Дочка по всей квартире раскатывала на новеньком трёхколесном велосипеде, учась поворачивать за угол и объезжать стулья. Снегурила Инга уже года три, как в декрет ушла, так и начала: благо живота почти не было видно. Тяжеловато приходилось, особенно, когда вызывали на девятый этаж, а лифты существовали исключительно как украшение подъездного интерьера, но другого выхода не находилось: деньги были очень нужны. Они и так никогда не лишние, а с пьющим мужем – особенно. Вот и прыгала изо всех сил «декретная» Инга по квартирам, корпоративам и детским утренникам. Только однажды сильно внимательная мамашка ехидно поинтересовалась, не со снегурятами ли Дедушкина внучка. Остальные ничего не замечали, а корпоративщики и захмелевшие папаши вовсе на лестницу за ней выскакивали: в любви объясниться, руку и сердце предложить.

Вероника родилась в конце февраля ужасно беспокойной и громко кричащей, что тут сказалось – новогодники или гены, трудно сказать. Инга начала свою жизнь воспринимать жизнью, а не полем битвы за сон, только через пару лет. Тогда же решила вновь примерить на себя роль морозной девушки. По такому случаю пришлось переделать платье Снегурки: приталить, украсить, обновить. До новогодней компании оставались считанные дни, посему Инга всеми вечерами строчила на старенькой бабушкиной машинке, стараясь ни на что не отвлекаться.

Сиреневый мех был практически водружён на полагающееся ему место, как вдруг раздался крик Вероники, такой страшный и громкий, что всех тут же вынесло в коридор. Там стояла двух с половиной летняя дочь с бутылкой уксуса в руках. На подбородке расплывался белой дорожкой ожог, глаза и без того огромные были так широко распахнуты, что, казалось, ещё немного, и они заживут своей, отдельной жизнью. Как они неслись с леденящей душу сиреной по заснеженному городу с завёрнутой в одеяло Викой, Инга помнила плохо.

Хорошо она запомнила только палату реанимации и то, что спать ей было нельзя. У дочери в вене стоял катетер, через который постоянно что-то лилось, а Вика всё время норовила от него избавиться, даже ночью. Инга попросила принести какое-нибудь «неспящее» чтиво и почему-то обрадовалась, когда домашние приволокли детективы. Вообще, она такое не читала: не признавала за книги, но в те дни они неплохо зашли. По крайней мере, спать ей не хотелось не только от царящего в реанимационных палатах холода, от которого не спасал даже матрац, принесённый сердобольной нянечкой, но и перипетий сюжетов Донцовой.

Через пять дней, когда Ингу с Викой переводили в детское, она истово молила, хотя эта форма общения с высшими силами тогда была ей не свойственна, «лишь бы не встретить никого из знакомых». Палату надо было освободить скоротечно, потому медсёстры дожидаться гражданской одежды из дома не стали, а нарядили её в старый застиранный больничный халат, сапоги-бурки из арсенала санитарочкиной молодости, дочку завернули в полураспотрошённый матрасик из детской кровати, сунули под мышку документы и отправили «в поход» на детское отделение.

Когда через неделю их отпускали домой, Инга решила, что самое страшное позади и теперь можно жить, как прежде. Её, правда, вначале смущало, как дочка стала есть: очень долго жевала, иногда совсем не глотала, а просто выплевывала всё в тарелку. Однако врач уверила, что это последствия шока и они скоро пройдут. Надо просто подождать. Инга несколько успокоилась, а вскорости случился у неё вполне себе «служебный» роман. Девушка она была давно свободная: с отцом Вики они разошлись, когда той ещё и года не исполнилось. Так что теперь тревоги, печали и ожидания переместились у Инги в любовную плоскость.

Восемь лет, попеременно счастливых и огорчительных, как впрочем, и всё в жизни, пролетели незаметно. И тут, как молния на зимнем небосклоне: совершенно случайно и абсолютно не предсказуемо, пришло известие, что Викин пищевод уже мизинца. Хорошо ещё, как сказал врач, что это выяснилось не через месяц, когда помочь девочке было бы уже невозможно, а сейчас. Вот тогда и стала серая больничная многоэтажка в большом чужом городе вторым Викиным домом. Как шутили врачи, а они, как водится, известные шутники: девочка-то оказалась не любителем, а профессионалом гастроскопии. Ну, ещё бы, теперь у неё их больше сотни за спиной. Когда-то Ингин коллега ездил в этот же областной центр лечить пищевод... Увы, не вылечил, но про бужи и процедуру с ними много всего рассказал... «Сидишь, как гусь арзамасский с открытым клювом, а тебе в него стержни разного диаметра туда-сюда. Расширяют...» Инга тогда сильно жалела коллегу, возвращающегося из клиники бледным и смертельно уставшим. Разве могла она предположить, что подобный кошмар будет ждать её собственную дочь!

Инга приезжала в областной центр два раза в неделю: чаще не пускал сын, родившийся пять лет назад, работа и весьма скудные денежные запасы. Больничные дни в жизни дочери накатывали с завидной периодичностью. Лечение, сложное и жутко неприятное, вначале проводили под наркозом: боялись, что нервная Вероника дёрнется, и прощай пищевод, а вместе с ним и вся её, такая ещё короткая жизнь.

Инга вздрогнула, неожиданно вспомнив, как трудно выходила дочка из последнего наркоза. В тот раз ей переборщили с дозой, потому как она всё не спала и не спала. Дочь привезли в палату на каталке, но выглядела она ещё бледнее, чем обычно, и так напომинала умершую, что Инга чуть не разрыдалась. Но самое страшное началось, когда дочь очнулась. Вероника металась по кровати, не открывая глаз, и звала Ингу сначала жалобно и слезно, а потом забившись в жуткой истерике. Все женщины в палате обрыдались, слыша, как девочка кричит на весь этаж: «Мама, мама, где ты?! Вы её убили, я знаю! Убили!» Инга обнимала Вику, гладила по голове, шептала: «Вот она я, твоя мама, я здесь», но дочка вырывалась и ещё больше заходила в диком плаче: «Отойди от меня, это не мамины руки, верните мою маму!»

После того случая врачи решили перестать давать девочке наркоз. Во время последнего Викиного «десанта» в больничную многоэтажку врачи

попробовали делать процедуру «наживую». Но все равно лечили прямо в реанимации, чтобы в случае чего хотя бы попытаться спасти ребёнка.

В этот день Веронику забрали ещё до приезда Инги, а вернуть почему-то «забыли». Вообще, в праздники они не работают, но случай дочери был слишком тяжелым, чтобы прерывать лечение, потому-то встречали врачи вполне себе домашний праздник Рождества не дома, за накрытым столом, а в реанимационной палате.

– Тётя Инга, тётя Инга, – голос Карины и робкое подёргивание за кофту вынесло Ингу из пелены воспоминаний, – там кричат. Громко очень, но что кричат, я не поняла.

«Всё! Её нет! Кричат, потому что она умерла... умирает, а они не могут помочь. Сегодня Рождество, они торопились домой... Праздновать... Сделали неловкое движение. Моя дочь умерла. Вика, Вика-а-а...»

Слёзы уже выплеснулись на серый больничный пол, когда в палату внеслась Вероника, с плохо вытертыми от крови щеками и с порога хриплым голосом выдохнула: «У меня сороковой буж прошёл!» Инга схватила дочь в охапку, заливая слезами и без того мокрую после лечения футболку дочери: «Повтори, какой прошёл?»

– Сороковой! – Вероника недоумевающе посмотрела на мать. – Никогда бы не подумала, что ты от радости плакать будешь.

– Буду. Буду. Буду, – Инга повторяла и повторяла одно слово, словно все остальные напрочь вылетели из её головы. – Это же чудо, просто чудо! Чудо. Просто чудо, – она на все лады тянула слово «чудо», будто хотела как можно дольше наслаждаться его звучанием. Несколько минут назад Инга даже мечтать не смела, что оно случится.

– Два дня назад у тебя даже двенадцатый буж не проходил. Они говорили, что от лечения только хуже становится, пищевод все сужается и сужается, а они не понимают почему. Хотели тебя в Москву отправить на операцию, помнишь, ты так плакала тогда в трубку: «Не отдавай меня туда, мамочка, я там умру!»

– Помню, – Вика помрачнела, – они думали, я сплю, а я ещё не спала, а врачи говорили, что я операцию не переживу, а они не хотят, чтобы я здесь умерала, вот решили в Москву отправить.

– Да! Мне заведующий говорил: будете там сами искать, кто за операцию возьмётся, но я сомневаюсь, что найдёте... Смерть на столе никому не нужна... А сегодня сороковой прошёл! Господи, это значит, пищевод больше не сужается, он расправляется, значит, ты поправишься! Всё-всё будет позади: больница, страшные бужи, наркозы, уколы, всё позади! Всё!

Они обнимались, смеясь и радостно тормоша друг друга и подскочившую к ним Карину, которая теперь поверила не только в Вероникино, но и в собственное выздоровление, не зная, что их ждёт впереди. А впереди дочь ляжет на диван и отвернется от мира, не желая жить. Пока они с большим трудом будут побеждать Викину сильнейшую депрессию, копившуюся годами тяжёлого лечения, окажется, что у нее давно уже «цветут» проблемы с учёбой, щедро сдобренные насмешками и издевательствами одноклассников. А ещё через несколько лет дочь неожиданно для всех успешно окончит престижный лицей и поступит в универ, правда, порадовать завидным, да и просто обычным здоровьем, она уже никого никогда не сможет...

Да, всё это будет. Потом. А пока у Вики прошёл сороковой буж и пошёл обратный отсчёт болезни. Почти рождественская история заканчивалась чудом, которым начиналась её новая жизнь.

Дамир ХАНИФУЛЛИН

Родился в 1991 году в Казани. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Автор пьес и сценариев к нескольким фильмам. Живёт в Казани.

ЧЕЛОВЕК-ГИПС

– Извините, девушка, я же брал кредит на восемьдесят тысяч, почему в договоре прописано восемьдесят семь?

Она была готова к этому вопросу.

– Дело в том, что эти семь тысяч уходят на вашу страховку. Без страховки банк не одобрит кредит. Здесь и страхование здоровья, и на случай потери работы. Даже страхование квартиры – ну вдруг вы, не дай бог, зальете соседей. Тогда банк возместит им ущерб.

Девушка в помятой форме улыбнулась желтыми зубами. Мужчина по имени Олег прищурился. В его голове зазвучала нота скептицизма, перерастающая в симфонию недоверия. Его собственная музыка. Она в последнее время играла слишком часто.

Почему тебя все время пытаются развести?

– Я что-то не понял, мне придется отдавать деньги еще и за страховку? Она мне не нужна!

Сотрудница банка перегнулась через стол, чтобы быть ближе к Олегу.

– Наш банк заботится о вас. В случае, если вы получите травму, не дай бог, конечно, вам на карту перечислят деньги на лечение согласно договору. Сумма зависит от степени тяжести травмы.

Олег огляделся по сторонам. У каждого столика в этом банке сидели люди, пропотевшие насквозь или только в подмышках. Кто-то ерзал на стуле, отвечая на вопросы о зарплате и стаже работы. Другие же изображали обеспеченных людей, для которых займ в пятьсот тысяч – обыденное дело; людей, у которых все в порядке с деньгами, просто зачем-то понадобилось полмиллиона на личные расходы. И вот они откидываются на спинку кресла, крутят головой и жуют безвкусную жвачку. А после отказа в кредите старательно отыгрывают безразличие.

– Травмы? То есть если я сломаю руку, мне выплатят деньги?

– Да, сумму в размере от двадцати до тридцати тысяч. Но только после предъявления справки.

Мужчина вернул позвоночник на вымокшую спинку кресла и скрыл улыбку за маской человека, у которого нет злых намерений.

– У вас есть ручка?

– Конечно, – ответила девушка.

Олег поставил подпись на договоре.

* * *

Жил он в однокомнатной квартире. Хрущевка стояла на окраине города. В свободное время предпочитал читать книги. По лицу ему можно было дать сорок прожитых лет или десять строго режима. Характер скверный, не женат. Вернувшись из банка, Олег уселся на кухне в трусах, курил сигарету, стряхивая пепел в залитую водой банку из-под кофе, и перечитывал договор.

В раковине плесневела посуда. Газовая плита была засеяна засохшими макаронами. Олег кривил лицом.

– Уроды... – недовольно проговорил мужчина, вчитываясь в бумагу на скрепках.

Дочитав, Олег забросил бычок в импровизированную пепельницу и положил договор на стол. Вышел из кухни в коридор и посмотрел в зеркало.

В стекле отражался человек средних лет без лишнего веса и мускулатуры. Он согнул руку в локте, прижал к животу и провел по нему ладонью.

* * *

Коридор поликлиники на восемьдесят процентов состоит из пенсионеров, а на остальные двадцать – из кирпича, гипсокартона, дерева и штукатурки.

Олег ловил на себе взгляды пожилых женщин в головных уборах, пока искал кабинет травматолога.

– Кто последний к травматологу? – поинтересовался Олег.

– Очередь начинается там. – Женщина встала с места и указала в бесконечность пальцем с большим перстнем.

– Понятно, – сухо ответил мужчина со скверным характером и подошел к желанной двери.

– Куда без очереди?! – завопили старухи.

– У меня жена умерла.

Пенсионерки замолкли, и Олег открыл дверь, воспользовавшись замешательством толпы.

Врач заполнял какой-то бланк. Вместо руки у него была куриная трехпалая лапа, сжимающая ручку.

– Извините, можно?

Травматолог ответил:

– Можно, не извиняйтесь.

Мужчина закрыл за собой дверь и сел перед врачом. Рука утонула в холодном кармане и нащупала конверт с деньгами – главный символ эпохи капитализма.

– Слушаю вас, – нарушил молчание доктор, не отвлекаясь от своего занятия.

– Мне нужен гипс на руку. Типа перелом. Ну и справку, соответственно.

– Снимок делали?

Олег кивнул и положил на бланк врача конверт:

– Ага, вот здесь мои снимки.

Врач зацепил конверт лапкой и придвинул к себе. Внутри он нашел полторы тысячи рублей. От удивления доктор прикрыл рот тремя пальцами лапы.

– Это взятка? – прошептал он сквозь пальцы.
– Это перелом, – подытожил Олег.
– Я бы не советовал. Добром не кончится, – осторожно предостерег травматолог с куриной лапой.
Мужчина склонил голову.
– Ну что тебе, жалко?
Олег вышел из кабинета врача другим человеком: на его правой руке от ладони до локтя подсыхал гипс.
Старушки подняли головы.
– Я наврал про смерть жены, – бросил он бабушкам с хладнокровием.
По коридору поднялся старческий вой. Но ему было уже все равно, он просто улыбался и шлепал ногами по полу.

* * *

Мужчина с гипсом на правой руке зашел в банк, нажал на терминал, чтобы получить талончик, однако другие люди, пришедшие за кредитами, вежливо пропустили его вне очереди.

Он выбрал столик с девушкой, которая показалась ему самой красивой и сел на мокрый от пота стул.

– Здравствуйте, красавица! Я у вас был на днях, брал кредит... И у меня вот форс-мажор случился. Теперь хочу получить деньги по страховке. – Он поднял руку и постучал по ней пальцами.

Девушка кивнула и достала из ящика бумагу:

– Вам нужно будет написать заявление...

Олег угрюмо посмотрел на нее. Сотрудница банка нервно улыбнулась:

– Так, поняла, я сама заполню. Деньги придут в течение недели.

* * *

Он весело посвистывал всю дорогу до дома.

Скинув ботинки, Олег прошел в комнату, кинул вещи на диван и открыл ящик стола.

Левая рука почувствовала холодную сталь бабушкиных швейных ножниц. Мужчина средних лет присел на диван, поднял руку и разрезал марлю, затем раскрошил свежий гипс и снял его с руки. Кисть была синяя и опухшая. Он с удивлением посмотрел на руку, затем покрутил запястье и закричал от боли.

* * *

В этот раз никто не собирался пропускать его вперед себя, как он не пытался.

– Ну а как же библейский принцип, когда последние становятся первыми? – жалобно завопил Олег.

Одна из старух поднялась с места.

– Мужчина, ждите своей очереди.

Мужчина с библейскими принципами устало сел на стул и заскулил. Через час он наконец-то зашел в кабинет. Травматолог был уже другой. Лысый мужчина за пятьдесят.

«Наверное, другая смена», – подумал Олег.

Доктор водил ручкой по бумаге, что-то помечая.

Что они там все время пишут, эти врачи?

Олег сел на стул перед ним, подождал немного, а после приподнял голову и увидел, что травматолог разгадывал кроссворд.

– У меня вообще-то проблема, а вы кроссворды гадаете! – не выдержал мужчина с проблемой.

Врач отвлекся от умственного труда и улыбнулся.

– Да, слушаю вас.

– Рука болит. Я только гипс снял, а она адски болит!

– Так зачем же вы его сняли раньше времени? – спросил доктор.

– Да не было у меня перелома, – психанул Олег, – это фикция была! Гипс по приколу стоял, а рука целая была. Понятно? Может, он нарушил кровообращение...

Лысый мужчина покачал головой.

– Ничего не понимаю. Давайте я посмотрю.

Врач прикоснулся к руке Олега и услышал крик.

– Перестаньте, пожалуйста, вы так распугаете пенсионеров!

– Да в жопу их! – крикнул Олег. – Что с рукой?

– Надо сделать снимок, но я больше чем уверен, что у вас перелом.

– Какой перелом? Откуда?

Врач грозно посмотрел на Олега.

– Послушайте! Хватит истерить. Такое случается! Люди, бывает, два-три дня живут спокойно, не замечая перелома!

Олег тяжело вздохнул.

– У меня крышник едет, – мрачно произнес он.

Лысый травматолог протянул Олегу талончик.

– Идите с этим в рентген-кабинет, а потом зайдите ко мне.

* * *

Мужчина с гипсом сидел на унитазе и думал о прошедшем дне. Лицо окрасилось в цвет стыда.

– Перелом лучевой кости со смещением, твою мать, – сказал он вслух.

Немного выждав, Олег снова заговорил:

– Ладно, пора закругляться.

Он приподнялся с унитаза и потянулся левой рукой к туалетной бумаге, которая висела на держателе. Сняв рулон, Олег положил его на гипс и попытался оторвать кусок, но потянул слишком сильно, и бумага упала на пол, а в руке у него остался только жалкий обрывок. Человек с переломом аккуратно наклонился, чтобы достать бумагу, и тут же ударился сломанной рукой об стену, что вызвало лавину мата. Выговорившись, он схватил продукт бумажно-целлюлозной фабрики и устало сел на стульчак.

Комната у Олега была скромная. Стены подпирали стопки книг. Телевизора не было, зато был письменный стол с творческим бардаком. Одинокое окно наполовину задрапировано пододеяльником, державшимся на гвоздях. Он любил просыпаться от лучей солнца, бьющих в глаза. Подоконник тоже украшали книги.

Мужчина лег на свою старенькую кровать с железным каркасом, укрылся одеялом с пятнами и попытался заснуть на спине.

В первую ночь после перелома всегда спишь беспокойно.

Панцирная сетка под ним скрипела и ходила ходуном, пока наконец Олег не уснул.

Утром он открыл глаза и сразу почувствовал что-то неладное. Наверное, потому что у него не получилось спустить одеяло. С верхнего края торчала его голова, а снизу – кончики пальцев. Тело было прикрыто. Что-то удерживало его руки, словно мужчина был в цепях. Пальцами ног он зажал нижний край одеяла и потянул. Но когда Олег взглянул на свое тело – у соседей по лестничной клетке залаяли собаки.

Обе его руки были по локоть в гипсе.

* * *

Нет ничего более постоянного, чем очереди в поликлинике.

Он давно это усвоил. И потому Олег был готов пробиваться с боем, лишь бы добраться до врача как можно скорее, но, к своему удивлению, старушки сами уступили ему.

– Ой, молодой человек, проходите, конечно. Инвалидам же без очереди, – проговорила одна из пенсионерок; остальные поддержали ее.

Олег сжал зубы от злости и прошел в кабинет травматолога.

В этот раз его встретил тот самый врач с дефектом руки. Доктор смотрел в окно, заложив лапу за спину. Хлопнула дверь, он развернулся, с улыбкой оценил левую руку Олега, а потом сказал:

– А я ведь вас предупреждал!

Олег угрожающе выставил руки перед собой и медленно пошел на врача:

– Доктор, а вас когда-нибудь душили сломанными руками?

Врач прижался спиной к окну и начал отмахиваться куриной лапкой.

– Уважаемый, – осторожно заговорил травматолог, – я ведь тут не причем! Это все карма!

– Какая еще карма?!

Врач поднес лапу к лицу Олега.

– Вы думаете, я таким родился? – спросил он.

Олег остановился.

– Так работает карма, – продолжил травматолог. – Я однажды очень неразборчиво написал – вернее, я всегда писал неразборчиво, – и вот как-то раз я выписал очередной рецепт, а фармацевт в аптеке не поняла мой почерк и по ошибке дала человеку не то лекарство. Дома он выпил его и умер... На следующее утро я проснулся и обнаружил свою руку вот такой.

Олег безнадежно покачал головой.

– Причем тут я? Разве я пишу рецепты?

– Возможно, вы кого-то обманули... Вы же пришли ко мне за фиктивным гипсом, разве не так?

– А вы поддержали мой обман! – закричал человек с двумя гипсами.

– Не надо так! Я всего лишь оказал вам услугу. Мои руки чистые!

– Да как же так? Они дают нам деньги под такие большие проценты! Там такая переплата, просто с ума сойти! Почему тогда банкиры не ходят в гипсе? А?!

Доктор резко приблизился к Олегу, схватил его за шиворот куриной лапкой и притянул к себе. Их лица разделяла лишь небольшая прослойка воздуха. Изо рта врача пахло курицей.

– А вы не оправдывайтесь. Вас кто-то заставляет брать у них деньги?

– Жизнь заставила, – стыдливо проговорил Олег, опустив голову.

– Ну, перестаньте. Это послужит вам уроком! В конце концов, от гипса еще никто не умирал! – Доктор улыбнулся.

Олег посмотрел на него и сплюнул.

А врач открыл рот и одарил мужчину истерическим смехом, прикрываясь лапкой.

Лицо мужчины с гипсом побагровело.

Врач прекратил смеяться, когда услышал дикий рев Олега. Тот сосредоточил всю свою злость в правом гипсе и ударил доктора по лицу. Человек с куриной лапой отлетел к столу, ударился об него спиной и скатился на пол уже без сознания.

Осознав положение дел, человек со сломанными руками вылетел из кабинета со скоростью гепарда. Пенсионеры в очередях проводили его взглядами, пожали плечами.

Олег бежал по улице, прижав руки телу, а прохожие оборачивались на него, потому что никогда еще не слышали столь безумного смеха. Когда наступило утро, он как всегда, проснулся в своей комнате, заставленной книгами, а луч свет падал ему на лицо. Как только он все понял, ему захотелось кричать, но вместо утробного крика, сквозь его сжатые зубы просочился тюлений стон. Мужчина был с ног до головы загипсован. Лицо оказалось спрятанным за гипсовой маской – остались только прорези для глаз, носа и маленькая полоска рта. А он все мычал, не в силах пошевелиться, вспоминая доктора с куриной лапкой и злополучный кредит со страховкой.

Злополучный же травматолог не смог нормально побриться, потому как очень трудно держать бритву, когда у тебя обе лапы куриные.

Альберт ЮСУПОВ

Родился в 1970 году в Горьком. Окончил матфак Горьковского пединститута, работал учителем математики и информатики в школе, в IT-службах, преподавал прикладную информатику в нижегородских вузах. Ведущий инженер-программист НИИ измерительных систем им. Седакова.

Живет в Нижнем Новгороде.

ВОТ БЫ...

Я бы хотел жить на плоской Земле. И тогда, сидя в сумерках на лавочке у бани, вдыхая запах летней травы, смешанный с запахом распятого берёзового веника и осиновой смолы, которой скупно плачут разгорячённые доски, я бы смотрел на неспешно разгорающиеся звёзды и мечтал достать одну из них. Ибо знал бы, что все они до единой прибиты серебряными гвоздиками к небосклону и нужно только взлететь повыше.

Тут у меня особые надежды были бы на Илона Маска и нашу пенсионную программу (жена, вот надеется, что шубу ей на пенсию прикупим). Потому что уже вот-вот Маск начал бы катать туристов к тверди небесной. Сначала помалу. Потом больше и больше. И к моей пенсии под небесным сводом всю шныряли бы недельные туры на больших космических парамах с бассейнами, солнечными ваннами и бессмертными ВИА в вечерних ресторанах...

Пришёл бы я в пенсионный фонд, написал бы им расписку. Так, мол, и так, ввиду крайних обстоятельств и острой необходимости реализации мечты, прошу выдать мне все накопленные средства на руки.

И будет день такой удачный (наверное, пятница), что шоколадка «Балет» свершит маленькое чудо. Девушка улыбнётся мне и подпишет. Потому, что будет это именно девушка, а не андроид какой бездушный, и будет она очень любить шоколад... А через день пикинет мне эсэмэска, что моя карта «Мир» пополнена. И значит, уже близко она, звёздочка моя.

Жене скажу, мол, к брату еду, давно зовёт крышу у сарая перекрыть, захвачу её настоечку на ягодах, «в подарок», сам же – билет на тур (эх, прощай шуба) и туда. В поднебесье.

Всю неделю я бы заводил знакомства с трюмными матросами (спасибо настоечке, весьма способствует). Мы бы стояли на нижней палубе, где никогда не бывает отдыхающих и начальства, смолили папиросы и говорили о жите-бытье. И обязательно найдётся землячок. Или с кем служили в одной части, пусть и в разное время, но он тоже помнит старшину сверхсрочной службы с дурацкой привычкой вместо вечер-

него отдыха гонять роту по плацу строевым шагом с песней, называя это «вечерней прогулкой».

И в последний день я его уговорю. Вернее – мы, я и настойка. И дружок отпустит меня на привязи к звёздам...

Подлечу я к ней, к той самой, которую уже давно приглядел за тягучими разговорами на нижней палубе, за весёлое синее подмигивание. Аккуратно гвоздодёром (у работяг любой инструмент добыть можно, под честное слово) поддену гвоздик и уроню звезду в ладонь. Звёздочка будет так же весело и доверчиво подмигивать мне, ласково щекоча теплом через перчатку скафандра (а вы что думали? Не в трениках же к небесному куполу запрыгивать).

Я поглажу её, подмигну в ответ и прибью назад, тем же гвоздиком.

Во-первых, если каждый себе звезду забирать будет, скоро ничего не останется.

А во-вторых... Кому мне тебя дарить?.. Мне привычнее каждую ночь задирать голову в поисках знакомого подмаргивания. А жене – нужнее шуба. Зелёная. Под цвет чего-то там... Эх и крику будет, когда узнает, куда деньги делись...

Только.... Не будет этого ничего... Потому что Земля – круглая. А до звёзд лететь столько, что никакой жизни и пенсии не хватит. Да и в руки их не возьмёшь – раскалённый газ. Все равно что огонёк от костра ухватить.

Шуба ближе и реальнее. Даже зелёная...

Почему же я так смотрю на звёзды?...

Стихи по кругу

Александр ЛУШИН

Нижний Новгород

* * *

Когда свою я вспоминаю жизнь,
Минувшие события и даты,
Себе порой командую: – Держись!
Ты сын солдата и отец солдата!

Пусть не всегда легко бывает жить,
Ведь жизнь подчас сюрпризами богата,
Но я обязан памяти служить
Как сын солдата и отец солдата.

Мы все умеем Родину любить,
Нам это чувство от рожденья свято,
И жизнь свою готов я положить
Как сын солдата и отец солдата.

Но если кто осмелится забыть
И отойти в сторонку виновато,
С того посмею грозно я спросить
Как сын солдата и отец солдата.

В висках моих серебряная нить,
Погоны с честью я носил когда-то,
И памяти клянусь не изменить
Как сын солдата и отец солдата!

* * *

Душа прозрачна, как янтарь,
И разве может быть иначе,
Когда она и в свет, и в хмарь
О сыне бесконечно плачет.

В созвездье многих лиц и дат –
Одно лицо и злая дата:
В родную землю лег солдат
За Землю Русскую когда-то.

Ведь так бывает только раз,
И не бывает смерти дважды.

Я верю: праздничный Луганск
Всех вспомнит имена однажды.

И все же память вороша,
Не год, не два, а много боле
Пусть плачет русская душа
От горечи отцовской боли!

Иосиф КУРАЛОВ

Кемерово

Элитарный татарин

Сказали мне: ты элитарен,
стихи твои не всем понятны.
А я всего-то лишь татарин,
хотя сомненья вероятны.

То примут аж за иудея,
поскольку позволяет имя.
А я им говорю, балдея:
какая смелая идея –
жить в наше время в Третьем Риме.

Могу работать и японцем,
светя щекой, облитой солнцем.
Надену кепку – армянин,
почти советский гражданин!

Не нравлюсь папам, нравлюсь мамам
и даже незамужним дамам,
когда, красив, как лимузин,
в сиянье собственных ботинок,
иду в толпе друзей-грузин.

Или иду на крытый рынок,
а он – Медина или Мекка.
Я там стою с лицом узбека,
как персонаж своих картинок.

И вовсе в прятки не играя,
а толщу времени стирая,
могу в земле, от соли душной,
отрыть подземный свет Сарая*
и выстроить Дворец Воздушный!

По воле Божьей став пиитом,
погибну я, когда солгу:
я все могу!

И не могу

* Сарай (с тюркского – «Дворец»), город, который несколько веков назад стоял в нижнем течении Волги, столица Золотой Орды.

освободить забытых бытом,
склоненных рылом над корытом,
от эстетической нагрузки.

В Пространстве, Господом забытом,
я – каждый день в бою открытом,
поэтому пишу по-русски!

Ответ

Я сам поэт и русский патриот.
Не ржавый и надежный винт державы.
Негоже мне отказываться от
Самойлова и Окуджавы.

Да, я однообразен и убог
В пристрастиях. Иным быть не пытался.
А Межиров в Америку убог.
Но он в душе моей остался.

Перед фронтовиками я в долгу.
Воспитан так. И фразочкой крылатой
Я их вину измерить не могу.
Живу во всем сам виноватый.

Рубцов, Куняев, Юрий Кузнецов
Мне ближе вышеназванных. И все же
Отцы пусть предадут. А нам негоже.
Негоже предавать отцов.

Диана БЛИНЦОВСКАЯ

Абинск, Краснодарский край

За мечтой

Пустынны улицы во тьме,
И тяжелеет голова
В привычной, будней кутерьме.

Среди крошечной мглы едва
Резвится в окнах жёлтый свет:
Софит ночного волшебства.

Простыл прохожих сонных след:
Сейчас они сидят в домах,
Укутавшись в уютный плед.

А я один бреду впотьмах –
С усмешкой, горькой и чудной,
Застывшей на немых губах.

Иду бок о бок с тишиной,
Что разум грузит всё сильней,
Иду вперед и за мечтой –

Той самой, что во мраке дней
Мне не дала упасть на дно,
Открывши прелесть мелочей...

Гляжу, последнее окно
Погасло, канув в черноту,
Но всё же радуется одно:

Фонарь, уткнувшись в пустоту,
Склоняется к земле, горит
И освещает красоту,

Забывшую в огне обид.

Сергей СКУРАТОВСКИЙ

Нижний Новгород

* * *

Когда я прохожу мимо своей школы,
Я везде.
Я – уставшее солнце, освещавшее мой класс 20 лет назад,
Я – детская скорбь по лету, смешанная со смутной радостью
нового сентября.
Я – синяк под глазом девочки, едушей на велосипеде,
Я – дыра в заборе, которого нет, окружавшем школьный стадион,
которого тоже нет.
Я – яблоня, о ствол которой я тогда разбил нос.
Я – морщины на лице училки немецкого, что прошла мимо,
не узнав меня.
Я – ее ужасная старость.

Нос еще болит, а двойку по немецкому я не заслужил.
Но то, что я не узнаю, правильно.
Я и сам себя не узнаю.

* * *

мотылёк победивший притяжение огня
становится светлячком
не жалеет ни о чем ни о ком
для него не существует тебя и меня
чувствует как что-то горит внутри
суетится летает каждый вечер крича
господи посмотри на меня посмотри
разве я не твоя свеча

Ирина ШЕЙБАК

Санкт-Петербург

Посещение храма Воскресения Христова в Иерусалиме

Как птица в первый свой полёт,
Душа стремится к небу,
Как будто Бог её зовёт,
Давая святость хлебу.

Здесь скорбь почувствуют сердца,
Вселенское страданье.
Теперь до самого конца
Есть смысл в мирозданье.

Вот до Голгофы крестный путь.
Там, слёз не чуя вкуса,
Мы остановки наизусть
Запомним Иисуса.

Ах, эта пролитая кровь
Взывала бы к отмщенью.
Но светоч – Господа любовь
Дарует всем прощенье!

Выбор

Мы те, кто из недр сегодня
Поднимется в полный рост.
И скажет: «Ну, всё, довольно!
Терпение – на погост!»

Не будет наш взор смиренен,
Не станет наш рот молчать.
Уже голоса сирены,
Чтоб праведность величать.

Заря, как подранок-птица,
Накроет больным крылом.
Кто нынче не стал молиться,
Для завтра не строит дом.

Бояться сегодня поздно,
Пришествие при дворе.
И смотрит Архангел грозно,
И меч его – в серебре.

А станет пурпурно-красным –
Обратно дороги нет.
Неужто пойдём по разным?
Скажи мне, я жду ответ!

Иван НЕЧИПОРУК*Горловка, Донецкая Народная Республика*

* * *

Мы раньше срока поседели,
Бессонницу войны кляня.
Здесь даже городские ели
Познали пагубность шрапнели,
Жестокосердие огня.

И горожане-фаталисты
Живут, но помнят каждый час,
Что ангел смерти бродит близко...
И где-то там артиллеристы
Прицельно думают о нас.

* * *

Осенний вечер, как неясить,
Раскрыл крыла над автотрассой,
И меркнут краски октября.
И над моим родным Донбассом
Зарницы траурно горят.

Земля укутана в тревогу,
Заглохшей кажется, убогой
С закатно-тлеющей травой...
И остов храма над дорогой
Стоит, как верный часовой.

Евгений ХАРИТОНОВ*Белгород***Мы русские, а значит, победим!**

Домой пришёл я на исходе дня,
Поставил берцы молча у двери.
Никто встречать не бросился меня,
И сердце вдруг заёрзало внутри.

Проверил дом. Обдало холодком.
Нигде не встретил тёплое: «Привет!»
И, взгляд направив в зеркало тайком,
Я понял, что меня здесь тоже нет.

Что всё вокруг – придуманный мираж...
А я на самом деле третий день
Лежу под грудой брёвен. Наш блиндаж
Снаряд врага поставил набекрень.

Подняться бы, да нету сил дышать.
Но чувствую, как шёпотом в груди
Твердит моя несносная душа:
«Мы русские, а значит, победим!»

Весна сорок пятого года

С небес упавшая звезда
Зажгла сирень на склоне мая.
Светлела тёмная вода,
Прогретый берег огибая.

Звучали песни соловья,
Цвели в округе первоцветы.
Бежали дети вдоль ручья,
Пустив кораблик из газеты.

Вели старушки разговор,
Присев у дома на скамейке,
Про чей-то сломанный забор,
Про долг забытый в три копейки.

О том, что в хлеве грызуны
И нет единства в сельсовете...
И словно не было войны
Четыре года на планете.

Публицистика

Андрей РУДАЛЁВ

Родился в 1975 году в городе Северодвинске Архангельской области. Окончил филологический факультет Поморского государственного университета, два года работал там же на кафедре литературы. После был охранником в ночном клубе, замредактора в рекламной газете, корреспондентом «Северного рабочего», пресс-секретарем Совета депутатов Северодвинска.

Участник форумов молодых писателей в Липках. Лауреат литературной премии «Эврика!» (2006). Автор книг «Жизнь по чужим лекалам», «Письмена нового времени». С критикой и публицистикой выступает во множестве периодических изданий. Живет в Северодвинске.

Из книги

ПРОКЛЯТЫЙ ГЕРОЙ

Роман «Санька» Захара Прилепина в контексте эпохи

Предощущение времени

Огромная проблема писать о современности. Если, конечно, речь идет не о мгновенной публицистической реакции, когда можно развернуть конкретную мысль, эмоцию.

Особенно сложно, если эта современность долгое время воспринималась через призму ошибки, катастрофичности. Представлялась в качестве безвременья, промежутка. Как чего-то не оформленного, растерянного и заблудившегося. Так создавался ее стереотипный образ. Пустотный.

Извечный отечественный нигилизм. Особенно агрессивно он проявляется по отношению к настоящему, к тому, что творится здесь и сейчас. Самоуничтожение и самоумаление, категорическая недооценка, из-за чего и происходят многие потери. Отсюда и современность воспринимается в качестве разрастающейся пустыни. Особенно, в сопоставлении с предшествующим советским периодом. Современность будто вырывается из истории.

Долгое время складывалось устойчивое восприятие, что постсоветская Россия не представляет самодостаточной ценности. Есть что-то неоформленное, хаотическое и без внятного образа будущего. Этакий формат сказочного «пойди туда, не зная куда, принеси то, не зная что».

Но параллельно с этим стереотипным шаблонным нигилистическим восприятием нарастала твердая уверенность о возвращении большой

истории, рифмы с которой звучали постоянно. Уверенность в принципиальной важности и рубежности настоящего момента для всего тысячелетнего пути отечественной цивилизации. Не случайно в 2024 году, выступая на параде Победы, президент Владимир Путин заявил, что «Россия сейчас переживает сложный, рубежный период» и при этом «судьба Родины, ее будущее зависит от каждого из нас».

Все чаще возникало такое понятие, как «эпос», которое будто пробивалось через асфальт того самого нигилизма. Само время в противовес перестроечной эпохе распада и постперестроечного времени хаоса и смуты все больше обретало черты эпического.

В свое время разговор о советской перестройке пытался вести через главные книги того времени. В основном публицистические.

«Перестройка и новое мышление» Михаила Горбачева или «Исповедь на заданную тему», которую надиктовал своему будущему зятю Борис Ельцин, оказались прекрасным не только историческим источником, но и документом для понимания мировоззрения людей и движущих сил того времени. Через те книги, имея временную дистанцию, можно отлично понять события, общую причинно-следственную связь, а также мотивацию главных действующих лиц.

Утопизм и большие личные амбиции последнего советского генсека, импульсивные и хаотические поступки «человека с молотком», ставшего первым российским президентом. Публицистика давала возможность услышать и понять гул голосов времени, который направлял человеческий рой. Было любопытно посмотреть, как этот важнейший период отечественной истории осмысливается в художественных произведениях. В них были и предчувствия чего-то грандиозного и фатального, а также попытки понять произошедшее, еще не в полной мере реализованные.

Осмыслить эпоху через текст – довольно распространенный прием. Книга – губка, квинтэссенция времени. Текст также стремится раскрыть время, описать его, фиксируя в вечности. Автор же воспринимает время в качестве большого текстового полотна и пытается считать с него знаковые сюжеты, образы, символы, вписывая в большую историю.

Вот, к примеру, питерский прозаик Сергей Носов в книге «Фирс Фортинбрас» попытался дать наброски к образу девяностых.

В его романе становление мира девяностых происходило как съемки сериала. С колес, спорадически, непредсказуемо, когда все меняется в процессе. Сегодня совершенно не представляешь, что будет завтра, а сценарий серий пишется по ходу съемок. Что стандартная игрушка в первых компьютерах: «Сапёр». Там надо открывать клетку и не взорваться. Сначала это делается вообще наугад, затем включается логика, играющий начинает проявлять осторожность, но все происходит тоже с большим элементом случайности.

Тот мир возникал в соединении несоединимого. Из хаоса и сора. Конструкция же прежнего мира превратилась в осколки или подобие блошиного рынка, где в оборот продаж было включено буквально все. Возникал на ощупь. Тем самым «Сапёром». Совершенно не уверенный в своей необходимости и востребованности.

Параллельно с ним шла бесконечность «Санта-Барбары», замещение жизни и страстей в мексиканском сериале «Богатые тоже плачут». Еще совсем недавно общество магнетизировали трансляции съездов и речи перестроечных говорунов, сулящих скорое благоденствие

или попросту толкущих воду в ступе демагогии. Затем ощущение праздника создавал лишь показ телевизионного «мыла», дающий переживание иной реальности, многим лучшей, чем повсеместная безнадега. Уже не о своем счастье переживали, а о том что ждет Марианну и Луиса Альберто, будет ли счастье им наконец. Здесь ведь, по эту сторону экрана, уже ничего, что можно соотнести со счастьем, не предвидится, свести концы с концами и то ладно. Успеть к просмотру, чтобы отключиться от своего «не живем, а существуем», хотя бы на время сериальной серии, которую еще со всеми можно многократно обсудить, продлевая иллюзию отстранения.

Зачем создавать свое, когда есть чужое. Свое дорого и рискованно. Это ведь тоже стереотип тех лет, который пролонгировал себя чуть ли не до наших дней.

Наверное, пройдет еще немного времени, и те годы окончательно станут мифом, в который никто не будет верить. Уж слишком та мистагогия отличалась от критериев нормальности. Как-то принять ее и уместить в голове можно только через новые «12 стульев» и «Золотого тельника».

В книге Носова случайный, эпизодический персонаж – продавец ворованной колбасы, делающий свой поквартирный обход для ее сбыта, вдруг вынырнувший из ниоткуда, – становится чуть ли не главным. Его единственного выделяют, когда все остальное бракуют. Такой герой времени. Один из.

«Мир сотрясается, рушатся семьи, все неопределенно и зыбко, и только ты со своей колбасой появляешься и проходишь. И взираешь на все с высоты своего роста». Чеховский Фирс становится шекспировским Фортинбрасом. Все потому, что является посредником-обладателем символа, ради которого и были устроены все перемены, которые символизирует воровство. Героизм, идеология, высшие ценности – все это отринуто как эфемерное и ложное и замещено той самой колбасой – наполнителем желудков.

Ворованная – «знак времени», когда «все продается! Даже то, что плохо лежит». Эта характеристика придавала еще больше ценности этому символу новой аксиологии. Был своеобразным знаком качества.

То время прекрасно отсвечивает через, казалось бы, незначительные образы вещного мира. Взять тефлоновые сковородки. «Просто все были чокнуты на этом тефлоне». Подарком на день рождения появилась тефлоновая, на помойку отправилась «советская неповторимо чугунная». Хоть и покрытие у новой постепенно стиралось, хоть и не оправдывала в полной мере ожидания – на ней все равно подгорало, но разоблачения и разочарования не происходило. Все несоответствия ретушировались и оправдывались.

Впрочем, не в сковородке дело, а в том, что «она – вместо другого», заменила другое, отправила его на помойку. Даже через подобный предмет кухонной утвари можно вполне себе представить то время. Оно ведь и представляется через подобное. Через спирт «Рояль» и водку «Распутин», через красные пиджаки и шоколадные батончики, обещающие райское наслаждение. Подобных примет не перечесать.

Замещение не только в быту, в политике, сфере идеологии, но и в культуре. Да, главные события «культурной» жизни тех лет – трансляция диковатого иноземного «мыла», собирающее разобщенное и дефрагментированное общество у телеэкранов. В отечественной же культурной сфере – писание по прописям или реформаторство. Претензия

на него. При том, что культурные реформаторы не знают предмета реформирования и оторваны от почвы: «Истинный драматург мнит себя реформатором театра. Он и в театр не ходит. Спектаклей не смотрит. Пьес не читает. Я понимаю, кроме своих». Для них главное – утверждение, что отечественная традиция себя дискредитировала, поэтому должна быть отменена или переписана.

Опять же в соединении двух, казалось бы несоединимых героев, Фирса и Фортинбраса также заключена квинтэссенция того времени. Старый, забытый, уходящая натура, хотя в реальности – молодой и высокий. Мечтающий о роли Фортинбраса. Об иллюзии. Тот наследный принц пришел, когда в финале трагедии образовалась гора трупов, и предъявил свои права...

Советский Союз не только наш Древний Рим, но и «Вишневый сад». А люди металась между мечтами о роли Фортинбраса и реальностью, которая делала Фирсом очень многих.

Но как вычленишь тот символ, ту тефлоновую сковородку становящейся реальности? Как не заблудиться в чаще ложных аналогий?

Еще в своей книге «Грачи улетели» Сергей Носов постоянно подталкивает к мысли о том, что в России актуальное искусство реализуется через саму жизнь – это собственно ее новейшая история. Главное – относиться к любому явлению как к искусству, как к творимому художественному акту. Все дело в восприятии. Такой вот гигантский иллюзион, в котором мы все живем.

Летом 2022 года в Архангельске в самом центре парка, где проходил книжный фестиваль, оказалась троица: я, Носов и другой прекрасный писатель Павел Крусанов. Остатки традиционного коммуникативного посредника были разлиты по стаканчикам, такой же традиционный пирожок – один на троих. По левую руку – полицейский, надзирающий за порядком. По правую – какая-то женщина, пишущая мелом на асфальте «Нет войне!» и быстро уходящая дергающейся походкой. Вокруг бурлила жизнь. Разная и противоречивая. Картина маслом.

* * *

Еще одно важное стартовое замечание. В начале восьмидесятых годов в статье «Блеск и нищета русской литературы» Сергей Довлатов писал, что с западной точки зрения русская литература «литературой не является». Все дело в том, что от литературы в России всегда были сверхожидания. Ей приписывали пророческий статус, писатель должен быть непременно властителем умов. Литература здесь – сфера титанов духа, которые преображают реальность. Не зря ведь тот же Варлам Шаламов ставил в вину литературе XIX века все катаклизмы, которые произошли со страной в XX веке. Такова оптика литературоцентричной цивилизации.

Ровно об этом, правда по другому поводу, ранее писал и Николай Бердяев, рассуждавший о том, что русская литература XIX века не была культурой в западном понимании и всегда «переходила за пределы культуры». Русские писатели стремились к «совершенной, преображенной жизни».

По словам Довлатова, к писателям в Советском Союзе относятся так же, как кинозвездам и спортсменам в Штатах (можно сравнить с писательским положением в Америке «чуть ниже акробатов и чуть выше тюленей» в трактовке Стейнбека). Особый пиетет к тексту и слову

на отечественной почве имеет тысячелетнюю историю. В советский период литератор приобрел еще сановный статус и воспринимался в качестве государственного мужа. Собственно, это было в чем-то схожим с синодальным периодом в Церкви.

Отечественная литература генетически связана с древнерусской книжностью, которая по преимуществу имела церковный характер. В XX веке место религиозного заняли идеологические стандарты, литература была под гиперопекой государства, что имело как свои плюсы, так и известные минусы.

Так вот, все это вместе взятое, полагал Сергей Довлатов, привело к тому, что «литература постепенно присваивала себе функции, вовсе для нее не характерные». Она становилась и религией, и философией, и эстетикой, в ней искали национальную идею. К этому ее, по мнению литератора, подталкивала и литературная критика, которая эстетическую сторону текста уводила на второй план, а на первый ставила общественно-политическое звучание и соответствующую проблематику. Все Белинский натворил и сориентировал на столетия вперед.

Но дело тут не в сверхамбициях литератора или идейной заряженности критика – само отношение к слову в отечественной культуре принципиально иное, нежели на Западе. Оно всегда воспринималось сакральным, особым знаком, за которым высвечиваются громадные символические пласты.

В этом проявляются традиции православной экзегезы, которая рассматривала священные тексты с точки зрения трех уровней: исторического, аллегорического и метафизического.

В отечественной традиции текст воспринимается медиатором на пути познания иной реальности. Отсюда и восприятие его с провиденциальной точки зрения. Он не случаен. Является знаком. Важной вещью на пути.

Настоящая книга может рассказать о многом. Ее явление в мир несет в себе особый смысл, который также необходимо расшифровать. Павел Флоренский считал, что творчество затрагивает границу миров и направлено в первую очередь на раскрытие смысловой стороны явлений.

В этом нет никакой схоластики, наоборот, речь идет о живом восприятии текста, который развертывается и актуализируется в мире. Является не только отражением его, но и начинает на него влиять как особая энергия, противостоящая любой детерминированности истории.

Есть твердое убеждение, что появление той или иной книги закономерно и предобусловлено. Пусть будет предшествующий ей эйдос.

Также речь идет не просто об отражении действительности. Книга, приходя в мир, создает особую энергию, которая влияет на происходящие процессы. Она что зерно, из которого в дальнейшем развивается и развертывается наша реальность, через которое комментируется и расшифровывается.

«Словом преобразуется жизнь, и словом же жизнь усваивается духу» – это опять же из Павла Флоренского. И еще он полагал, что художественное творчество является разновидностью «памяти будущего». Это своего рода «обратная перспектива» иконописи, когда Первообраз как будто входит в наш мир через посредство символического начертания-припоминания в образе.

«Наступление будущего показывает, что мы его “вспомнили”, что мы его узнали», – писал Флоренский.

Вот и получается, что художественное произведение производит особую связь времен, соединяя в одно целое, когда нет разделения на прошлое-настоящее-будущее, а все процессы представлены в своей полноте и запечатлены в образе.

* * *

В книге Эдуарда Лимонова «Анатомия героя» есть напутствие авторам газеты «Лимонка», издаваемой его партийцами: «Из официальных газет ничего не почерпнешь, там все о президенте, Черномырдине, Чубайсе, Алле Пугачевой. А нам надо дать читателю реальный облик России. Кто же, как не мы, сделает это...».

Любопытно упоминание в этом ряду главных действующих лиц девяностых. Алла Пугачева стала символом постсоветской массовой культуры. Она в 2022 году покинула страну. Но тогда была реальной властью, наряду с тем же Анатолием Чубайсом, который после начала спецоперации на Украине также уехал за пределы России.

Пугачева – символизирует бесконечный культурный маскарад в перьях и блестках. Чубайс – экономический.

Но не это главное, важен акцент на «реальном облике России». Отношение к тексту как свидетельству о реальности.

А ведь это достаточно сложная история. Одно дело прилизать и поставить неудобное за скобки, как у причислявших себя к победителям и стремящихся не омрачать завоевания молодой демократии. Показывать извечную русскую хтонь, которая становилась определенным оправданием происходящего и на которую можно свалить все свои неудачи.

С другой стороны, традиционный подход также не справлялся с задачей вскрыть реальность и показать перспективы ее развития. К примеру, не совсем удавалось это Валентину Распутину, Василию Белову, Юрию Бондареву. Можно списать на то, что постарели, стали несовременны и шокированы реальностью, а также были задвинуты на маргинальную периферию. Хотя, возможно, причина лишь в том, что не нашли нужного ключа, не расшифровали код той самой «памяти будущего», не могли справиться с личным отторжением всего происходящего. Тогда как у того же Эдуарда Лимонова, Александра Проханова получалось. Они вступали в диалог и спор с новой реальностью, являлись бойцами на передовой и не воспринимались в качестве анахронизма.

Собственно, с того призыва к авторам «Лимонки» и начался «новый реализм» в литературе. В начале нулевых годов ряд молодых авторов, только еще входящих в литературу, обратились к осмыслению происходящего здесь и сейчас. Они захватили и советский период, и перестройку, но не были догматизированы. Не являлись и бенефициарами новых реалий, не стремились заискивать перед ними, подыгрывать им.

Последнее советское поколение, последние комсомольцы, пионеры. Несущие знание об иной, альтернативной нынешней, реальности, что позволяет сравнить, сопоставить.

«Новые реалисты» пытались осмыслить постсоветскую реальность, понять логику произошедшего, собрать образ настоящего, в котором бы отсвечивала преемственность большого цивилизационного пути, и в тоже время старались выявить и изобличить уродливое, что не только стреноживает Россию, но и превращает ее облик в какой-то атавизм и ошибку.

Тогда к «новым реалистам» причисляли и Захара Прилепина, который как раз еще в конце девяностых и начинал в качестве автора партийной газеты «Лимонка». Мы же собрались в поколение в начале нулевых. В подмосковном пансионате «Липки» проходил ежегодный Форум молодых писателей. Каждый год там собирали по 150 авторов со всех регионов страны. Их пытались форматировать в либерально-прогрессивном ключе. Тогда это был главенствующий мейнстрим, слово «патриотизм» не произносилось в приличном обществе. Еще во всю российскую науку, культуру, образование окормлял фонд Сороса (организация признана нежелательной в РФ). Погоду делала «Открытая Россия» (признана нежелательной в РФ) Ходорковского (признан в РФ иноагентом). Но параллельно этому возникала и антитеза. Современное отечественное сопротивление.

Захар Прилепин очень быстро выделился. Объяснений этому много, но в первую очередь из-за того, что он сразу поставил себя в контекст отечественной культуры и этого контекста придерживался, и очень скоро уже мы все оказались внутри его книг. А сам Захар вырос в одного из ведущих писателей нашей современности.

Захар Прилепин стал фиксатором регенерации отечественной цивилизации после разлома и хаоса.

Закон «социальной регенерации» в свое время сформулировал отечественный мыслитель Александр Зиновьев. Исходя из него, Россия вернется к чему-то схожему с советской системой, которая, по сути, наследовала и развила дореволюционную традицию.

Зиновьев говорил о едином историческом пути страны. Он либо продолжается, либо начинается беспутье: «если социальная система разрушена, но сохранился тот же человеческий материал и геополитические условия его существования, то новая система создается во многих отношениях близкой к разрушенной. И какие бы ни были умонастроения у создателей новой российской системы – все равно они делают нечто, близкое к советской системе».

Прилепинское эссе «К нам едет Пересвет» разве не об этом? Разве не о преодолении разорванности и возвращении большой тысячелетней истории?

Символично, что сборник его рассказов «Грех» стал главной книгой первого десятилетия нового века. В 2011 году Прилепин получил премию «Супернацбест», тогда за него проголосовали такие разные люди, как Эдуард Лимонов, Ирина Хакамада и прозаик Леонид Юзефович.

Награждение происходило в бывшей гостинице «Украина», что напротив Белого дома. С момента распада СССР прошло двадцать лет. Да и бывшая «Украина» звучит достаточно провиденциально. Для пущей рифмовки можно сказать, что та премия в какой-то мере (пусть и символической) выписала Захару путевку на Донбасс, а затем на СВО. Тогда же мы небольшой, но шумной компанией были с ним до полуночи, то есть до поезда на Нижний. Лимонов выдал ему своих охранников – все-таки сто тысяч долларов, публично врученные обтянутым целлофаном кирпичом. Роман Сенчин периодически скандировал: «Наше имя Эдуард Лимонов». На перроне облили кого-то случайного шампанским. Было радостно и торжественно от понимания того, что настало время нашего поколения в литературе.

Да, почетным председателем премии состоял Аркадий Дворкович. На тот момент он был помощником президента. В голосовании не участвовал, скорее, выполнял функцию свадебного генерала. В 2022 году

он в интервью американскому журналу раскритиковал СВО, после чего выпал из информационного поля. Его имя связано с периодом, когда либералы практически абсолютно доминировали во власти.

Критик Павел Басинский же называл книгой десятилетия прилепинский роман «Санька». Это был роман-потрясение. Само название воспринималось за нарочитую ошибку, вызов.

Если с дебютным романом «Патологии» Захар Прилепин еще примерялся и пристреливался, с заявкой яркого дебютанта определял в литературе свое место, то после «Саньки» уже все стало с ним понятно. Что пришел всерьез и надолго и будет вести себя в этой самой литературе по-хозяйски, причем на это у него есть все основания.

«Санька» – роман-пробуждение. Выход из русской зимы и мерзлоты, которая, в девяностые казалось, будет вечной, как страшный и стыдный сон. Да и в нулевые ничто не предвещало изменений выбранного курса, а уж тем более, той самой цивилизационной регенерации. Это книга-призыв к упорядочиванию реальности, которая возникла в стране из хаоса девяностых. Странная, несуразная, часто отталкивающая и тошнотворная, неприютная и блуждающая блудным отпрыском. Она должна была очнуться, чтобы вспомнить свои цивилизационные корни.

И вот эта летаргия прервалась, и люди услышали понятные и простые вещи, в которых звучала родная интонация. Тогда стало понятно, что из России пришел близкий человек, и он здесь местный, и он – брат.

Братство – глубочайшая укорененность и растворенность в истории и культуре отечественной цивилизации, трансляция ее духа и музыки, исходящей не из мыслительных формул, а из самой человеческой сути как дыхание, естественно. Родственно.

Что-то подобное чуть раньше услышали и прочувствовали в балабановском фильме «Брат». Но тогда еще немногие готовы были различить смысл, он терялся, его оглушал шум повсеместной смуты и неустроя. Саша Тишин Прилепина в какой-то мере вышел из бушлата и свитера крупной вязки Данилы Багрова. Он пришел с той же ключевой философией и интуицией цельности, что у него есть «огромная семья» и все, что вокруг, – его родное. Только нужно это родное привести в порядок, прибраться, вымести пыль, прополоть сорняки, наполнить музыкой любви и гармонии, вместо какофонии разлада и хаоса.

В прилепинской книге речь идет о поиске света впотьмах, братства в беспросветной ситуации распада. Герой будто выныривает из пучины хаоса, преодолевает ее, делая большие гребки руками и отталкиваясь ногами. У него есть свои крылья, он много знает о «брильянтовых дорогах», которые проложены у него внутри как традиция, как путь родства. И это в кромешной ситуации, когда все связи рушатся и разрубаются. Роман стал очень важным и своевременным посланием. Повлиявшим на реальность. Возвращающим к реальности.

В те же девяностые от стыдного времени я сбежал в древнерусскую литературу, в штудии творений святых отцов. Что-то схожее с бегством от соблазнов греховного мира, которые, впрочем, настигали на каждом шагу. Чем ближе к современности, тем больше несовершенства, а наши дни и вовсе – только отблеск, только тени. От подобного ощущения, казалось, невозможно избавиться.

Герой Прилепина – это наш Егор Прокудин из «Калины красной» Василия Шукшина, который в финале кровью и ногами срастворился с землей, обнял березки: «это все мое, родное». Санька – надежда на возрождение человека. Наш современный человеческий ренессанс по-

сле многих лет стыдного блуждания впотьмах. Вместе с ним мы все, как блудные дети, зажав крестик во рту, вернулись к себе на родину, теперь осталось ее обустроить.

На мой взгляд, именно через эту книгу можно понять то, что сейчас происходит с Россией. В ней – биография современности. Тот самый цельный образ развертывающихся процессов.

Тогда же, в 2006 году, критик Владимир Бондаренко в газете «День литературы» опубликовал статью «Литература пятой империи как мост в наше время». В ней он писал о конце либерального всевластия в русской литературе, с этим, по его мнению, связан и закат «литературного безвременья». Как показали последующие годы, говорить о финале либерального господства в литературе и культуре было крайне преждевременно. Но в одном критик был прав: появились имена, в том числе Захара Прилепина, которые прорвались сквозь сплошной асфальт, сквозь монополию идеологических установок культурного выверта и отмены отечественного.

О них Прилепин позже напишет в статье «Почему я не либерал»: «Либералы так уютно себя чувствуют во главе русской культуры, что в этом есть нечто завораживающее. Собрали в кучу чужие буквы, построили свою азбуку, свою мораль, своё бытие.

Теперь люди смотрят на знакомые буквы, читают, вникают – всё вроде то же самое, что у Пушкина, а смысл противоположный. Как же так?

Попробуйте набрать из этого букваря “Клеветникам России”, получится абракадабра. “Каклемтивен Сироси”. Лекарство, что ли, такое?»

С этой абракадаброй и сталкивается герой его книги. С клеветой на страну и с клеветниками.

В мае 2024 года Захар Прилепин написал в соцсети, что его роман – «жесточайший антилиберальный памфлет».

«В те годы произносимое мной было антимаейнстримом, взгляды мои считались “маргинальными”. А сейчас то, что говорили тогда я и мои товарищи, – говорит вся страна», – отметил писатель. Это важное откровение, которое дает жизнь. Все не просто так, все имеет свой смысл, и сложение усилий рано или поздно материализуется в реальности, влияет на нее. Хочется сказать: эффект бабочки, но нет – это феномен слова, которое было и остается важнейшей структурной единицей отечественного бытия.

Контекст

В своей книге «Никто не выVOZит эту жизнь», которая вышла весной 2024 года, Герман Садулаев пишет об ощущении его героя 24 февраля, когда было объявлено о начале российской спецоперации. Он стал ощущать свою единственность со страной и ее народом: «Россия была моим космическим, моим социальным телом. Россия была моим телом». Да, то самое откровение Даниила Багрова, что все кругом «мое, родное, это Родина моя». Это я. Линия личного пересеклась с общим, и возникло важное ощущение признания «себя каплей народного моря», преодоление личной ограниченности, ущербности, греховности, достижение полноты и приближение к совершенству через слияние с целым.

Долгое время было ощущение конца истории. Советский Союз распался, блоковое противостояние ушло в прошлое. Утверждалось, что все

произошло естественным образом, а на смену миру двух сверхдержав также естественно пришел однополярный мир с императивом равенства на его стандарты и правила. Вот и в постсоветской России говорили, что иной альтернативы нет, необходимо исполнить последнюю волю истории – вступить на демократический путь цивилизованных стран. Стать как все. Ведь с этого единственно верного пути страна в свое время сошла и попала в темный «тупик», который именовался Советским Союзом. Так создалась особая утопия: Россия целиком и полностью вливается в цивилизованный мир, отказывается от всего своего порочного и мракобесного ради всеобщего благоденствия граждан и, по сути, завершает свой цивилизационный путь, который выставлялся как цепь ошибок и преступлений.

И наступит вечный покой...

24 февраля 2022 года возникло общее ощущение возвращения истории. Она вновь проявила себя, вновь заговорила, причем устами Владимира Путина, объявившего о начале российской спецоперации на Украине.

В культурном плане также бывают знаковые события, определяющие многое. В литературе – тексты. Пусть не сразу это очевидно, пусть влияние раскрывается со временем и опосредованно. В XX веке сразу вспоминается, например, «Тихий Дон», а с другой стороны – «Архипелаг ГУЛАГ».

Дело не в том, что художественный текст становится инструкцией по применению, определенной рецептурой, наставлением, которое берет под козырек общество и с усердием исполняет, внедряя книгу в жизнь. Речь о предощущении и прочувствовании самой истории, той самой движущей силы ее волны. Включенности в нее.

Роман Захара Прилепина «Санька» вышел весной 2006 года в издательстве «Ad Marginem». Автор работал над ним год, книга состоит из чертовой дюжины глав.

В писательском арсенале Прилепина уже на тот момент был роман «Патологии», написанный на основе личного опыта участия в Первой чеченской компании, а также ряд рассказов, опубликованных в «Новом мире» и «Дружбе народов».

Книгу заметили. Причем особым образом.

Банкир Петр Авен выступил в качестве литературного критика и высказался по поводу романа. А кто был в то время Петр Авен? Еще недавно, по сути, один из хозяев постсоветской России. Один из ее демиургов, носителей идеологии, которой была пропитана страна, где властвовал либерализм, западноцентризм, а патриотизм был, мягко говоря, не в чести. Почему снизошел до книги молодого автора, изданной тиражом 4100 экземпляров. Сработала чуйка, увидел опасность, хотел поучить правильное жизни молодое поколение?..

Через год президент Владимир Путин выступит со своей знаменитой Мюнхенской речью, которую назовут поворотной точкой в отношениях с Западом. И в самом деле, это был совершенно невероятный и ранее невозможный бунт против однополярности, который перечеркивал присягу первого российского президента Бориса Ельцина на верность Штатам, произнесенную в конгрессе в 1992 году: «Господи, благослови Америку».

«Чуть ли не вся система права одного государства, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере навязывается другим

государствам. Ну кому это понравится?» – говорил Владимир Путин в 2007 году. Однополярный мир он определял тогда так: «это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри». В год начала СВО было 15-летие с момента произнесения этой речи.

Тот же 2006 год ознаменован казнью Саддама Хусейна, из которого США сделали одного из ужасающих диктаторов всех времен и народов. Это они умеют. Казнь стала своего рода демонстрацией победы и завоеваний демократии, а также окончательного установления того самого однополярного мира. Послание того действия считывалось легко: так будет с каждым, кто не с нами. Через пять лет Хилари Клинтон будет визжать от восторга, наблюдая кадры расправы над ливийским лидером Муаммаром Каддафи. Слишком независим он был, стремился к объединению государств на континенте, к созданию единой африканской валюты.

Вообще, эта иракская история наложила большой отпечаток на становление новой реальности. Первая атака на страну – операция «Буря в пустыне» произошла в 1991 году. Где-то убыло – распадался Советский Союз. Где-то прибыло – Штаты продемонстрировали всем, кто в мире хозяин, устроив показательную порку, а также шоу, которое транслировалось чуть ли не в режиме онлайн. Заодно проверили собственную сплоченность, а также протестировали возможности других к сопротивлению.

Реальность будто оказалась в кулаке западной коалиции, телевизионной картинке и кнута, которым достанется всем, кто вознамерится нарушать новые правила. Историю теперь поместили в кадры трансляции, она и стала подменять ее и управлять ею.

Другая крайне знаковая рифма: 11 марта 2006 года в камере тюрьмы Международного трибунала для бывшей Югославии умер бывший президент Югославии Слободан Милошевич. Сказали, что скончался от инфаркта. С его страной разделались еще в девяностые, на самого навесили невероятные преступления. Он, как и Саддам, был объявлен врагом нового порядка.

Сами бомбардировки Югославии, а до этого позиция «международного сообщества», проводившего откровенно антисербскую линию, разрушили идиллическую картину мира. В какой-то момент после распада Советского Союза было ощущение, что все противоречия ушли в прошлое, остается только договариваться на равных условиях. Мечтали же в советскую перестройку, что, перейдя рубеж нового тысячелетия, человечество войдет в мир без военных конфликтов. Но вот прозвенел колокол о том, что подобная участь вполне может постигнуть и Россию, а на Югославии лишь отработали сценарий последующих более глобальных действий.

Известно последнее обращение Слободана Милошевича: «Русские! Я сейчас обращаюсь ко всем русским, жителей Украины и Белоруссии на Балканах тоже считают русскими. Посмотрите на нас и запомните – с вами сделают то же самое, когда вы разобчитесь и дадите слабину. Запад, цепная бешеная собака, вцепится вам в горло. Братья, помните о судьбе Югославии! Не дайте поступить с вами так». Эта цитата в 2023 году массово разошлась по соцсетям, когда вспоминалась его кончина.

Во время появления прилепинской книги шла процедура банкротства компании Михаила Ходорковского «Юкос». 1 августа 2007 года она была признана банкротом. Сам Ходорковский – один из олигархов так называемой «семибанкирщины», которая в 1996 году фактически оставила большого Бориса Ельцина на второй президентский срок. В «семибанкирщину» входил и Петр Авен, выступивший в качестве критика прилепинской книги.

«Олигархия – сплочённая хунта, захватившая и деньги, и национальные богатства, теперь уже и власть, добровольно не допустит никакой смены себе, а понадобится – без колебаний применит для того и выращенные, укрепленные многочисленные внутренние войска. И напрасны надежды, что нынешняя власть или те, что сменят их через “выборы”, заплавленные денежными миллиардами, – позаботятся о судьбе вымирающего народа. Этого – не будет», – писал в своей книге «Россия в обвале» Александр Солженицын.

Говорилось, что Михаил Ходорковский собирался продать свой нефтедобывающий бизнес западным инвесторам, но в 2003 году был арестован. После осужден и получил восемь лет лишения свободы по обвинению в мошенничестве, уклонении от налогов. В 2009–2010 гг. состоялся новый судебный процесс, и уже новый срок – 14 лет. 21 декабря 2013 года Михаил Ходорковский был помилован и сразу же выехал в Берлин. С его именем и делом «Юкоса» связан процесс отстранения олигархов девяностых от непосредственного влияния на управление страной.

Сценарий того, что Ходорковский или около того стал бы властью в стране, был более чем реальный. Он и был властью – удельной, но с большими амбициями. По всем законам вероятности эта линия должна была возобладать со всеми вытекающими. Линия, ведущая к удельным лоскутам. Но вмешалась отечественная история, заявили о себе силы самосохранения цивилизации.

«С переменами начала 90-х были связаны большие надежды миллионов людей, однако ни власть, ни бизнес не оправдали этих надежд. Более того, некоторые представители этих сообществ, пренебрегая нормами закона и нравственности, перешли к беспрецедентному в истории нашей страны личному обогащению за счет большинства граждан», – заявил президент Путин в своем послании Федеральному Собранию в мае 2006 года.

В том же послании российский лидер уделил внимание «модернизации российской армии», отметив и ее проблемы, проявившиеся при противостоянии международному терроризму на Северном Кавказе.

Тогда же он сделал акцент на необходимости «строить свой дом», и он должен быть «крепким, надежным – потому что мы же видим, что в мире происходит. Но мы же это видим! Как говорится, товарищ волк знает, кого кушать. Кушает – и никого не слушает. И слушать, судя по всему, не собирается. И куда только девается весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь, оказывается, все возможно, нет никаких ограничений».

Из знаковых событий того времени можно также отметить так называемые «газовые войны» между Россией и Украиной. Они касались вопроса транспортировки российского природного газа в Европу через территорию Украины. Всякий раз тяжело согласовывался вопрос цены за газ для украинских потребителей, а также размер платы за транзит.

Этой теме касался президент Владимир Путин во время своей «мюнхенской речи». Тогда российский лидер отмечал, что «в течение 15 лет зависели от того, договорятся ли Украина и Россия между собой по условиям и по ценам поставок нашего газа в саму Украину, а если не договорятся – все, европейские потребители сидели бы без газа».

В тот год произошли и серьезные внутривнутриполитические законодательные изменения. Так в избирательном законодательстве был отменен порог явки на выборах, а также графа «против всех».

В октябре 2006 года была создана новая политическая сила в стране – партия «Справедливая Россия», которую возглавил Сергей Миронов. С февраля 2021 года она стала называться «Справедливая Россия – Патриоты – За правду». В нее влилась партия Захара Прилепина «За правду», а также «Патриоты» Геннадия Семигина. Оба они стали сопредседателями партии.

И еще одна важная рифма: 1 февраля 2006 года 75-летний юбилей отмечал первый российский президент Борис Ельцин. Скончается он уже 23 апреля 2007 года. Надо полагать, «мюнхенскую речь» Путина он слышал. Позже бывший шеф протокола Кремля Владимир Шевченко утверждал, что Ельцин одобрил речь своего преемника и был доволен ей.

В марте 75-летний юбилей отпразднует Михаил Горбачев – первый и последний президент СССР. Ельцина он значительно переживет и скончается 30 августа 2022 года. История будто тянула, давала ему шанс все понять о плодах дел рук своих, но этого понимания так и не произошло.

Тогда же, в марте, 50-летие было и у Егора Гайдара – одной из самых одиозных фигур постсоветской политики. Его имя стало символом экономических реформ, или «шоковой терапии», в России. Ельцина он пережил совсем немного. Уйдет из жизни в декабре 2009 года.

В свое время именно Егор Гайдар сформулировал суть реформаторства 90-х в духе концепции социал-дарвинизма: «Кризис лечит. А кто не лечится, тот погибает».

В своей книге «Гибель империи. Уроки для современной России» Гайдар писал: «В России не нашлось ответственной политической силы, которая отважилась бы заявить, что с точки зрения целей самосохранения и воспроизводства русского народа распад СССР явился самой крупной удачей за последние полвека». Про самосохранение и воспроизводство – все слишком хорошо известно, с распадом страна попала в ужасающую демографическую яму, из которой не может вырваться до сих пор.

В 2006 году в братской Белоруссии на третий президентский срок будет избран Александр Лукашенко. Его результат на выборах составит 82,6 процентов голосов (на выборах в 2024 году Владимир Путин набрал 87,28 процентов).

Перед выборами Лукашенко заявил: «В Грузии, Украине и России есть отморозки, которые хотят приехать сюда и навести порядок. Приехать-то они могут, но как уедут? Мы никому не позволим дестабилизировать здесь обстановку». Тогда же грузинский президент Михаил Саакашвили заявил о необходимости проведения «цветной революции» в Белоруссии. Были и попытки организации в стране подобия киевского Майдана. Через два года Саакашвили будет жевать свой галстук, когда Россия вступится за Южную Осетию.

В Эстонии принят закон, приравнивающий советскую символику к нацистской. А в Крыму состоялся референдум по поводу возможного вступления Украины в НАТО. Вопрос звучал так: «Согласны ли вы

с политическим курсом президента Виктора Ющенко на вступление Украины в НАТО?» Явка составила 59 процентов. Почти все из пришедших (98 процентов) высказались против интеграции с альянсом.

Будто две волны столкнулись тогда. Старая, еще в своей мощи, но уже готовящаяся откатываться назад. Движущаяся во многом по инерции, но уже растерявшая внутреннюю энергию. И новая. Еще только в прелюдии, в своих предощущениях. Совершенно не оформленная и смутно представляемая, но уже откуда-то из глубины набирающая свою энергию. Наверное, так ставилась точка на эпохе безвременья.

В тот же год, к примеру, вышел посмертный сборник отечественного мыслителя Александра Панарина «Правда железного занавеса». Он – уроженец донбасской Горловки. Сейчас подобное географическое указание имеет особенное значение, ведь именно с сопротивления Донбасса и началось возвращение отечественной истории.

В книге, например, содержатся рассуждения ученого о новой мировой войне, начатой Америкой. О том, что посткоммунистическую Россию Запад «ненавидит и презирает больше, чем Россию коммунистическую». Получается, что «истинный порок России», по мнению Запада, заключается в «исконном историко-культурном содержании».

«Вслед за исчезновением СССР моментально выступила из тени зловещая архаика, казавшаяся преодоленной: колонизаторский Запад и колонизируемый Восток», – писал Панарин. Он также отметил, что теперь навязываемая система демократических ценностей стала требовать «социально-политической и культурной капитуляции».

В книге есть и любопытные рассуждения по поводу того, что «СССР был силой мирового плебса, вынуждающей привилегированных прятать свое расистское лицо». В этом плане разрушение Союза стало «просвещенческой контрреволюцией», призванной поставить плебеев на их место. Тех, кто претендовал на роль «суверенных хозяев страны», «выбросить из системы образования и приучить мыть машины богатых людей». И понятно, что 24 февраля, начало российской СВО, стало реакцией и на эти процессы. Современная Россия начала возвращать себе роль, которую выполнял СССР на мировой арене, то есть становится голосом и силой этого мирового плебса. Она ведь и сама метис, ее саму всегда упрекают в азиатчине, оттого и не суждено попасть в круг белых господ. Лицом не вышла.

«Судьбы нового противостояния века вершатся в России», – писал Панарин. Все дело в ее культурной традиции, «не сломив сопротивление которой население евразийского хартленда нельзя превратить в человеческую массу, лишенную настоящего достоинства».

* * *

«Санька» – зачем Санька, почему? Отчего это «я» на конце?

Почему не Санька? Простонародное оригинальничание? Намек на свое «я» и манифестация индивидуализма?

Ошибка? Через оптику этой ошибки ведь также можно трактовать и текст, и время.

Почему это «я» на конце?

Тем более что и сам автор отмечал, что имя у его героя могло быть каким угодно. Хоть и Данилой. Впрочем, Данила уже был у Балабанова.

Но только не Григорием. Уж слишком нарочитым был бы посыл к Григорию Мелехову.

Есть же у Вячеслава Кондратьева военная повесть «Сашка». Тут был бы «Санька».

Но Санька... язык сломаешь, пока привыкнешь. Особенно в самом начале казалось диковатым названием.

Так деревенский дед и бабушка называли главного героя. Отпечаток поколений в имени и судьбе. Где «я» вписано в родовую память, включенную в семейную и историческую преемственность. Как отражение в зеркале.

Но важно также и то, что через это имя-название с необычным, по крайней мере не привычным звучанием Прилепин навязывает свою повесть. Учит повторять за ним. Немного отторжения, но быстро привыкается и уже воспринимается за свое.

Как, казалось бы, легко подфартить читателю и дать ему привычное, как советский одеколон «Саша». Но здесь – вызов. Прилепин, будто заявляет: я пришел и буду устраивать здесь свои порядки. Речь не о своеволии, не произволе и эгоцентризме. Это не столько им нажитое, от стариков. Они так зазывали, будто одаривая теплом из русской печки.

Да, и еще самое очевидное: Александр – победитель. О Победе речь, как о субстанциональной единице отечественного бытия. О предощущении ее.

* * *

Так часто бывает: не видел человека годами, но стоит вспомнить, а он уже тебе звонит или встретился случайным образом. Да и не раз, а будто так надо было.

Начал писать про книгу, и вскоре пришла новость, что указом главы Луганской Народной Республики Захар Прилепин награждён знаком «За гуманитарную помощь».

«Для меня история борьбы Луганской области, луганского народа – в самом широком смысле – за свободу, она стала личной историей. Уже летом 14-го занимались гуманитарными поставками. И первые год-полтора войны я в основном провел здесь – не в Донецкой области. <...> Для меня история Донбасса начиналась с Луганска. И здесь я познакомился с лучшими своими товарищами, ополченцами, многих из которых уже нет с нами», – отметил Захар Прилепин.

Да, через месяц после начала работы над книгой – 6 мая 2023 года произошло покушение: Захар чудом выжил, погиб Александр «Злой» Шубин. Он родом из Луганска. Саша, Санька, Санька.

«Они называли себя союзниками»

«Я люблю экзотические народы. Самые невероятные физиономии доставляют мне удовольствие, я бы с удовольствием предводительствовал наиболее дико выглядящими отрядами», – писал Эдуард Лимон в «Книге воды».

Таких он и собрал, и вывел на арену истории. Парадоксальных, диковатых, плохо вписывающихся в новые российские реалии.

В этих молодых «парадоксальным и органичным образом соединилось “левое” и “правое”, “анархистское” и “консервативное”. Глобализм и либеральное двуличие мы ненавидели как чуму», – писал Прилепин

в эссе «О себе». Он также добавлял, что «нацболов*», опередивших время на двадцать лет, большинство воспринимало тогда как маргиналов и дикарей. Страна на тот момент была по большей части аполитична и варилась в русофобской и антисоветской похлебке, не замечая этого».

В том эссе было и еще одно важное замечание, касающееся отношения самого автора к государству, которое проявится и в образе главного героя книги: «Неприятие происходящего в стране никогда не означало в моем случае отрицание государства как такового». Не впускал в себя дух того самого нигилизма, который тогда привел к повсеместной аполитичности, апатичному фатализму, а также давал большой простор для русофобских и антисоветских разрушительных вихрей, которые чувствовали себя хозяевами в стране. Выметали из нее все, включая коренную цивилизационную сущность.

«Наглые и злые юнцы» в романе – члены организации «Союз созидателей». Противники, пытаясь оскорбить, будут их именовать, исходя из аббревиатуры – «эсэсовцами».

Сами же «они называли себя союзниками».

Такой же вызов и слом стереотипов был в первой составляющей названия лимоновской партии, отчего злопыхатели именовали нацболов фашистами (можно вспомнить бывшего функционера Бориса Якеменко, который уже в наши дни выплыл из небытия, чтобы продолжить бороться с лимоновцами на грани навязчивой мании).

«Фашисты» – такое клеймение стало расхожим, особенно после октябрьских событий 93-го года в Москве. Оно употреблялось в знаменитом воззвании либеральной интеллигенции «Раздавить гадину!» До этого еще в перестройку выстраивался синонимический ряд: «совок» – агрессивно-послушное большинство – красно-коричневые. Так в том числе производилась смена иерархий в обществе, а народ выдворялся на маргинальную периферию и таким образом переставал восприниматься в качестве субъекта истории.

«Национал-патриотизм потому и стал бранным словом российской демократии, что ей вменена реколонизаторская роль – отдать страну на откуп тем, кто лучше “этого” народа», – писал отечественный мыслитель Александр Панарин. Понятно, что этому проекту должно было нарастать внутреннее сопротивление внутри страны.

«Союзники» – «поначалу бессмысленное, слово обрело со временем плоть, и звучание, и значение».

Какое?

Что созидают? Особенно, когда их упрекают в погромах, что ломают не ими построенное.

Или это коллективный жест и энергия сродни той, которая проявилась у Саши Тишина на его заросшем пляже детства?

Своеобразный голос и порыв нации, который необходимо только чуть подтолкнуть, направить?

«Партийцы приживались и разводились как бактерии везде – в тайге, тундре, степи... Были совсем узкоглазые “союзники”, были чернокожие, чеченцы были, евреи», – пишет в романе Прилепин.

Совершенно удивительная структура, неконъюнктурная, идущая против течения и общей инерции. Тот самый вызов обществу или попытка его пробуждения.

* Национал-большевистская партия (НБП) запрещена в РФ.

Подобие Ноева ковчега в ситуации глобального потопа отечественной цивилизации и противостоящего этим водам: «...Среди “союзников” имелись удивительные особи вроде капитанов дальнего плавания, бывших кришнаитов, рецидивистов и даже один космонавт наличествовал».

«Союз» – это и отсылка к разрушенному Советскому Союзу, и своеобразное противостояние инерции хаоса, смуты. Лимоновская партия основана 1 мая 1993 года. От крушения большой страны – совсем ничего, еще меньше до октябрьской трагедии в Москве.

«Советский народ проходит через период хаоса именно по причине того, что, соблазненный чужим богатством и процветанием, он засомневался в себе и потерял духовную мужественность», – писал Лимонов в «Убийстве часового». Эта «духовная мужественность» и наполняет «союзников», делая их непонятыми обществом, гонимыми. Время показало и во многом пророческий характер их деятельности.

Но главный посыл состоял не в реставрации, а в сохранении главных отечественных цивилизационных кодов, которые подменялись повсеместным «Макдональдсом». Это и территории: русский Крым, русские земли в Казахстане, за что сам Лимонов и попал в саратовское заключение. Защита исторической справедливости: русских ветеранов в Прибалтике. Изменение подлых нравов: от «приветов» олигархам и буржуйству до мечты «сменить в стране власть гадкую, безнравственную, лживую».

Это была Россия молодая, пробивающаяся через плотный слой нового асфальта, отменяющего здесь все прежнее. Россия, которая непрерывно пытается самоидентифицировать себя: кто и для чего мы? Пытается вспомнить, обратиться.

Мало того, с пониманием долга и ответственности, ведь «никто, кроме “союзников”, не собирается ничего делать». Речь шла о задании одному из героев книги Негативу захватить смотровую площадку башни в центре Риги в знак протеста против уголовного преследования русских ветеранов. Своеобразное символическое изгнание темных сил, как в финале советского фильма про Электроника:

Бьют часы на старой башне,
Провожая день вчерашний,
И звонят колокола.
Провожая день вчерашний,
Бьют часы на старой башне.
Будет, будет даль светла

И на самом деле – это были колокола пробуждения, для страны, практически уже забывшей себя

* * *

В творчестве Захара Прилепина есть и антипод «союзников» – «недоростки» из «Черной обезьяны». Выходцы из стихии «недобытия». Из тех самых вод потопа.

Во вставной новелле в «Черной обезьяне» «недоростки» в возрасте от семи до семнадцати осаждают город. Их отцы «мягкие, как гнилые яблоки». Хоть «недоростки» не умеют воевать, но у них нет страха.

Отряд детей-наемников, этаких манкуртов, убивает всех подряд взрослых. Устраивает своего рода пустыню, прерывают цивилизационную связь с прошлым.

Как отметил сам Прилепин в одном интервью, это дети, «изуродованные аморальностью мира». Сам окружающий мир настраивает их на категорический отрыв от корней, на полную зачистку прошлого, которое воспринимается в качестве балласта.

Старый дом отринут и оставлен. Вместо него строится новый – «Дом-2» или «город любви» – манящая иллюзия. С 2004 года телевизионное ток-шоу с таким названием стало главной школой жизни для молодых.

Эту бесконечную осаду града отечественной цивилизации и можно было наблюдать. Она грозилась зачистить все до основания. До состояния того самого «недобытия». Что и произошло, например, с независимой Украиной.

Производился мир «недо», мир подмены и выверта, который в перспективе и должен был обнажить свой меч против отечественной цивилизации.

Писатель фиксировал разрастающуюся стихию черного. Обезьяна – трансформация человека, теряющего человеческое, становящегося своей карикатурой. Во вставной новелле о взятии города в книге есть рассказ о прекрасной знатной рабыне, которая скоро «перестанет стесняться себя и будет вести себя хуже, чем обезьяна». При определенном допущении в подобном контексте можно было бы рассуждать, например, о Ксении Собчак. От «блондинки в шоколаде» до «голой вечеринки» она и демонстрировала поведенческую модель, когда человек переставал «стесняться себя». Действовала индустрия недоростков, замаскированная под гламур и мечты о красивой и беспечной жизни.

* * *

«В чем, собственно, состоит идеология “Союза созидателей”, понять сложно. Чего хотят Саша (Санька) и его друзья-“эсэсовцы”? Каковы их идеалы? Честно говоря, прочтя роман Захара Прилепина, я их так и не понял. “Эсэсовцы” не любят безжалостную и циничную власть? Несомненно. Им неприятен буржуазный мир, общество потребления им кажется пошлым? Да, наверное. Но этого мало», – задавался вопросом на страницах «Нового мира» (№ 10, 2006) Сергей Беляков.

Критик продолжает, пытаясь ответить: «Для “эсэсовцев”, сторонников Костенко (и, видимо, его прототипа – Савенко-Лимонова), революция – цель и смысл жизни, а бунтарь-революционер – единственно достойная форма существования человека».

В итоге диагноз поставлен такой: «стихийный анархизм, очень радикальный и очень наивный». Рядом и приговор: «борьба “эсэсовцев” может окончиться только гибелью». Бунт ради бунта, бессмысленный и беспощадный, тот самый топор, противоположный иконе. Энергия разрушения, оппонирующая созиданию, или все-таки, наоборот, – защитный механизм цивилизационного организма?..

Любопытное наблюдение делал Беляков и по поводу смены «интеллектуального климата эпохи». Он отмечал, что либералы стали искать себе временных союзников среди «радикалов». Отсюда и определенные симпатии к нацболам и попытки заигрывания с Прилепиным. Увидели в них тех самых «недоростков», которых можно использовать в своих целях? Еще бы: стихийная необузданная сила и якобы без четкого понимания, как ее можно применить, без внятных целей.

Надо сказать, что тогда главный по культуре Михаил Швыдкой не скупился на похвалы «Саньке». Отмечал, что это «очень сильный

роман» и говорил о полезности экранизации (правда, после публикации «Письма товарищу Сталину» он отказал Прилепину в звании русского писателя).

Хвалил роман и известный либеральный писатель Александр Архангельский (признан в РФ иноагентом), отмечавший, что Прилепин «писатель – прекрасный. Вменяемый, умный, тонкий». И приводил свои слова, сказанные Захару: «Я вашу политическую идеологию не уважаю, ненавижу. Но вас как писателя уважаю. Это разные вещи. Надо разделить». Схожим образом и советник Безлетов разговаривал с Сашей Тишиным. После 2014 года Архангельский (признан в РФ иноагентом), как и многие другие либеральные деятели, стал утверждать, что Прилепин закончился в качестве писателя.

«В нацболах (в прилепинских “эсэсовцах”) заключен кристаллизованный, очищенный до предела нонконформизм, которого еще со времен Чернышевского придерживалась немалая и, я полагаю, не худшая часть нашей интеллигенции. Нацбол способен совершить такое, о чем нормальный интеллигент-нонконформист, не важно, либерал он или почвенник, только мечтает. Мне кажется, что нацбол, швырнувший в бесстыжего министра или прокурора банку майонеза, вызывает уважение и зависть у наших оппозиционеров», – отмечал Сергей Беляков.

Впрочем, анархизм и антигосударственный характер деятельности тех же «союзников» – это, скорее, поверхностный взгляд, исходящий из позиции, что у них нет никакой программы, поэтому всегда можно переформатировать под необходимое. Дальнейшее развитие событий показывает, что это был вовсе не бунт ради бунта.

Тот же Прилепин никогда не был анархистом и сам о себе говорит как о государственнике. Или пример: Эдуард Лимонов. События после 2014 года показали, что он вовсе не ненавистник государственности, как его пытались выставить оппоненты. Оставаясь критиком власти, в определенной мере сплотился с ней, в том числе по теме Украины. Тогда стало понятно, что многие тезисы, казавшиеся маргинальными в девяностые и в нулевые, в дальнейшем стали восприниматься в качестве предвосхищения развития событий отечественной истории, ее регенерации.

Понятно, что подобная позиция, особенно Захара Прилепина, не могла не остаться порицаемой со стороны фанатичных сторонников протеста ради протеста, эстетики стихийного бунта и так далее. Таковы, например, главные претензии к нему, сформулированные Романом Сенчиным в повести «Помощь».

Это противоречит и тому, что писал Беляков, говоря о «союзниках», что их удел – «вечная оппозиция». Так хотелось бы думать, тем же либералам, примечавшим и желавшим использовать их для собственных целей. Как, например, на киевском майдане, где произошла спайка либералов-западников с радикалами и националистами. Именно так создавалась и разрушительная энергия перестроечных лет.

* * *

«Я написал роман “Санька” о проклятых бунтовщиках», – это из колонки Захара Прилепина «Кого люблю, того не милую» (октябрь, 2023), где он признается: «люблю проклятых». Это смутьяны, возмутители спокойствия. Своевольные, которых не загнать под тот или иной стандарт. Поперечные.

По его словам, это осознание пришло, когда очнулся после покушения.

Писатель выстраивает генеалогию всех этих проклятых: «Из всех древнерусских князей в раннем детстве более всего я почему-то любил Святослава – язычника, дерзкого хищника, поперечника матери своей.

Подростком я читал всё, что написано на русском языке о смутьянах: Болотников, Разин, Кондратий Булавин, Игнатий Некрасов, Салават Юлаев и Пугачёв значили для меня больше, чем все эти мушкетёры, все эти сыщики с Бейкер-стрит.

Старица Алёна была мне несравненно интереснее и понятнее Жанны д'Арк.

С детства я болею Есениным с его неотступной тягой к суициду, с его исповедью пугачёвского подельника Хлопуши, с его бесконечной болью, которой нет и не будет конца.

Любимым моим писателем был сначала Аркадий Гайдар с его «мне снились люди, убитые мной в детстве», а следом я набрёл на томик военных рассказов Всеволода Гаршина – и заболел им, его судьбой. Гаршин был солдатом. Ещё он был самоубийцей. Ещё он был сумасшедшим».

Вспоминает Аввакума, отлученного от церкви Льва Толстого. Из современников в этот ряд вписываются ополченцы, которых он знал и про которых написал: Арсен Моторола, Саша Злой, Александр Захарченко, которых «полюбил в конечном итоге за то, что собственное право на рай было однажды выброшено ими, как скомканный билет в кино, которого они не увидят, потому что у них нашлись в тот вечер другие неотложные дела».

«Союзники» и Саша Тишин – также из этой человеческой породы, у них масса других неотложных дел, нежели благопристойное поведение с оглядкой на многие обстоятельства.

«Я люблю эту вот воплощённую в живых людях муку, за которой почти не угадывается свет. Но я хочу его увидеть», – писал в той колонке Прилепин. Свет вообще крайне трудно разглядеть, но уж что совершенно точно, в этих людях нет внутреннего гноя и там не копошатся черви. Они живые, хоть и жизнь их обрывчатая.

Они живут будто «поедая собственную душу», как кинул в финале Саша Тишин советнику Безлетову. И эти души питают страну: «не праведниками живет, а проклятыми». Это слова все того же Саши Тишина. Себя он и называет «проклятым».

Близка и модель поведения православного подвижника, воспринимающего себя многогрешным, использующим формулы самоуничтожения. И это вовсе не поза, чтобы закрепиться в агиографическом каноне. Христианский канон так и формировался – у самого края ересей, в сражении и диспуте. Так и отечественная традиция – на грани еретического.

Вот у того же Тишина жизненный путь был крайне далек от сусальности, но он достает нательный крестик, положил его в рот. И дальше – откровение, что «ничего не кончится».

И в этом, безусловно, слышится евангельское: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее...» (Мф. 16:25).

В своем толковании на эту фразу святой Кирилл Александрийский писал, что сбережение души здесь – есть ставка на жизнь земную и временную, которая становится главной аксиологической величиной

для человека. Линию тут можно продолжить: сбережение – это и примирение с существующим положением дел, нравами, с кривдой и отсутствием справедливости. Достаточно всего лишь закрыть глаза, не обращать внимания, вписаться в существующие реалии, принять их, как это и делает в романе Алексей Безлетов.

* * *

Уже в 2006 году критик Павел Басинский зафиксировал очевидную ассоциацию с Максимом Горьким и его романом «Мать». Тогда он опубликовал в «Российской газете» рецензию на роман под заголовком «Новый Горький явился».

Все ждали нового Толстого и Достоевского, но хоть так...

Басинский проводил аналогии с романом «Мать», который, по его словам, интересен лишь «в контексте своего времени».

Критик отмечал, что «образ несчастной, затравленной, тяжело работающей за гроши женщины, не понимающей революционные устремления сына, пожалуй, действительно самый сильный в романе». Впрочем, до Ниловны не дотягивает (хотя в реальности прототипа прилепинского героя отчетливо прослеживается линия «отец – сын», но об этом позже).

Другие очевидные аналогии – новое племя революционеров. Отличие обозначает в ощущении безнадежности: «роман пронизан этой ужасающей смертной тоской молодых людей по “честным” поступкам в атмосфере всеобщей лжи».

Да, и еще Басинский настаивал, что главное стремление прилепинских революционеров – погибнуть. Этакие камикадзе.

В главном государственном печатном издании Павел Басинский рекомендовал власти ознакомиться с книгой, чтобы лучше понять молодое поколение. После проходила информация, что Владимир Путин читал роман. Насколько это соответствует действительности, сказать сложно.

«Закончив его читать, с грустью думаешь: Боже, неужели сто лет ничему нас не научили? Неужели мы снова повторяем исторический виток, только в еще худшем качестве? Неужели все эти Павки и Саньки так и будут расшибать себе лбы в кровь под руководством “великолепных” вождей?» – делал вывод критик.

В свою очередь, Александр Проханов ставил в заслугу автору «Саньки», что он описал «слой новой пассионарной молодежи, очень жестокой, очень жертвенной, очень циничной и идеальной одновременно с этим». Явление, которое «шире лимоновского движения».

По его мнению, Прилепин показал, что нарастает количество молодых людей, способных умереть за страну: «Покойный Зиновьев, когда он вернулся в Россию, сказал, что если бы в стране нашлось десять тысяч человек, способных умереть за Родину, то не было бы ни ГКЧП, ни ельцинской революции. В России тогда не нашлось такого количества подобных людей». Как отмечал Проханов, Прилепин показал, что «их количество сегодня нарастает. В России появляются люди, готовые умирать. Это люди войны».

Ополченцы. Защитные силы цивилизации собирали и готовили их загодя.

Эту последнюю формулировку необходимо зафиксировать: «люди войны», будто симптом пробуждения, постепенной мобилизации иммунной системы страны, готовящейся к защите.

«Литература Пятой империи – это уже реальность существующего дня, от которой никуда не уйти», – писал сразу же после выхода романа критик Владимир Бондаренко в статье «Литература Пятой империи как мост в наше время». По его словам, в литературе наступает «время новой государственности».

Бондаренко отмечал, что уходит период безвременья: «Отжившее поколение уже сейчас поражает пустотой и бессмысленностью своего существования, животной жестокостью в борьбе за выживание. Никаких нравственных, духовных или религиозных целей».

Он также не смог удержаться от аналогий с Горьким и отметил, что «роман молодого нижегородского прозаика Захара Прилепина “Санька” может стать для поколения своеобразным манифестом социального поведения, новым вариантом “Как закалялась сталь” в новых условиях, с новыми общественными проблемами, но с проповедью всё того же отчаянно русского героического максимализма».

Битвы с новыми реалиями

Все начинается с митинга. С бросающегося в глаза красного.

Противопоставленного серому («красное мелькало вблизи» – «серое стояло за ограждением»).

За серым в зашторенных автобусах кто-то «ждал возможности выйти, выбежать, сжимая в жестком кулаке короткую резиновую палку, ища кого-нибудь ударить с оттягом и наповал».

Красное согнано за то самое ограждение серого.

«Как чумных собрали...» – замечает прилепинский герой.

«Красно-коричневая чума» – устойчивый еще с перестроечных лет штамп. В годы безраздельного торжества демократии его стали навешивать на оппозицию. После для простоты сократили до «русских фашистов», которые стали символом не только темной стихии в народе, но и поворота в прошлое, что якобы неминуемо должно было лишить любых надежд на будущее.

Перестройка трактовалась как революция. Новые реалии развертывались революционно с установкой разрушения до основания всего прежнего.

Теперь в чумной резервации находились выглядевшие «дурно и бедно». Немолодые, раздраженные. С портретами вождей. Отвергнутые новыми реалиями, выброшенные на обочину, но сохранившие память о былой стране.

Я куплю себе портрет Сталина

Три на три

В подсобке закрытого на вечный ремонт музея...

Это строки из стихотворения Захара Прилепина. Действительно, резервация, из которой создали образ маргинального, походила на музей, подобие фольклорной деревни. Без перспектив в настоящем. Только вечный и нескончаемый ремонт, как вывеска.

Эти «печальные сходки» вписались в календарь постсоветской реальности и воспринимались за что-то типическое. Их будто объездили и усмирили. Сделали декоративным и безобидным. Или грустным образом для запугивания: смотрите, вы этого хотите, хотите возврата?!

«За минувшие со времени буржуазного переворота годы митингующие окончательно остарели и никого уже не пугали», – констатируется в романе.

Но так, конечно, было не всегда. Буквально через два месяца после того самого «буржуазного переворота» в Москве демократические власти жестоко разогнали митингующих, объявленных «красно-коричневой чумой». Показательно давили. Еще через полтора года полилась кровь...

* * *

Митинговые страсти были важной чертой позднесоветского времени.

В своем романе «Однажды в России» писатель Анатолий Салуцкий отмечал, что в годы перестройки уличные протестные действия, улица стала действенным оружием, тараном разрушения, она «превратилась в курок политического ружья». Это было время манипуляции массами и помутнения умов.

Салуцкий описывает внушаемую и управляемую толпу, ставшую деятельным перестроечным субъектом: в «случайных, легковозбудимых, а подчас экзальтированных людских множествах причудливо перемешались искренние и честные порывы, растерянность далёких от политики обывателей и озлобление, нетерпение тех, кто жаждал скорых перемен, политический карьеризм и тайные умыслы».

Апофеозом улицы стал 91-й год.

Тогда митинговали много и обильно по поводу денежной реформы, событий в Прибалтике, за сохранение Союза и введение поста президента России и в поддержку Ельцина, а также за бастующих шахтеров. Протестные митинги стали неотъемлемым атрибутом прихода новых реалий. Демократы против коммунистов, Ельцин против Горбачева. Точку в тех противостояниях поставили события августа и победа «демократических» сил. После людей пугали мощной социальной опорой, которая есть у гэкачепистов в стране, тем, что «темные» силы пойдут на реванш и вознамерятся повернуть историю вспять.

Страна была погружена в митинговую какофонию, в которой никто никого не слышал. Общество оказалось разобщенным на многочисленные кучки, соединяло которые только одно: особая страсть «разрушить все и начать жить сначала. Так было много раз». Это отметил герой романа Эдуарда Лимонова «Иностранец в Смутное время», побывав на митинге в парке Горького. На ум ему приходят аналогии со Смутным временем и февральский 1917 год.

Шум и многоголосица с одной стороны, а с другой – пустота, обрыв.

А затем был разлом августа 91-го, когда власть в стране стала синонимом хунты. В том августе обозначились и победители, посрамившие символ советской власти – танк, и свою победу упускать из рук они не планировали. Тот разлом был зафиксирован в Беловежской пуще в декабре. В конце года повянет и опадет красный флаг на Кремле. Занавес опускался анекдотом, озвученным сатириком Михаилом Задорновым, поздравляющим людей с наступлением нового, неведомого и страшно-го: «Пролетарии всех стран – извините».

Новые реалии наступили очень скоро. Извиняться уже никто не собирался.

«В столкновениях с омовцами пострадали 65 демонстрантов (по данным “Трудовой России”) и 21 страж порядка (по данным ГУВД).

От сердечного приступа скончался участник шествия 70-летний ветеран войны генерал-лейтенант Николай Песков», – так журнал «Коммерсантъ – Власть» рассказывал о событиях 23 февраля 1992 года в Москве.

Это был первый митинг после распада СССР и первый, когда к митингующим, среди которых было много ветеранов-фронтовиков, была применена сила. Новая власть принялась себя защищать, пугая общество возвратом. Она и сама еще едва ли была уверена в своих долгосрочных перспективах.

В этом же издании выходил материал с заголовком «Манежная, 23 февраля: КПСС вышла из окопов, но в атаку не рвется».

Годом ранее, 23 февраля 1991 года на Манежной площади состоялся митинг в защиту Вооруженных Сил СССР и в поддержку целостности Союза. Тогда отмечалось, что на нем было до 250 тысяч человек и коммунистам впервые удалось собрать столь массовую акцию. Напомним, что 17 марта пройдет референдум о сохранении Союза. Перед этим 10 марта демократические силы собрали на Манежной площади митинг в полмиллиона человек.

Говорилось, что на митинг 23 февраля 1991 года вышли рабочие предприятий, ветераны и военные: десантники, курсанты, училищ, слушатели военных академий. Звучали лозунги за единство Союза. На трибуне был лидер коммунистов РСФСР Иван Полозков, первый секретарь МГК КПСС Юрий Прокофьев, председатель КГБ СССР Владимир Крючков.

Митинг 23 февраля 1992 года запретил мэр Москвы Гавриил Попов, избранный 12 июня 1991 года (в тот день Борис Ельцин стал президентом РСФСР). Столичный градоначальник сослался на то, что может произойти столкновение различных сил. Этот запрет опротестовала сессия Моссовета, что было проигнорировано.

«450 грузовиков, 12 тысяч милиционеров и 4 тысячи солдат дивизии им. Дзержинского заблокировали все улицы в центре города, включая площадь Маяковского», – сообщал «Коммерсантъ».

Начальник ГУВД Москвы Аркадий Мурашев выступил с угрозой применения силы. Он обещал, что «ни один красный не пройдет».

Распоряжение о применении силы отдал премьер правительства Москвы Юрий Лужков. В его кабинете действовал «антимитинговый штаб».

Все логично: демократия готовилась защищаться.

«Антизаконные действия красно-коричневых были пресечены законным образом», – публиковала газета «Куранты» слова мэра Гавриила Попова.

Со стороны митингующих звучали советские песни, «Вставай, страна огромная...» Планировалось возложение цветов к могиле Неизвестного солдата.

Журналистка Светлана Гладыш позже рассказала, что омовцы до полусмерти избивали отца ее знакомой, вырвали медаль за освобождение Будапешта. После жестокого разгона митинга оппозиционные газеты назвали действие «кровавым воскресеньем» и писали по поводу особой жестокости по отношению к пожилым людям, которые воспринимались символом прежней системы. С другой стороны говорили о предотвращении попытки «коммунистического реванша». Митингующих называли сталинистами и «красно-коричневыми».

Бытовало мнение, что санкцию на разгон дал президент Ельцин. Задача состояла в том, чтобы отбить у людей охоту выходить на протестные

мероприятия. Начался период жесткого противостояния, который и привел к октябрьским событиям 1993 года.

В какой-то мере это было и вымещение соответствующих эмоций или отложенная реакция за август 1991-го. Ведь тогда после победы «демократически сил» остро стоял вопрос гонений по отношению к проигравшей стороне, говорилось о сильных позициях коммунистов в стране и что они еще проявят себя и попытаются установить свою диктатуру.

Шоковая терапия требовала радикальных действий. Так начиналась новая эпоха, которая с особой силой проявила себя в октябре 1993 года.

Народный депутат России и член Верховного Совета Илья Константинов позже рассказывал, что «это была первая столь массовая акция, обозначившая очень серьезный кризис, раскол в стране. Она показала, что нас ожидают драматические события. До 23 февраля 1992 года жестких разгонов массовых акций с использованием спецсредств в Москве не было. По крайней мере при Горбачеве».

Те события описал в своем романе «Убийство часового» Эдуард Лимонов, который был их участником.

Рассказал о них и Анатолий Салуцкий в книге «Однажды в России».

Вот как описывает он происходящее в февральской Москве: «у череды событий на Тверской был свой, заранее предначертанный сценарий. На пути людей, бежавших к Пушкинской площади, словно из-под земли вдруг выросла несокрушимая плотина из большегрузных “воронков”, набитых не арестантами, а омоновцами с автоматами “калашников”. С работающими двигателями, они стояли в засаде где-то около Глазной больницы и по приказу с верхов, не исключено, лично председателя Моссовета Попова – уж наверняка не без его ведома; кто возьмёт на себя вину за преступный приказ! – наглухо перекрыли Тверскую. Людской поток ударился о стальные короба и в замешательстве замер. Задние ряды бегущих сотнями человеческих тел начали напирать на передних, и лишь Господь уберёт их от гибели и увечий. Счастье, что никого не затоптали, хотя трагедия казалась неизбежной, кое-кто упал на мостовую».

Писатель отмечает, что «это была необычная толпа, не стихийно-бунтарская, не истеричная, не паникующая. Без чьей бы то ни было команды, без вожаков, сплочённая глубинным чувством солидарности, она осознала замысел чудовищной провокации, затеянной новой московской властью, осмелившейся учинить в центре Москвы преступную, смертоносную “ходынку”». В книге говорится, что на насилие пошли, чтобы «задавить оппозицию, запугать её, взяли святой день поминовения павших за Родину и решили показать “абсолютную силу”».

Общество наконец-то осознало, что произошло в августе в Москве, а затем в декабре 91-го в Беловежской пуще.

«Розовые парни машут дубинками, бьют, не разбирая. Падают под натиском толпы. Вскакивают, бьют ногами и дубинками упавших наших. Падает сбитый с ног старик. (Что ж ты не ушел, батя!) Сразу трое пинают растянувшееся на асфальте тело парня в голубой куртке. Лицо парня обильно окровавлено. Кровь и на асфальте. Тела, крик, визг женщин, хрипы и русская ругань. Меня вместе с обрывком нашей цепи, с пятью-шестью мужиками, выносит на них. Искраженные яростью лица», – описывал Лимонов происходящее.

Было и предчувствие того, что произойдет совсем скоро, через полтора года. Впрочем, тут не нужен был пророческий дар, все было

на поверхности, носилось в воздухе: «за первыми избиениями обыкновенно следуют первые пули и первые убийства».

При этом из митингующих делали образ абсолютного зла, демонизировали. Их именуют той самой «красно-коричневой чумой». Это были перестроечные традиции в их развитии. Торжество свободы и демократии. Да, но только свобода, применимая к своим, к единомышленникам, разделяющим определенные ценности. К оппонентам подход иной.

* * *

«Вы это строили, чтобы ломать?» – спросил милиционер у «союзников».

И, действительно, «город оказался слабым, игрушечным». Ломать его бессмысленное дело, ведь «внутри ничего не было – только пластмассовая пустота».

Можно вспомнить, что еще прохановский Белосельцев в романе «Красно-коричневый» наблюдал за тем, как его родной город изъедала болезнь.

Теперь по городу прошлись «союзники» и показали его пустоту.

«Вот ты говорил, город – сила. А здесь слабые все», – известная реплика Данилы Багрова из первой части знаменитой дилогии.

Об этих миражных декорациях позже будет писать Роман Сенчин в книге «Зона затопления». Где блеск и внешнее благополучие города-миллионника – есть мираж. Из-за яркого современного внешнего облика «трудно было поверить, что покрытые декоративной обшивкой стены гнилы, под фасадом – ржавые трубы».

Ответ на вопрос про «ломать» и «строить», пришел достаточно быстро. Герой романа Прилепина из Москвы приезжает в Нижний, а затем в деревню. «Вернулся в места, где вырос», что шукшинский Егор Прокудин, только без его скарба судимостей за плечами. Сюжет возвращения один. Пока отсутствовал, родное превратилось в чужое и чуждое.

«Дорога была изуродована и грязна» – «мелкий мусор, объедки, помои» – «постепенно погружаясь в неприглядность и запустение» – «ноги расплзались по грязи» – «из стойла не доносилось запахов жизни» – «тоскливо взглянул» – «улица была пустынна» – «деревня исчезла и отмирала», что отколовшаяся льдина, – почти совершившийся распад.

Бросался в глаза контраст: бабушка, сидевшая на лавочке «бесстрастно и неподвижно» и ребенок, хлеставший хворостинкой по луже. Как два измерения, практически не сочетающиеся на фоне общего распада. Отчужденные друг от друга.

Остановила, не дала убежать только память и бабушкин выдох: «Санька». Такой же теплый и родной, как ее каравайчики. А с ним и образы детства, прорывающиеся сквозь пустынность реальности.

Кто ломал вот это все – не пустое, не игрушечное, наполненное памятью и связью поколений?

Там – пластмассовая игрушка с пустотой внутри. Здесь – печать распада и заброшенности. Что остается? Как перебороть это пустотное чувство, нигилистическое, что ржавчина?

Поможет память. Знание об иной реальности, что все происходящее не приговор. Все можно исправить, починить, очистить. Он помнил.

Оружие разрушения

В самом начале романа есть фраза: «За минувшие со времени буржуазного переворота годы митингующие окончательно остарели и никого уже не пугали».

В постсоветской России было принято именовать переворотом Октябрь 1917 года. О том, что новая власть пришла в результате переворота, – об этом разговора практически и не было. Акцент делался на естественной и предобусловленной кончине Советского Союза, который якобы изначально представлял из себя нежизнеспособное образование. Хотя переворот – это и август, а также декабрь 1991 года.

В декабре 2022 года Захар Прилепин отметил: «Россия неизбежно однажды определит Беловежские соглашения как преступные и нелегитимные. Просто отменит их, и всё. И пусть весь мир живёт дальше с этим».

Тот декабрь был прямым следствием августа, спровоцированного в первую очередь деятельностью Ельцина, который в 1991 году развернул настоящую войну с союзной властью.

«Когда объявили о ГКЧП в 1991 году, я сказал: “Наконец-то! Почему так поздно?” Нужно было прекратить эту буржуазную революцию. Какой же это путч, очнитесь! Во главе стояли все руководители Советского государства – и председатель КГБ, и министр обороны. Это называется не путч. Путч – нелестное определение, которое приклеили к этому несчастливому исходу Советского Союза, захвату власти буржуазией. Те, кто называли это путчем, они и были путчисты – те, кто сумел добиться уничтожения СССР. В кармане у Ельцина тоже лежал российский паспорт, по закону это он путчист», – так о тех событиях в 2017 году писал Эдуард Лимонов.

Он также добавлял, что «та война не окончена, то противостояние и сегодня актуально. Борьба будет продолжаться». Она и продолжается, те же украинские события – ее эхо.

* * *

Советская перестройка, безусловно, поразила мир. Еще бы: все узнали новые русские слова, которым теперь не требовалось перевода. Все-таки давно такого не было: со времен покорения космоса. Союз вошел в моду.

В 1980 году улетал «наш ласковый Миша», и все пускали слезу. А через пять лет вернулся иной, как то самое проклятие.

В своей нобелевской речи в 1991 году Михаил Горбачев рассуждал о новом мировом порядке, который ставил в зависимость от успеха перестройки: «Мне представляется очевидным: будет успех перестройки в СССР – будет и реальная возможность строить новый мировой порядок. Сорвется перестройка – исчезнет и перспектива выхода к мирному периоду в истории, по крайней мере – в обозримом будущем». Таков был его ультиматум.

Перестройка уже окончательно и необратимо обернулась катастрофой. Еще немного, и Советский Союз прекратит свое существование.

Новый мировой порядок рвался наружу и демонстрировал себя атакой на Ирак.

Горбачев же рассуждал о том, что провозглашенная деидеологизация межгосударственных отношений «сломала многие предрассудки,

предубеждения, подозрения, очистила и оздоровила международную жизнь».

Эдуард Лимонов в своей «Анатомии героя» также писал о наступлении нового порядка и его проявлениях: «безжалостное уничтожение сотен тысяч иракцев, установка “нового мирового порядка”, превращение ООН в солдатско-садистский орден – орудие расчленения непокорных “мировому порядку” инакомыслящих стран на части. (Югославия тому пример.) Извращения демократии в России: жестокая “шоковая терапия”, от которой население корчится в агонии; тоталитарные, недемократические методы, которыми страну насильственно изменяют, не спрашивая массы, согласны ли они на изменения».

Там же Лимонов отмечал, что мы «подражаем сразу всей истории Запада, мы полностью потеряли себя, носим чужие одежды и думаем чужие мысли. У нас в одно время и 17 век, и 20-й, и средневековье, и современная гниль. Общество, как лоскутное одеяло из чужих лоскутов, отбросов чужой свалки».

При том, что нация – «духовное содружество – мистическая семья русских людей прошлого и настоящего. Нацию нужно выращивать из народа в тяжелой войне за выживание. Народ наш еле понимает, что он русская нация». Потому как ее разрывают на части. И параллельно с этим происходит наступление чужого: «раболопно следуя чужим теоретическим схемам, уничтожают страну и подвергают неслыханным испытаниям народы российской цивилизации. Нет, тут не политика, тут не экономические проблемы, тут чистая биология замешана, клетки, плазма. Они чужие России на уровне клеток» («Убийство часового»).

В «Лимонке в народ», помещенной в «Анатомию героя», вспоминает исторический «эпизод 1606 года, когда опальный патриарх Иов был вызван из Старицкого монастыря в Москву, чтобы отпустить грехи... НАРОДУ, присягнувшему на верность Лжедмитрию и зверски убившему за год до этого в июне 1605 г. юного царя Федора Годунова и его мать». Иов отпустил грехи, потом умер по дороге, а «через четыре года появился Лжедмитрий Второй, и народ, забыв о столах и слезах покаяния, присягнул ему».

Горбачев, Ельцин, народ, впавший в грех предательства. Прямая аналогия с современностью. Причем совершенно в православном ключе. К примеру, с началом российской спецоперации на Украине некоторые священнослужители вспоминали подобную историософскую логику и отмечали, что для народа во грехе есть два пути: покаяние, или Господь попускает войну, которая становится очистительной.

В «Убийстве часового» Эдуард Лимонов писал, что «поражает лишь бесстрастный темный взгляд Горбачева и полное отсутствие у него чувства вины. Зеро совести. Ноль-Человек, ответственный за физическое уничтожение великой державы, за десятки тысяч смертей в этнических войнах, за тотальное обнищание народное, аккуратно и скучно одет, с тщательностью обывателя-провинциала».

И это действительно удивляло даже по сравнению с Борисом Ельциным, который, уходя, все-таки произнес некое подобие просьбы о прощении. У Горбачева ничего подобного и близко не было. И с этой позой нераскаяния он и ушел в год российской спецоперации, что тоже достаточно символично.

Эдуард Лимонов отмечал, что сама перестройка родилась в 1983 году в Канаде, когда туда приехал будущий генсек и встретился с послом Александром Яковлевым – будущим архитектором разрушительного

проекта. Встретились и обольстились увиденной картинкой. Все из-за того, что Яковлев там наблюдал жизнь через призму своего статуса, из «окон посольского особняка». После эти окна в качестве идеала он и пытался перенести на советскую почву, которая казалась крайне недостойной их.

Вот так «Яковлев, знаток видов Канады из окон посольства и лимузинов, и Горбачев, посредственный, провинциальный функционер, – два слепца на ощупь и наобум стали перестраивать великую державу и ее политический строй. По западному образцу, которого они не знали!»

Отсюда и их перестройка получилась равносильной насильственному «установлению новой религии» или расколу. При этом «идея возможности перестройки – чудовищное заблуждение (людей, привыкших к неограниченной власти), основанное на полном игнорировании факта существования национальных характеров».

«Перестроить приказом, сломать русских назавтра в западных людей – невозможно. Подобная идея могла зародиться только в безграмотных мозгах тщеславных функционеров партократии», – отмечал Лимонов. Все это отягощалось тем, что в стране к тому времени был создан целый класс русофобов, отчужденных от нее людей.

* * *

В год выхода романа Захара Прилепина 1 февраля 2006 года 75-летний юбилей отмечал первый российский президент Борис Ельцин. В следующем году 23 апреля он скончается.

В год распада Союза ему было 60 лет. Типичный советский человек, карьера которого шла как по маслу, и ей не мешал даже авантюризм и экспрессивность Бориса Николаевича.

Он был нелеп. Шлейф нелепостей сопровождал его, создавая образ человека-анекдота.

Ушел «мухожуком» (знаменитая фраза отречения «я ухожу», невнятно произнесенную тяжело больным человеком). Приходил же «мыканием», как еще в девяностые в эссе «Квази» заметил писатель Владимир Маканин. По его словам, тогда народные массы и полюбили Ельцина за это его мыкание вместо слов.

Был публичный разнос на «партийном форуме-сборище». Маканин писал, что «люди смотрели, как недавний выдвиженец был ругаем и поносим прилюдно (массе впервые дали увидеть, вот он – ошибавшийся, падший). Он стоял и мыкал». При этом являя всю свою «беспомощность», за которую его и полюбили как страдальца.

Маканин полагал, что именно это «мыкание», когда не нашлось никаких слов, сделало Ельцина Ельциным. Произошла своеобразная инкарнация из всесильного партийного босса, большого начальника, страшного далекого от маленького человека, в такого, как все, в простого. Люди увидели модель поведения обыкновенного человека перед высокими сановниками. Увидели своего и после этого ему прощали многое.

«Он продолжал стоять на виду у всех, беспомощный, с поползшим в сторону, искаженным лицом, и говорил отдельные слова, если это можно назвать словами: “М-м... М-м...” – и более ничего. Легкая ирония позволяет заметить, что он как бы взывал именно к ММ, он умолял ММ – сделай меня, слепи меня, сотвори, молил он, и был услышан», – писал Маканин.

Танцы, невнятности и придурковатости, пьяные выходки, смеющийся друг Билл. Все это было продолжением того «мыканья».

Часто вел себя слоном в посудной лавке. Или как человек с молотком, орудя которым по гранате, в детстве лишился двух пальцев.

По словам Александра Проханова, судьба избрала Ельцина «оружием разрушения собственной Родины». Тот сам говорил о своей задаче «демонтировать коммунизм» и, в отличие от Горбачева, не боялся болезненной ломки.

«И где бы не появлялся этот пьяный дурной мужик, следом за ним двигалась прожорливая и веселая толпа потусторонних тварей, превращавшая жизнь городов и селений в сущий ад», – писал Проханов в романе «Красно-коричневый».

В своих «Записках президента» перед тем, как поведать о жутких октябрьских днях 1993 год, Борис Ельцин вспоминал, как в студенческие годы был на военных сборах в бронетанковых войсках. Его назначили командиром танка, а дальше со всеми вытекающими и в фирменной ельцинской стилистике: на учениях свернул в ров с водой...

«И танк рухнул туда почти вертикально. По инерции пролетели несколько метров и стали погружаться в воду. Вода ледяная», – вспоминает Борис Николаевич. Чтобы выбраться, изо всех сил жмет на газ, а танк «рычит, скрежещет». «Это ощущение ревушей, но беспомощной машины запомнилось на всю жизнь», – пишет Ельцин в своем дневнике. Выползли. Начальство не наказало, а даже благодарность вынесло «за то, что не растерялись. Такие дела...»

Быль это или выдумка – сейчас трудно сказать. Не исключено, что сюжет был необходим в качестве аллегории происходящего в стране и со страной, которую символизировал танк и которую в октябре 93-го года в Москве расстреляет танк.

В тех же «Записках президента» он писал о неразрывном единстве понятий «советский человек» и «советский танк». В октябре их противопоставили. Рычащий и одновременно беспомощный...

Рухнула Россия со всей дури в ров с водой, где стала совершенно беспомощной. Но ничего, Борис Николаевич сдюжит, мобилизует ее силы, вытащит.

Про свое купание в «ледяной воде» он пишет и в «Исповеди на заданную тему». Речь шла о знаменитом падении с моста 28 сентября 1989 года. Якобы его, идущего пешком, схватили неизвестные, надели на голову мешок и посадили в «Жигули», а после сбросили с моста в Москву-реку.

В детстве у него была забава скакать по бревнам, которые сплавляла по реке: «Наступишь на бревно, оно норовит крутануться, а чуть замедлил секунду – уходит вниз под воду, и нужно, быстро прыгая с одного бревна на другое, балансируя, передвигаться к берегу. А чуть не рассчитал – бултых в ледяную воду, а сверху бревна, они не позволяют голову над водой поднять; пока сквозь них протрещешься, воздух глотнешь, уже и не веришь, что спасен». Все это становится своеобразной метафорой жизненных трудностей. Так, если хотите, закалялась его человеческая «сталь», через это подобие «русской рулетки» на бревнах.

И еще о воде. В своем дневнике 3 октября 1992 года пишет, что «принимая решение, я бросаюсь как в воду». Без колебаний, не изводит себя сомнениями и прокруткой других возможных вариантов. Принял решение, а дальше – «максимально точно его исполнить, дожимать, дотягивать».

И опять заявляет, что не собирается анализировать, является ли подобное свойство его достоинством или недостатком. Рука уже давно не саднит, а фантомные боли не мучают. Перед «черным октябрем» впервые сомнения в правильности решения были, по крайней мере сам об этом пишет в дневнике.

Описывая, как на троих с Кравчуком и Шушкевичем соображали Беловежские соглашения в декабре 1991 года, пускается в рассуждения о том, что очень любит холодную воду, «даже, можно сказать, ледяную... Особенно здорово прыгнуть в прорубь после бани. Баня тоже моя слабость, но только не финская, русская. Это с детства».

Еще бы: 8 декабря 1991 года «был отличный зимний вечер. Стоял легкий морозец. Тихий снежок. Настоящий звонкий декабрь. В резиденции Председателя Верховного Совета Республики Беларусь мы собрались втроем: Шушкевич, Кравчук и я. Собрались, чтобы решить судьбу Союза». Практически предновогодняя идиллия.

Шушкевич «предлагал поохотиться, походить по лесу. Но было не до прогулок. Мы работали как заведенные, в эмоциональном, приподнятом настроении».

Вот если бы добавить в ту идиллию «напряженной» работы вот такое: «я по-мальчишески хочу обвалиться куда-нибудь в Беловежскую пущу и бить их, всех собравшихся там, голова о голову до полного остервенения». Это из эссе Захара Прилепина, обращенного к либералам «Достало» (2008). В нем он выводит образ стремительного ангела с черными крыльями, каковым он в мечтах представлял себя еще в детстве.

Отличный зимний вечер, морозец. А тут такое. Можно представить Саньку Тишина со своими «союзниками», вопрошающими: «Ну, как вы тут? Что вы тут? Что со страной замыслили?!» И на морозец, и в ледяную воду...

Эта акцептация на холодолюбии в стиле «здоровью моему полезен русский холод», конечно же, не случайна. Тут не только популизм и попытка заигрывания с массами, для которых холоденькой может быть не только вода, но и что погорячей. В этом есть и попытка сыграть в соприродность с русской стихией – холодом.

Тот самый «генерал Мороз» будто бы не только сопутствует Ельцину на его жизненном пути, но благословляет его замысел, реализованный в Беловежской пуще, который должен восприниматься в качестве реализации отечественного естества.

«Я хорошо помню: там, в беловежской пуще, вдруг пришло ощущение какой-то свободы, легкости», – писал Ельцин в «Записках президента», а еще он отмечал, что «это был не «тихий путч», а легальное изменение существующего порядка вещей». Схожее изменение порядка вещей через пару лет привело к трагическим московским событиям.

Практически в канун трагической развязки 93-го он создает «Президентский клуб» рыцарей ракетки и теннисного мяча. Клуб с уставом, членскими взносами. Там «можно позаниматься спортом, поиграть на бильярде». Девиз клуба – «СООБРАЖАЙ!» Ельцин мечтал, чтобы «и через сто лет в “Президентском клубе” будет так же уютно, как сейчас».

Это «соображай» звучит как тост...

Может быть, он на самом деле стремился только к этому уюту. Хотел, чтобы было свое и в собственности, чтобы можно было самому

распоряжаться. О чем сокрушался в «Исповеди на заданную тему». Возникали какие-то препятствия для этого уюта, и он становился тем самым слоном посреди хрупкой посуды.

«Общество соскучилось по спокойной жизни», – писал он после рассказа о создании клуба на фоне назревающей в Москве «драчки». Но тут же добавлял, что «безоблачное, ясное небо августа 93-го было обманчивым и ненадежным».

Элитный клуб, в мечтах существующий и через сто лет, символизировал для него как этот самый уют, так и «тенденцию к стабильности».

Кстати, его «Записки» завершаются небольшим рассуждением на тему «к чему ведет Ельцин?»

Ответ состоит в том, что он не ставит «глобальной стратегической цели».

«Спокойствие России и является главной целью этого беспокойного президента», – этими словами Ельцин ставит точку в книге, рассказ в которой хронологически завершается событиями «черного октября». В начале 90-х Россия совершила «гигантский прыжок в неизвестность», и теперь ее необходимо успокоить. Отсюда его образ, который пытается внушить – миротворца и примирителя, человека снявшего непреодолимую стену между властью и простым человеком.

Спокойствие в восприятии Ельцина связано и со сменой ценностной иерархии. По словам Бориса Николаевича, теперь «ценности частной, семейной жизни и в России выдвигаются на передний план». При этом он отмечает, что «государевой службе» уже не придается «священное значение». Вместо государственного человека делается ставка на частного.

Но как же быть, если мы имеем огромное государство, которое ранее непрестанно расширялось и контролировало вокруг себя пространство? Это расширение в конце концов, как рассуждает Ельцин, привело к противоборству «уже со всей западной цивилизацией» и к чувству стыда из-за этого.

Ельцин рассуждает о том, что «мы очень зависимы от этого пространства, этой необъятности, до мозга костей включены в нее». Как изменить сущностные основы, на которые давит огромность и живая имперская память, которые ведут, как трактуется, к катастрофе, к надрыву? Как обрести чаемое спокойствие в этих колоссальных пространствах?

По его мнению, география, история и особенности русского сознания произвели «вечный комплекс замкнутой на саму себя страны». То есть пространства не делают больше, свободней, а, наоборот, давят и сковывают.

И этот комплекс будет мучить до тех пор, «пока мы не осознаем свое место в новом мире», – рассуждает Борис Николаевич. По его мнению, прежний стыд от того, что страна является источником угроз, сменился стыдом за то, что «не знаем, куда себя деть», из-за чего «нас мучает какое-то ощущение пустоты».

Или вот Егор Гайдар в книге «Государство и эволюция» рассуждал, что территориальными приобретениями Россия загоняла себя в «имперскую ловушку». В силу этого она «попала в плен, в “колонию”, в заложники к военно-имперской системе», выступавшей в роли спасителя от внешней угрозы.

В качестве антитезы вспоминаются слова Николая Бердяева, делавшего акцент на том, что российская огромность провиденциальна:

«она связана с идеей и призванием русского народа. Огромность России есть ее метафизическое свойство». В конце XX века речь шла об изменении ее сущностной основы. Не просто обрезать бороды, и переодеть в европейские платья, и обучить изящным манерам, как при Петре, а сделать совершенно иную, европейскую страну. Возможно, нечто по модели ЕС.

Вот и отечественный мыслитель Александр Панарин в своей книге «Реванш истории» писал, что после 1991 года в России стратегия правящего западничества «сводилась к тому, чтобы “обменять” пространство на время – уменьшить размеры государства». Считалось, что, как и в ситуации с СССР, необходимо сбросить балласт республик-нахлебников, оптимизировать «костные» части страны, что якобы должно придать ускорение «формационному динамизму». То есть огромность пространств воспринималась тормозящим фактором перестройки, а затем реформ как наследие отечественного империализма.

«Реформаторы западнического типа постоянно сетуют на прямое сопротивление местного пространства, препятствующего переносу заимствованных на стороне образцов», – отмечал Александр Панарин.

Писатель Владимир Личутин считает, что русского человека формируют просторы и стремление к воле. Без простора он калека, безногий «самовар», лишенный способности к постижению дороги. Калечным, убогим можно сделать, если «лишить его просторов, обрезать их со всех углов». Расколы и производят такое лишение, выхолащивают и выстушают русскую душу. Делают человека маленьким, неспособным к пути и постижению дороги и пространств.

«Мы покоряли пространство, а оно столетиями выковывало нашу сущность под себя», – пишет Личутин. По его мнению, ширь пространственной стихии и энергия воли слились нераздельно и нерасторжимо в русском человеке. Поэтому «отними у русского человека его шири, его бескрайние пространства, и он скоро захиреет, припотухнет, и у него останется лишь два выбора: или сойти на нет, или двинуться в новый поход за самоустроением». Именно такая приватизация пространства и воли происходила в перестроечные времена.

Отсюда и два главных требования, которые предъявляются Сашей Тишиным к власти: «обеспечивает сохранность территории и воспроизведение населения». Территория – не просто география и квадратные километры, а субстанциональное тело цивилизации, в которой человек и пространства соединены слитно и нераздельно.

«Русская география и русская демография – вот что, так или иначе, позволит нам устоять, расширяться, не зависеть ни от чего», – сказал Прилепин в разговоре с Александром Прохановым в 2020 году.

* * *

Переломный октябрь Ельцин сравнивает с революцией и резюмирует, что «“октябрьская революция” 1993 года безуспешно завершилась». По его мнению, это была попытка развязывания гражданской войны – последняя.

Сами события октября 1993 года Борис Николаевич трактует в качестве мести империи. Он пишет: «бывшая империя не исчезает просто так. Она готовит нам все новые и новые катаклизмы <...> Империя мстит за свою гибель».

Отсюда и демонизация оппонента и интерпретация развернувшихся событий как проявления темных сил – «фашизма». Ельцин сообщает, что «у стен Белого дома прошли свое боевое крещение русские фашисты, боготворящие Гитлера и его идеи». Он настаивал, что цели у защитников Белого дома состояли только в том, чтобы громить и убивать, устроить знаменитый русский бунт. Все это перекликается с центральным воззванием тех времен «Раздавить гадину!»

Мало того, грозили не только внутренние потрясения, но и глобальные катаклизмы. Мстит империя, которая раньше «угрожала сообществу цивилизованных стран».

Поэтому и последнее имперское проявление, по мысли Ельцина, несло соответствующие угрозы: «Какие великие исторические решения должен был принять съезд, сидящий в Белом доме? Быстренько вернуть нашей Родине “былую славу”? Присоединить Крым к России? Объявить Молдавию, Грузию, Украину, Среднюю Азию, Прибалтику зоной исконно русских интересов? И сказать, что всех несогласных ждёт встреча с русским оружием?»

Борис Николаевич продолжает живописать ужасы, которые бы произошли в случае проигрыша молодой демократии: «куда более “смелые и решительные” люди ждали своего часа. Люди, которых обуревают жажда глобальной войны с западной цивилизацией. А началась бы эта война с войны внутри России, с местными врагами – со всеми, кто думает иначе, кто “прислуживал ельцинистам”. Война и террор стояли на нашем пороге, хотя мы этого совсем не ждали».

Исторический контекст выводит и на сравнение с 17-м годом, ведь неслучайно российский президент называет происходящее революцией и гражданской войной.

По его словам, «история повторилась. Но только теперь Россия оказалась умней». Так он обосновывает приказ стрелять. «Стрелять, чтобы спасти Россию», ведь в свое время «пропустили вооруженную толпу к Зимнему дворцу», – писал Ельцин в «Записках президента».

Здесь была «октябрьская» революция. Получается, что август 91-го был февральской, предательской и выбившей отречение у законной власти? Или Беловежские соглашения – аналогия с февральской?

Шла борьба с имперским. Уничтожалась сущностная основа отечественной цивилизации. Разрушалась историческая Россия, как многие отмечают по прошествии лет.

Александр Проханов в том же романе «Красно-коричневый» писал: «они рубили зародившуюся в недрах Союза “Русскую цивилизацию”, которая начинала завязываться и зреть, как эмбрион. Питалась великими открытиями советской науки и техники, русскими прозрениями о Боге и Космосе, благоговением человека к Природе, бережением Праматери-Земли. Все это было в нас, порой бессознательно, порой проявлялось в слове и действии. Начинался сложнейший синтез коммунистического земного строительства и религиозного порыва в непознанное мироздание. Среди социальной тишины и внешней неподвижности, как это бывает у беременной женщины, зарождалось новое земное устройство – “Русская цивилизация”».

Собственно, в этой отмене и состоял вектор новой идеологии, новой культурной политики, символом которой стало воззвание «черного октября» «Раздавить гадину!»

Параллельно с этим «куда более “смелые и решительные” люди ждали своего часа». В этом первый российский президент был прав.

Раздавить гадину! Манифест новых реалий

О событиях «черного октября» 1993 года в романе Прилепина упоминает коллега Безлетова Аркадий Сергеевич, который хвастается тем, что «на баррикадах был в одном приснопамятном году, среди прочей “красно-коричневой сволочи”». И по мне из танков стреляли». Важный человек при власти теперь обещал сквитаться за все это. Так пытался подыграть Тишину.

Реалии, которым противостоит Санька и «союзники», как раз окончательно оформились и вошли в силу в те октябрьские события. Были скреплены кровью. Тогда и прозвучал лозунг «Раздавить гадину!», ставший культурным и идеологическим манифестом новых времен.

Центральным определением в списке обличений оппонентов выступает «красно-коричневые». Не случайно роман, посвященный тем событиям, Александр Проханов назвал «Красно-коричневый».

Этот термин, происходящий из идеологического отождествления сталинизма и фашизма в годы холодной войны, широко использовался во время перестройки и затем в девяностые.

Приживалось тогда и понятие «враг перестройки» (в нем слышались очевидные отголоски выражения «враг народа»), «совок», «агрессивно-послушное большинство» и так далее. Все это якобы были силы, тормозящие бодрую поступь перемен и стремящиеся затащить общество обратно, в крошечный ужас сталинского ГУЛАГа.

Наиболее усердствовал в обличении советского человека («красного человека», как позже писала Светлана Алексиевич) и настаивал, что все советские годы производилась исключительно отрицательная селекция, – главный перестроечный идеолог Александр Яковлев.

Он заявлял, что «большевизм», концентрирующий самое плохое, ужасающее, «в России обрел наиболее варварскую форму – сталинского режима», который «пропитал все поры общества, глубоко проник в души многих людей, сформировал образ их жизни и поведения».

Яковлев сетовал, что именно эти люди составляют главную проблему, потому как «не могут примириться с тем, что прожили эту жизнь как бы напрасно».

Нет грехов и пороков, которые бы перестроечный идеолог Яковлев не приписывал советскому обществу и человеку. Ему везде мерещился зловещий призрак люмпена, который, по его мнению, восторжествовал в советской системе: «политика большевизации страны существенно продвинула люмпенизацию во всех социальных слоях и категориях».

Тема люмпена и люмпенизации в перестройку стала чрезвычайно популярной в СМИ. Утверждалось, что в советском обществе степень люмпенизации «достигла невероятной величины» и уже «входит в нашу генную природу». Люмпен якобы пребывает на грани бешенства и находится в страхе от проводимых реформ. Логика понятна: формировались новые элиты, поэтому необходимо было демонизировать прежние. Не случайно понятия «гегемон» и «люмпен» стали также употребляться в синонимическом контексте. Постепенно подводили к знаку равенства между советским человеком и люмпеном, представляли его в качестве агрессивной посредственности, примером дремучего варварства.

Именно Яковлев развернул кампанию травли против Нины Андреевой после ее знаменитого письма «Не могу поступиться принципами». В ней он видел большую опасность: вылазку тех сих, которых

больше всего ненавидел. В своем письме Андреева, по сути, выступила против диктата, установившегося монопольного права одной точки зрения ниспровергателей.

* * *

Впрочем, та история не ушла в прошлое. Все те идеологические дубины, которыми размахивали в перестроечные годы, со временем стали практически аксиоматическими.

Где-то в 2017 году в Центре толерантности прошла дискуссия о советском человеке. Поддержал ее фонд Егора Гайдара. Особенно страстные и обличительные речи произносил тогда писатель и политолог Денис Драгунский.

В рассуждениях Драгунского этот человек выглядит типичным мещанином, героем сатирических рассказов Зощенко, который, как таракан, отлично приспосабливается к бытовым обстоятельствам. И, барабанная дробь, для него «не существует высших ценностей»...

Российские прогрессивные деятели все время пытались сочинить из отечественной истории, культуры какое-то ужасающее фэнтези, которое бы подтверждало необходимость того самого страстного призыва к «раздавить». Банальная русофобия, замаскированная под антисоветчину. «Народы СССР пережили антропологическую катастрофу», подлецы и подонки произвели гигантский социальный эксперимент, а «человек вышел достаточно паршивеньким» и прочая пошлятина про убывание генетического кода нации. В свое время нам настоятельно это вдалбливали, чтобы внушить комплекс неполноценности.

Но вот я знаю другое: мой отдаленный Северодвинск в советской реальности был городом технической интеллигенции, туда стремились самые перспективные кадры со всего Союза. Это был город гордых людей, преисполненных чувством собственного достоинства, с большими амбициями и высокими устремлениями.

Они понимали, что у них есть большое дело. Осознавали, что живя на своей северной географической периферии, на самом деле находятся на передовой. Но потом подобные Драгунскому всех их назвали «совками», которые едва ли смогут приспособиться к новым реалиям. Говорили, что им на смену должен прийти некий новый свободно конвертируемый человек, который бесконечно независим, ничем не парится и берет от жизни все. Для всех остальных сгодится особая санитарная миссия цивилизаторов или шоковая терапия. Все девяностые этого гордого и самодостаточно человека жесточайшим образом давили, унижали его достоинство. Все для того, чтобы якобы вытравить из него советское, а на самом деле его дух. За постсоветские годы Северодвинск потерял треть своего населения.

В отличие от Драгунского, я видел все это и хорошо знаю тех людей, их трагедию. Тогда происходил особый выверт, и реальность пытались скрестить со страшным фэнтези. Про это время постмодерна, торжества зловещего Вия, когда на свет божий вылезли чудовища и все чудовищное, много пишет отличный писатель Михаил Елизаров. Про то, как добрую наивную советскую сказку сменила зловещая фантазмагория. Но некоторые до сих пор живут в ней и ни о какой иной реальности знать не желают, а видят вокруг себя исключительно монстров.

Прекрасно встроилась в этот контекст, дотянувшись до Нобелевки, писатель Светлана Алексиевич. В ее подаче образ советского человека выведен из анекдота «про совка», который она приводит: «злой, как собака, а молчит, как рыба».

Патологическую ненависть уже им невозможно было сдерживать. А все потому, что оказалось: человека здесь не раздавили. Он такой же, как и сто, двести лет назад, как и во времена Куликовской битвы и Сергия Радонежского. Потому, что, несмотря на все чудовищные социальные эксперименты девяностых, когда прогрессисты и цивилизаторы выскочили на него из-за двери с топором, оказался все тем же создателем величайшей тысячелетней мировой цивилизации.

* * *

В 2001 году Юрий Бондарев и Валентин Распутин подпишут обращение «Остановить “реформы смерти”!» Там уже звучал призыв к новому президенту Путину переломить разрушительную инерцию либеральных реформ, избавиться от ельцинского окружения. В нем отмечалось, что «разрушив коммунизм и Советский Союз, Ельцин вместо демократического процветающего общества создал небывалого монстра, где корыстные политики соединили свои интересы с экономической мафией, поделили в одночасье несметные богатства России».

Так, в том обращении говорилось, что «культурная политика, в том числе и “реформа языка”, направлены на отсечение народа от глубинных животворных основ национального духа, превращают его в бездуховное, с животными потребностями население, не способное ни к историческому творчеству, ни к социальному сопротивлению».

О будущей культурной политике Бондарев предупреждал еще в перестройку, говоря о «рыцарях с “экстремистской критикой”, рвущихся к власти. Их главный постулат: “пусть расцветают все сорняки и соперничают все злые силы; только при хаосе, путанице, неразберихе, интригах, эпидемиях литературных скандалов, только расшатав веру, мы сможем шить униформу мышления, выгодную лично нам”».

Сшили, расплодив повсеместно сорняки и поганки бледные. Они и создали того монстра, который проявился, например, 24 февраля 2022 года, когда в одночасье сделалось невероятное очевидным, что российская культура по большей своей части оказалась не со своей страной, народом и воинством, что она абсолютно не понимает и не принимает смысл происходящего. Что возвращение отечественной истории является чуждым и враждебным для нее, ведь она столько работала и положила сил ради ее отмены, ради глобального выверта и зачистки отечественной цивилизационной сущности.

Необходим был Георгий Победоносец, чтобы поразить того искусственно взращенного монстра. Или Пересвет. Извечный отечественный сюжет.

Проклятый герой

В декабре 2004 года газета «Московский комсомолец» рассказывала о судебном процессе, который проходил в Тверском суде столицы. На скамье подсудимых – 17-летний нацбол Григорий Тишин. Он обвинялся в августовском захвате здания Минздрава, когда из окна чиновничьего кабинета был выкинут портрет президента. И окно высокопоставленного кабинета, и портрет появятся в финале прилепинского романа.

СМИ тогда писали, что 2 августа 2004 года около 20 молодых людей ворвались в здание Минздрава РФ на Неглинной улице и заняли несколько

служебных помещений. Они заблокировали двери и выбрасывали из окон петарды. Скандировали лозунг: «За наших стариков ушиотрежем!» Так протестовали против предстоящей монетизации льгот в стране.

Семеро участников акции были арестованы. После по решению суда каждый из них получил по пять лет заключения. Во время рассмотрения кассации, парни отвечали, что родились в СССР.

«Вы думаете через пять лет они выйдут убитыми? Нет. Они выйдут более злыми и более убежденными в своей правоте. И эти – семеро, и те – сорок человек, они научатся люто ненавидеть», – говорил в своем последнем слове на суде Григорий Тишин. Свое выступление на суде он заключил словами: «Боритесь и побеждайте! Я думаю, что к нашей Победе мы успеем вернуться. До свидания».

Та статья в «МК» называлась «Семья с лимонкой». Издание расписывает «семейную драму», по логике которой получалось, что «фактически на скамью подсудимых ребенка послал... родной отец». Отец Григория – Анатолий Тишин, пришедший в партию в 1998 году, являлся заместителем главного редактора партийной газеты «Лимонка». Тогда Лимонов отбывал заключение в Саратове, и Анатолий Тишин, по сути, руководил партией. Планировал акцию, в которой участвовал его сын. Он является одним из прототипов образа Матвея в «Саньке».

СМИ тогда ухватились за сюжет: отец – сын. Будто отец подвел своего отпрыска под срок. Плюс лишний аргумент для доказательства порочности любой идеологии, которые лишь портят людям жизнь, и только. Антиидеологизм был общим местом общественных настроений в стране.

В постсоветской России действовал ориентир на деидеологизации. Таковы были импортированные установки. Безыдейное общество наиболее податливо для внешнего манипулятивного воздействия, более внушаемо. Именно поэтому оно должно находиться в постоянной растерянности и с комплексом неполноценности. Оно не имеет права формулировать суверенные идеи, образ будущего. Его удел – пребывать в постоянном третировании большинства, ревизии своего прошлого. Обязано критиковать до впадения в нигилизм настоящее. Именно эта линия и декларировала абсолютную самостийность до крайнего отчуждения культуры от всего тутошнего, в том числе от государства. Так производилась не только культурная перестройка, но и демилитаризация. Обрушение иммунной культурной системы, способности ее защищать и отстаиванию своих ценностей.

«Я горжусь своим сыном, его не сломят. Он ведет себя бескомпромиссно», – говорил в интервью «МК» Анатолий Тишин. Он также добавлял, что Григорий еще до акции понимал, что после нее может сесть. Все это абсолютно не вписывалось в систему ценностей гиперпрагматичного мира, ориентированного на получение быстрой выгоды. А тут какие-то идеи, убеждения, ради которых люди готовы на многое.

«Да нет у меня никаких угрызений! Я всегда был предельно честен с сыном. Моя жизнь протекала на его глазах, и он осознанно шел на баррикады. И готов за это пострадать», – настаивал Анатолий.

Освободился Григорий в феврале 2007 года.

* * *

«Мы уже не умеем с героями обращаться. У нас так долго продолжалась национальная игра “Убей и развенчай героя!”, что в подсознании как заноза засела мысль: бойся быть героем, человек. Если не при жиз-

ни, то после смерти тебе наступят на лицо, каблуком в губы и провернут ногу по часовой стрелке», – из статьи Захара Прилепина 2006 года «К нам едет Пересвет».

В ней автор «Саньки» себя называет «человеком системы и мрачным консерватором», а также пишет о том, что «героизм – необязательно борьба с системой». Говорит о дегероизации, а также выстроенной системе имитации героизма.

Скептическое отношение по поводу героики было следствием деидеологизации общества. Распад Союза и борьба с советским создала эту пустоту. Героическое было дискредитировано и воспринималось наследием тоталитарного. В «нормальном» обществе в героике нет нужды. Такого было главенствующее утверждение.

О подобной борьбе и развенчании отечественных героев отлично писал Александр Проханов в романе «Последний солдат империи», раскрывая механизмы героического, которые оттачивались в перестроечные годы и стали отлаженным конвейером.

На обложке прохановской книги – красный солдат. Можно сказать и так: Пересвет в образе красного солдата.

«Если мы лишим Советский Союз его красных святых, его коммунистических мучеников, то исчезнет мистическая основа советского строя», – говорит у Проханова один из мистагогов нового культа, устраивающий экскурсию по тайным лабораториям, где создается «оргоружие», призванное в перестройку разрушить все до основания, заменить-подменить новыми образами для подражания, образчиками статуса и успеха.

Сжигали на ритуальном алтаре героев, чтобы произвести глобальную цивилизационную деконструкцию – уменьшить страну и ее народ: «Нам не нужно столько народа, не нужна такая большая Россия. России должно быть меньше в десять, в двадцать раз». Все это вполне реализуемо с обществом, лишенным героев, оставшимся без заступников и ходатаев. С обществом, подвешенном в пустоте, дезориентированном.

«Когда я читаю сыновьям книгу, где нарисован Пересвет с копьем в груди, я знаю, что времена не изменились. Пересвет приехал к нам, и копье у него по-прежнему в груди. Он переедет и наши странные дни», – пишет Прилепин в своей статье.

Монах, воин. В современной России «Пересвет» – боевой лазерный комплекс.

Звали его Александр. Как Тишина. Получает смертельное ранение в поединке, но, не выпав из победного седла, доезжает до своего войска, после чего начинается битва. Победная.

Пересвет – один из главных символов победы на Куликовом поле. Битвы, проведшей черту под тяжким игом и переведшей отечественную цивилизацию в новое качество. К ее Ренессансу, Преображению. Тогда в XIV веке, преодолевая раздробленность, иго, Русь не просто выживает, но готовится стать наследницей всей восточно-православной цивилизации, преображая себя. Мало того, постепенно вбирает в себя и Золотую орду, обретая евразийское качество.

Началась отечественная эпоха победителей. Время Сергия Радонежского и его учеников. Время воинского и творческого взлета, время Северной Фиваиды, собирания земель и народов, формулирования концепции «Третьего Рима». Страна стала категориально иной. Цивилизацией, в которую ее герои и заступники вдохнули жизнь.

Величайшего святого отечественной цивилизации писатель Валентин Распутин называет «собирателем русских душ». К нему он обратился в 91-м – год величайшей трагедии нового отечественного раскола. Говоря о Сергии, Распутин пишет о потребности питаться от неиссякаемого «света Преподобного». Приводит слова историка Василия Ключевского, что главная отличительная особенность великого народа – «способность подняться на ноги после падения». В год распада писатель говорил о собирании созидательных сил.

Если вернуться в область нумерологии, то следует вспомнить, что в 1980 году отмечалось 600-летие сражения, и это событие также можно трактовать в качестве предзнаменования будущих потрясений, предупреждением о скорой расправе и усобице.

Историческая рифма напрашивается и сейчас. Как мечта, как цель, и надежда, и свет. В 2030 году будет новый юбилей – 650 лет. И вновь возникнет вопрос по поводу эпохи победителей. Состоится ли она? Или мы вновь придем на поле переломанные, да так, что не собрать по частям, выпавшие из седла.

Как мы встретим Пересвета, узнаем ли его, подхватим из седла, примем ли его подвиг? Встретит ли наша грудь новое копьё, по примеру героя, чтобы принять на себя главный удар, защитить и подготовить победу?

В безгеройное время, которое не в состоянии принять и разглядеть своих героев, Прилепин писал об «антигероях», то есть отвергаемых, не принимаемых, осуждаемых.

Писатель Парамонов, в образе которого без труда угадывается Владимир Личутин, в романе Проханова «Последний солдат империи» говорит, что его герой «добровольно идет в распад, в эпидемию, дышит ядом смертоносных болезней. Как спасатель в четвертом блоке, в марлевой маске, с тонким прутиком дозиметра – на смерть!»

Антигерой – добровольно и осознанно встречает грудью разящее копьё.

* * *

Стоит потянуть за что-то, и выстраивается система рифм, смысловых перекрестий. Пересвет – Куликовская битва – Дмитрий Донской – святой – Сергей Радонежский – Андрей Рублев... Так и доходит до наших дней, как система рукопожатий.

В своей работе «Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого» Дмитрий Лихачев отмечал, что все силы народа тогда были собраны для главной задачи «создания русского национального государства». По словам ученого, «этот величественный труд властно подчинил себе все духовные силы русского народа».

Это национальное строительство начиналось с победы, когда на поле Куликовом, по сути, рождалась новая нация. С просвещения, как преобразование неученого отрока Варфоломея в Сергия, и мощной творческой энергии.

Новое южнославянское влияние, византийское. То самое подражание иноземным образцам в силу открытости и распахнутости отечественной культуры, о чем в свое время говорил еще Петр Бицилли, не исключает стремления к «возрождению национальной древности», которые становятся тем же, чем были для Запада классические, античные источники.

Обращает на себя внимание, что Лихачев выделял новое явление, характеризующее эпоху, – дружбу. Она особенно отмечается в книжности.

Дружит Епифаний Премудрый и Феофан Грек, Сергей Радонежский и Стефан Пермский, Андрей Рублев и Даниил Черный, митрополит Киприан и Афанасий Высоцкий. Единительный дух наполнял межчеловеческие взаимоотношения.

Для чего все это? Конечно же, для поиска соответствий в настоящем. Тех самых рифм. Все-таки и в начале нулевых молодое поколение и тот же Захар Прилепин, заходило в литературу, как дружеское, как «братство кольца».

«Союзники» в романе – также стихия дружеского.

Кстати, о литературном поколенческом круге я, по мере сил, пытался рассказать в своей книге «Четыре выстрела». События 2014 года, а затем и 24 февраля 2022 сказались на этом «братстве», которое пошло по расходящимся тропинками. Впрочем, литература – сфера удивительного. В ней можно как разбежаться, так и снова собраться. Все дело в авторской честности и подключенности к большой отечественной культурно-исторической традиции.

* * *

«Я русский. Этого достаточно. Мне не надо никакой идеи», – отвечал в разговоре с либералом Безлетовым Саша Тишин. И еще раз подчеркнул: «не нуждаюсь ни в каких национальных идеях». То есть в формулах, схемах, в которых многие видели чудесную формулу национального спасения. Главное – укорененность, слитность и нераздельность, понимание «я русский», и не нужен никакой скальпель идеи.

Совершенно Достоевская формула. Так и вспоминается из классика: «Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни».

Да и дело Тишина – вовсе не политика, а то, что стало «единственным смыслом, что составило Сашину жизнь».

В 2022 году после начала СВО стала популярной попсовая песня исполнителя Шамана «Я русский»:

Я вдыхаю этот воздух,
Солнце в небе смотрит на меня.
Надо мной летает вольный ветер,
Он такой же, как и я.
И хочется просто любить и дышать,
И мне другого не нужно.

Чувства этого безусловного фундамента, той самой слитности долгие годы не хватало людям. Без этой базы выходили на спекулятивные разговоры о «русской идее», которые походили на известную сказку про белого бычка.

Но на самом деле достаточно этого твердого и искреннего «я русский», а остальное – нюансы, ведь известно, что русские люди за длинным столом и у каждого есть свое, что сказать.

Это диалогическое целое, где собраны и правые и левые, и белые и красные, и монархисты и коммунисты. Каждый несет свое, дополняет. При этом есть четкое понимание единства и нераздельности отечественной

многоголосой симфонии, сращивающей времена, народы, пространства в одно уникальное целое с сохранением индивидуального и своеобразия каждого.

И, конечно, на тот момент заявка «я – русский» – это был вызов, слом шаблона, когда само слово «русский» было ругательным и синонимом к нему всегда прикручивали «фашизм». Шла зачистка от всего корневого, производился небывалый эксперимент по отмене всего отечественного, чтобы люди забыли сами себя.

Логика примерно такова: «К концу XX века русская культура оказалась на распутье, которое никак не сводится к политическому выбору, но предполагает радикальную смену ее религиозно-светской ориентации», – писал в 1999 году в журнале «Звезда» культуролог Михаил Эпштейн. Он требовал «пересмотреть основания русской культуры». Таков был магистральный хор времени.

«Русская культура – это культура выверта и надрыва», – писал культуролог. По его словам, «Россия надывается от огромности своих просторов и съедающей их изнутри пустынности».

Русская культура, построенная на православных основаниях, по Эпштейну, смертельно больна. Практически нет никаких шансов на выздоровление. Единственное, чем она еще может быть полезна, – позволить апробировать на себе новые способы лечения: привить лекарство и попытаться описать реакцию пациента.

* * *

«Кто я... такой?» – задался герой вопросом герой прилепинского романа «Черная обезьяна». Но так и не смог на него ответить. У него нет имени. Он – воплощенная пустота, пустое место, тень, «ни то ни се», мелкий бес. Он не способен ни на что, кроме метаний и хаотического бега. Полностью сросся с миром «недо» – трясинной, в которой властвует инерция слабости и пошлости, выхолощена воля и свирепствует безусловная подчиненность страстям.

«Какой я?» – подумал Саша Тишин, который «никогда не мучился самокопанием».

Он будто «перебирал себя, тасовал осколки зеркала» и не мог собрать этот пазл. Только непонятные черты, но само лицо не собиралось. Будто тролль из сказки Андерсена разбил это зеркало, а разлетевшиеся осколки попадали в сердца и охладили их.

Еще во время посещения деревни Тишин чувствовал себя «отдельным человеком, почти уже отчужденным». Поэтому и собирание себя стало путем к преодолению этой отдельности, отчуждения. Преодолению состояния обособленной части.

Процесс собирания своего облика, образа отсылает к православному святоотеческому наследию.

Так, у святого Григория Нисского человек – своего рода зеркало, которое принимает и отражает или отвергает свет божественной красоты. В человеке-зеркале формируется отражение – «подобие красоты первообраза», и сам он при этом оформляется.

Человек, принявший это отражение, становится прекрасным, отступивший – «безобразным» в силу своей невосприимчивости Божественной красоты, закрытости к ней.

Эта отражательность устанавливает неразрывную связь и с предыдущими поколениями, делая их единосущными друг с другом.

«Безобразие» – нахождение в своем собственном «веществе», которое обладает характеристиками «бесформенности» и «неустроенности». То самое «недо». Из-за чего и произрастает «уродство», которое разрастаясь, поражает все естество, и в нем уже невозможно «увидеть образа Божия». В этом и происхождение зла, «которое осуществляется через незаметное лишение прекрасного», через разрушение общности и преемственности.

У преподобного Григория Паламы очистившийся, просветлённый ум предстает в образе «зеркала, в котором отражается Божественное начало», а сам человек является символическим отображением Бога.

Тишин пытается расшифровать и собрать свое отражение.

Когда едет домой после московской акции, разорившей город, как игрушку, то смотрит в окно, за которым «серое и безрадостное». На стекле отпечаталось и его отражение: «тонкие волосы с упрямым чубом, небритые скулы, темная кожа, лоб в ранних морщинках... Обычное лицо». Все внешнее, что маска типического.

Но уже вскоре, во время поездки в деревню, произошло более глубинное постижение отражений, пробуждающих память и составляющих внутреннее естество.

«Одиночество, казалось Саше, недостижимо именно потому, что нельзя остаться воистину наедине с самим собой – вне этих отражений, которые оставили в тебе прошедшие мимо, без обидного репья ошибок, и обид, и огорчений. Какое может быть одиночество, когда у человека есть память, – она всегда рядом, строга и спокойна», – такое «копошение» мыслей происходило в городе Сашки во время дороги. «Что за одиночество, если все прожитое – в тебе и с тобой, словно ты мороженщик, который все распродал, но ходит со своим лотком...» – подумалось тогда ему.

Эти его мысли схожи с переживаниями средневекового подвижника, для которого состояние одиночества рассматривалось в качестве греховного, как отпадение или изгнание части от целого. Часть имеет смысл лишь в контексте этой общности, приобщенности к ней. Грех же и воспринимался как отпадение, как обособленность.

Процесс восхождения подвижника к Богу условно можно представить как соединение, воссоединение «части» с «целым»: «...к Богу прилепляясь и по духовной лестнице к Нему восходя...» (Феодор Студит).

Важным было ощущение целого или целокупности. Когда даже в глухом скиту или уединении подвижник ощущал реальное единство с Христом, святыми и праведниками, со своей братией. Это было ощущение полка, движущегося по ступеням добродетели и ратоборствующего с врагом. Оно преодолевало пространство и время.

Для мирского же человека также крайне важным было чувство рода, который воспринимается не в качестве истории и прошлого, а вполне реалистично в соприсутствии с современностью. Он опекает ее, помогает ей.

В случае Тишина как раз и можно говорить об ощущении рода – чувстве полноты, общности, вписанности в большой вневременной процесс, который воспринимается как путь и образ-отражение в зеркале одновременно. Этот образ собирается через особое видение.

«Я пытаюсь различить их тени и голоса, оглядываясь назад», – писал Захар в соцсети, рассуждая о своих предках.

«...Смешное существо человек. Живет свои 30, 50, 90 лет – и всерьез думает, что предыдущая тысяча лет, две тысячи лет, три тысячи лет – значения не имеют. Теперь он “сам”. “Не спросясь никого”. Ну да, ну да.

Такой большой. Топ-топ. Сам. Пока отцы не призовут на брань», – писал Прилепин в соцсети в октябре 2023-го. Именно подобное знание повышает ценность индивидуального, которое воспринимается не в качестве случайного и не обязательного явления, а является важным элементом в цепи отражательной закономерности.

Можно вспомнить, что еще русский философ Николай Федоров писал о людском братстве не только в пространстве, но и во времени. Само человечество он воспринимал братством сынов, помнящих отцов. Он полагал, что без ощущения братства, родства возникает «ненавистная раздельность мира и все проистекающие из нее бедствия».

По словам философа, «в учении о родстве вопрос о толпе и личности получает решение: единство не поглощает, а возвеличивает каждую единицу, различие же личностей лишь скрепляет единство, которое все заключается, во-первых, в сознании каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т. е. сыном всех умерших отцов, а не бродягою, не помнящим родства, как в толпе; и, во-вторых, в признании каждым со всеми вместе, а не в розни, не в отдельности, как в толпе, долга своего к ним, ко всем умершим отцам, долга, ограничения коего исходят только из чувственности или, точнее, из злоупотребления чувственностью, которое и дробит массу (сельский род), превращает ее в толпу».

Вспоминаются и рассуждения о родстве Василия Розанова, который отмечал, что «родство – тайна. Родство – связь индивидуумов, вполне мистическая, вполне магическая, – между собой ничем осязательно, вещественно несоединенных. Разорваны, но – тайно связаны, соединены. Родство расходится кругами, все “дальше” и “дальше”».

«Ещё я понял уже после сорока лет, что такое пресловутый «зов крови». Однажды я поехал с детьми по Дону – с верховьев – через Воронеж, Вёшенскую, Ростов, Новочеркасск, Старочеркасск, до самого Азова», – писал Захар Прилепин в соцсети в ноябре 2023 года и добавлял про это понимание: «И понял, что это моя река, что я узнал её через несколько поколений. Что все мои – отсюда. Что и понятно – Прилепины многие века жили на одном месте: Липецкая область (ранее – Тамбовская губерния) – село на реке Воронеж – а это приток Дона. Я в донской воде плавать научился. Я в ней отразился, и моё отражение уплыло до самого моря».

Мир – система зеркал, рифм и отражений.

* * *

Собрать свой образ Саше Тишину традиционно помогает принятие и отражение безусловных истин: «Бог есть. Без отца плохо. Мать добра и дорога. Родина одна». Тогда и нет никакого дробления и осколков, а образ целостен и светится.

Такое ощущение цельности, например, есть у «союзника» Рогова, отметившего, что не видит «никакой разницы между сегодняшним днем и тем, что было... очень давно. Я даже не вижу разницы между собой и дедом моим». На таком фундаменте покоится твердость, спокойствие этого северного человека из моего родного города.

Схожее чувство транслирует и персонаж книги Прилепина «Ополченский романс» Вострицкий, который смотрит на себя и удивляется, радуется увиденному, что «пересобрался». Его «лицо слепилось». До этого он сравнивал свое отражение с портретом деда и замечал, что «рисунок его лица потек».

Аналогичный эпизод человека перед зеркалом рода есть в романе Александра Проханова «Красно-коричневый». Главный герой генерал Белосельцев, смотря на отражение, «старался разглядеть на своем лице черты родового сходства». И, как с закоптевшей иконой, «сияющие лики предков были засыпаны пеплом, покрыты окалиной, ржавчиной на его изможденном, отчаявшемся лице». Но «бесшумный взрыв света», и икона становится явленной: «сквозь брызги льда глянуло детское, счастливое, трепещущее свежестью и любовью лицо». Этот мальчик «тянется к зеркалу, изумляется своему отражению, сходству и тождеству с миром». Очищение – это и есть видение сопричастия, тождества, преодолевающего время.

Таким же зеркалом становится и альбом семейных фотографий, с которых на Белосельцева смотрели его предки: «дружелюбно и весело, несли в себе из поколения в поколение неуловимое фамильное сходство». Так он прощался. С матерью и бабушкой. С отцом, погибшим на Великой Войне, которого не помнил, но «отец присутствовал в нем, как дыхание, как притаившееся ожидание». Так и складывается, собирается личность человеческая. Симфоническая. Вписанная в историю, укорененная в ней, в род.

В августе 2023 года Прилепин опубликовал пост, в котором вспоминал своего деда – «Нисифорова Николая Егоровича, 1923 года рождения, участника Великой Отечественной войны, русского крестьянина, уроженца села Казинка Скопинского уезда Рязанской губернии. По гражданской своей профессии он был плотник. По воинской профессии – пулемётчик, пехотинец, стрелок». При этом Захар отмечает, что с возрастом глаза у него с дедом стали одинаковыми: «Раньше мы не очень были похожи. А после ранения – у меня вдруг выросли на лице – дедушкины глаза». Они стали символом неразрывной связи, особого цветения прорастающего рода в человеке.

«В больнице я понял, что такое сила рода», – писал Прилепин уже в другой записи в соцсети. Он отметил: «я физически чувствовал, как оба мои рода – Прилепины по отцу и Нисифоровы по матери – тащат меня вверх, в жизнь».

Мир, вселенная, микро- и макрокосмос – система зеркал, подобий и отражений. Все собирается через родство.

Именно это приснилось жестоко избитому Саше Тишину перед первым пробуждением в больничной палате: «понимание того, как Бог создал человека по образу и подобию своему». Схожее понимание ощутил и сам автор уже после покаяния на свою жизнь.

Человек – «огромная, шумящая пустота», космос. С другой стороны, «и мы точно так же живем внутри страшной, неведомой нам, пугающей нас пустоты». Но «на самом деле мы дома, мы внутри того, что является нашим образом и нашим подобием». Внутреннее отражается во внешнем и наоборот, все неразрывно связано и представляет собой единое целое.

Человек расширяет пустоту, наполняет ее, обустроивает этот «дом», улавливает рифмы, становясь подлеченным к мирозданию и ощущающим цельность с ним. Но можно замкнуться на пустоте, и тогда она начнет всматриваться в человека, погружая в ничто. Собственно, таков путь основного оппонента Тишина в книге. Безлетовский.

Именно в эпоху распада были растворены врата в ничто. Этот призрак стал притягательным. Навязывалась мысль, что необходимо разорвать начисто все связи с прошлым, изменить цивилизационную сущность России. Разорвать линию родства, которая стала ощущаться проклятием.

Герой книги «Чапаев и Пустота» Виктора Пелевина, написанной в 1996 году, говорит: «человек чем-то похож на этот поезд. Он точно так же обречен вечно тащить за собой из прошлого цепь темных, страшных, неизвестно от кого доставшихся в наследство вагонов. А бессмысленный грохот этой случайной сцепки надежд, мнений и страхов он называет своей жизнью. И нет никакого способа избежать этой судьбы».

Проклятие случайной сцепки будто бы производит хаос, порочность отечественной истории, отсутствие разумности и рационального. Отсюда и единственный рецепт – обратить в ничто, и на пустом месте создать нечто совершенно новое, никак не связанное с прошлым. Прервать инерцию проклятия. Превратить свое изображение в осколки, а самого себя в блудного сына, в бродягу.

* * *

Так, может быть, и прав советник-нигилист, что нет ничего, пустота одна и «черный ужас»? Что все вокруг с приставкой «без». Что все осыпается и можно «только смести совком и выбросить в раскрытую дверь, в темноту, чтоб единственная звезда поперхнулась от нашей неусветной глупости», как в «Черной обезьяне».

Вот и главный герой начинает свое повествование со слов: «Когда я потерялся...»

Так и вспоминается: «очутился в сумрачном лесу, // Утратив правый путь во тьме долины». Хотя потерянность – это из прилепинской «Черной обезьяны», где проложен путь «в сторону недобытия». Где также – омертвелость, грязь, старуха в черном и темнота.

В описании деревни в «Санька» логика иная. Не воронка пустоты, а собирание человека. Практически из того самого праха земного. Да хоть из грязи.

Как, например, в «Ополченском романсе». От «черным-черно» до слов «я Родину люблю». Еще бы, ведь «пришел из России», в нее и возвращаться.

Там происходит собирание человека из той самой мозаики жизни и треков в разном ритме. Собирание «работяг» в ополчение, во взвод. «Романс» как раз и есть результат работы по этому собиранию.

Выстраиванию архитектуры человека, который любит и может повторить те самые слова «я Родину люблю».

В «Ополченском романсе» «нарисовала» человека и собрала война, через нее герой стал «точь-в-точь дед». Создала систему отражений как с прошлым, родом, так и с однополчанами, в глазах которых также можно найти «свои прежние отражения».

Мозаика собирается. Глянь в зеркало – там дед, отец, род. Да и сам ты уже не сорняк случайный и нелепый. Так раскрашивается пустота небытия и недобытия, а жизни и треки превращаются в «Шестоднев» нового-прежнего мира.

Происходит собирание и самой Родины, которая чуть было не растворилась, не трансформировалась в ничто. Вместе с ней и люди терялись, превращались в «черную обезьяну». Дрейфовали в сторону «недобытия», где черная старуха на берегу грязной реки.

Был «Грех», а в нем рассказ «Сержант». И это «я Родину люблю» – это из него. Молитва, вызов и опора, что крестик во рту.

Сам Сержант уже и «не помнил, когда в последний раз произносил это слово – Родина. Долгое время ее не было. Когда-то, быть может, в юности, Родина исчезла, и на ее месте не образовалось ничего».

Теперь вернулась, стала собираться и собирать свое ополчение, которое идет своей дорогой, балансируя между жизнью и смертью.

Важный сюжет в романе – описание посещения «хранителем» речного пляжа детства, где они купались и загорали с отцом – Тимохиного угла. Сейчас он пустынный, его не стало – «весь зарос некрасивым лопушьем».

А дальше – акция прямого действия, что и на митинге в Москве, или как в финале книги поступил с советником: «начал драть с корнями лопухи, дурную, с длинными корнями поросль, неведомые низкорослые травы, освобождая пляж» и бросал их в реку забвения. После чего пляж выглядел так, «будто бы переболел какой-то заразой, оспой».

Этот сюжет в «Саньке» притчевого характера. Он свидетельствует как о нашей современной отечественной истории, так и об авторе, который продолжает бороться с дурной порослью с длинными корнями. Сорняками. «Приблудой поганой»...

Такого же притчеобразного характера и сюжет о бочке с медом.

Это история деда. Возвращение из плена. В германском селении «нашли бочку с белым медом». Четверо бросились жадно есть «смеялись даже», дед предупредил и не ел.

Сгинули все. «И пошел дед один».

Сюжетом этим вполне можно иллюстрировать и то духовное отравление, с которым столкнулись люди в период перестройки, когда эту бочку вывалили людям. Когда эйфория, радость, смех, восторг и предвкушение сладостного сменились исходом из жизни. Распадом, чернотой, лопушьем.

Болезнь и долгая дорога к выздоровлению, очищению. Выходу из плена на Родину.

* * *

«Это книга – не про Майдан. Она про Антимайдан. Она не про тех ребят, что брали штурмом правительственные здания и милицейские участки в Киеве и во Львове – она про тех, кто брал штурмом те же учреждения в Донецке и Луганске. Собственно говоря, большинство прототипов книги именно этим, выйдя со страниц романа, и занялись, и по сей день там находятся», – писал Захар Прилепин в октябре 2015 года в статье «Приключения электроника Саньки», где рассуждал о судьбе своего героя в развитии современных исторических событий.

Сделаю небольшое отступление: в свое время мной была написана небольшая заметка «Егор Прокудин уехал на Донбасс», где говорил о том, что шукшинский герой непременно бы оказался на передовой или близко к ней. По крайней мере, такова логика его движения-возвращения к почве, возрождения чувства родства. Не он, так дети Петра точно сражаются в тех самых окопах (а за ними и внуки):

«Понесут они благу вест о русском мужике, о его возвращении. Об обширном, как жизнь. Непонятом. Будут выступать против несправедливости. Может, один из них назовется Моторолой...

Непонятые, поедут они на Донбасс, где будут делать свое мужицкое дело. Вызовут ярость и злобу все того же триумvirата либеральной интеллигенции, криминалитета, власти. Но что с того? Егор Прокудин никуда не ушел, он просто прилег на землю, прыгнул в окоп. Мужиков в России много, покуда они есть, она не станет пустыней».

В аббревиатурах мятежных республик не случайно определение «народная». Это не отсылка к реставрации СССР или проявление пресловутой ностальгии, а ставка на возвращение народа в качестве субъекта истории. Произошел слом прогрессирующей постсоветской инерции. Можно сказать, что впервые с 1993 года народ заявил не только о своих правах, но и о себе в качестве реальной деятельной силы, которая движет историческими процессами.

В 2022 году после начала СВО на сайте «Горький», который категорически не принял спецоперацию (был опубликован манифест о наступающем «варварстве, насилии и лжи»), мне оппонировал Роман Сенчин. Впрочем, не мне, Захару Прилепину, говоря об одном его «заблуждении». Статья называлась «Почему не стоит отправлять героев Шукшина «на Донбасс»».

Оппонирующий посыл состоял в том, что совершенно не ведомо с кем был бы Василий Макарович в советскую перестройку: с демократами или патриотами, а уж дальше заглядывать и вовсе смысла нет.

«Отправлять Шукшина и его героев защищать русский мир на Украину, конечно, можно, правда, с тем же успехом можно отправлять их и в Канаду, США, Боливию, Австралию. По своей воле не поедут. Дома дел много, пахать надо. А пахать мешают разные системы, которым необходима жизнь русского мужика», – настаивал Сенчин.

«Дома дел много», зачем куда-то отправлять? Таков посыл рассуждений Романа Сенчина, который пишет о Шукшине, что «похоже, кроме России и связанного с Россией, его ничего не интересовало». Но если не интересовало, то при чем здесь Боливия и Австралия? Но вот Донбасс уж точно при чем. Впрочем, логика весьма странная, по которой хата всегда с краю, что могильная плита, что кандалы на ногах, что императив: туда не ходи, сюда ходи. Знай свой шесток и будь что крепостным при нем. За три моря не ходи, Сибирь не покоряй, за братьев-славян не заступайся. Космос... какой космос? «Третий Рим» – ну что за бред! А имперское мышление и вовсе не модное. Ограничь себя деревянным срубом и сиди в нем, не высовываясь.

Вот и главный вопрос: где дом, какой он, где граница и межа? Ну, видимо, можно людям сказать: это не ваш дом, не ваша тысячелетняя культура, не ваш язык и не было никакой истории общности, посему убирайтесь отсюда. И пойдут они, куда пошлют, хоть крыши чинить, хоть забор подправлять, землю пахать, потому как не смеют лезть никуда. Будет ли у таких людей дом, или это просто перекасти поле, бродяги?

Тут вроде как простое, что и объяснять совестно: прежде чем землю пахать – ее нужно отстоять и отстаивать, доказать свое право, которое поддается сомнению. Вот и жалят мужика искушениями: где твой дом, а может быть, и нет никакого, и сам ты – ошибка природы? Как докажешь? То отдал, отсюда ушел, от этого отказался, а тут и вовсе сделал отстраненный вид и сбежал. Где твое поле, чтобы на нем пахать? Оно точно твое?..

Роман Сенчин и не заметил, что те, которые поехали на Донбасс, делали это как раз для того, чтобы землю пахать, чтобы того же Василия Макаровича читать, а не принимать на веру то, что о Егоре Прокудине скажет Бульдя или Губошлеп. И делают они то же самое, что и Петр за рулем своего «труженика-самосвала».

Вот и с прилепинской книгой такая же история, такие же претензии: Саша за революцию, против подлой власти и свирепствующих нравов, а что потом, а что автор? По сути, стал на власть работать или объявил

о «перемирии», как пишет Сенчин. Значит, предал себя прежнего, свои идеалы?! Стереотипное мышление и подсказывает такой ответ, но тот же Саша Тишин в романе заранее ответил на все эти претензии. Он заявил, что готов жить при любой власти, только есть два условия: она «обеспечивает сохранность территории и воспроизведение населения».

В той же статье «Приключения электроника Саньки» Захар Прилепин писал, что тема революции в стране сверхактуальна, а во время СВО не раз говорил-предупреждал об очевидных рифмах с революционной ситуацией, до которой доводят либерально ориентированные западнические элиты (так и вспоминаются шукшинские «Чужие»).

«Сегодня Санька нашёл себе дело на Донбассе. А что он будет делать завтра? Завтра всё тот же условный “пётравен” (автор разгромной рецензии на “Саньку” и по совместительству банкир) снова поверх очков посмотрит на этого пацана или молодого мужика и спросит: Чего хотел-то? Добился своего? Нет? А?», – писал Захар в той статье. Или, что еще хуже, произведут подлый финт, схожий с тем, что в свое время был провернут, например, с афганцами: осудят и выбросят на обочину, ну, может быть, бесплатный проездной в общественном транспорте дадут.

Герои «Саньки» на Донбассе, в том числе и для того, чтобы и в большой России можно было землю пахать, чтобы она была у человека, чтоб был дом, куда можно было приложить руки, и чтоб дети были, а не вот это: «зачем плодить нищету?» Не повсеместный хозяин «пётравен», устраивающий все по своему хотению, выворачивающий все наизнанку и оставляющий после себя пустыню.

Дело на Донбассе нашел и прототип Саньки Григорий Тишин. По его словам, он «оказался болен Донбассом».

«Вчера похоронили моего знакомого, погибшего под Кременной. Проститься я не успел – возили гуманитарку живым, обратная дорога была настолько сложная, что опоздали на 13 часов....» – в начале 2024 года пришла в соцсети очередная весть от Григория.

Он рассказал про погибшего: «Мы познакомились на даче моих родственников, в прошлой жизни, я был взрослым дядькой, Володя был ещё совсем маленький, я помогал ему чинить велосипед, он интересовался, что я делал, когда что-нибудь чинил в машине...

Позже Володя станет очень хорошим механиком, а когда придет время служить в армии, он не станет бегать, а пойдет служить срочку, попадет в РВСН и будет на хорошем счету как специалист...

После дембеля, на гражданке, мы пересекались пару раз, я всюю был болен Донбассом, а он не очень интересовался всей этой историей, жил, любил жизнь и был по юношески беззаботен....»

Свой рассказ Григорий завершил словами: «Вот такой парень, когда Родина позвала – не свалил через Верхний Ларс, не занял, когда попал в пехоту, тянул лямку война до последнего мига....»

Вот этот императив «Родина зовет» крайне важен, но многими подзабыт. Какой еще зов Родины?! Иди крышу чини и не высывайся, голоса не подавай!..

Настоящий парень

Зачем нужно было запускать спутник, а потом человека в космос, когда страна еще не оправилась от войны и многие люди едва сводили концы с концами? А целина, а БАМ? Все эти стройки и достижения?

Да и вообще большая страна – нужна ли она, или очень много обузы, которую неплохо бы скинуть? Или та самая Великая война: не лучше ли выбрать пивко из гуманистических, конечно же, соображений, чтобы спасти многие жизни людей. Они спаслись и латали бы, к примеру, крыши в Воронеже...

Вопросы все, само собой, без ответов. Дескать, пища для ума и рассуждений. Но главный урок: не лезть ни во что, что может кончиться плохо. Вот чувствуешь, что пахнет жареным, – двери на засов и сиди, пока не уляжется, до этого можешь какими-то домашними делами заниматься – все для пользы и отвлечения. А то мало ли что.

Помнится, советская перестройка учила нас верить в несправедливость добра. А также вести норный образ жизни, никуда не лезть и аксиоме «моя хата с краю». Говорилось, что таков залог если не процветания, то выживания.

Рассказ Романа Сенчина «Помощь» был написан в декабре 2014 года. В главном герое – Трофиме Гущине легко угадывается писатель Захар Прилепин.

«События последних полутора лет, происходящие не в России, а на территории соседнего государства, радикально изменили российское общество, по-новому разделили его на два враждебных, ожесточившихся друг против друга, ни в чем не сходящихся лагеря.

Раздел, разрыв проходит через семьи, через дружбу, разбрасывает к противоположным полюсам товарищей по недавнему общему делу. Очень многие каменно убеждены в своей правоте, не желая замечать противоречий в своих взглядах. Любой спор готов перерасти в драку...

Попыткой зафиксировать эту ситуацию, этот разлом и является рассказ «Помощь» – таково авторское предисловие.

Впрочем «попытка зафиксировать» больше походит на памфлет и карикатуру. Автор силится доказать ненастоящность своего героя, который трансформировался в своеобразного ролевика. Он якобы стал походить на персонажей из телевизора, у которых души прекрасные порывы оборачиваются в позу и пустую риторику, а на выхлопе лишь в самолюбование.

Так под занавес девяностых Гущин «сделался дистрибьютором», научился «впаривать» и до сих пор благодарен этому опыту. Надо полагать, теперь «впаривает» себя и выходит барином, объясняющим дочке свое нынешнее благосостояние тем, что «живем правильно».

Фоном же постоянно возникают кричащие проблемы, но которые с нынешних писательских высот Гущина кажутся маленькими и второстепенными. Он не свыкся, нет, не выработал привычку ко всему, не стал насекомым, но ставит для себя более глобальные задачи, создающие особую близорукую оптику. Отсюда и возникает проблема: ближние – дальние, где ближние – на потом, становятся второстепенными, а в приоритете дальние дали, манящие. Есть в этом и замещение реального на фантомный образ, созданный воображением или пропагандой.

«Летом и эти кривые, трухлявые избушечки выглядят не очень уныло и захудало – зелень спасает, небо, солнце, – а сейчас, в конце октября, за час до заката, страшно смотреть. Страшно и больно...» Видимо, с намеком на то, что там живут неправильно. Трофим «жил, занимался своим, а деревня исчезала за рощицей...».

Собственно, сам рассказ – отсылка к роману «Санька»: что было бы, если с автором, который докатился до жизни такой, встретился его герой – Саша Тишин.

И такая встреча (то ли упреки совести) произошла: Гущина у подъезда дома старой партийной кличкой окликнул товарищ, находящийся несколько лет на нелегальном положении, – Ясир. От него и пошли сетования-упреки нынешнему.

«В “Помощи” есть разговор Трофима Гущина с Ясиром. Я был и остаюсь сторонником позиции Ясира», – этот комментарий в соцсети под своим постом оставил Роман Сенчин через два дня после покушения на Прилепина в той самой деревне, которая в рассказе «исчезала за рощицей».

Тогда же Роман Сенчин в другом комментарии ответил на мой вопрос по поводу отношения к Захару: «Да, Андрей, дружба была. До августа 2012 года. Потом Захар Прилепин изменился, наверное, перестал “шифроваться” (недаром с тех пор часто вспоминал Шукшина). Мне такой изменившийся Захар перестал быть близок. А в 2019-м, вернувшись с Донбасса, он заявил, что его батальон творил там “полный беспредел”. Теперь вот по отношению к нему сотворили беспредел... Чудо, что он выжил. Может быть, это чудо его изменит».

Но Ясир. Это и автор, и инкарнация Саньки, каким его воспринимает Сенчин. Спасся и принялся по Руси странствовать, наблюдая повсеместный неустрой.

Митька Попов с позывным Ясир. Обитал «во глубине России», в то время как его разыскивали правоохранители. Собственно, о нем все. В рассказе важен только образ, фигура, отделившаяся из темноты, и голос, в котором тот самый упрек Гущину. «Скрюченный, в разбитых, потерявших форму берцах, в неизменной, но засаленной – белые и черные квадратики слились – арафатке на шее. Щетина во все стороны, как у чующего опасность ежа», – таким явился голос совести.

Отмытый и накормленный, он стал поучать Трофима Гущина: «Слишком ты встрял в эту тему... в Новороссию. А про Россию вроде как и забыл. Впечатление, что все у нас хорошо стало, а там – беда». Ясир принялся рассуждать, что все это отвлечение от внутренних проблем, что «бились за революцию... Произошла революция на Украине, и мы бросились ее душить. Нестыковка какая-то». После чего самый суровый упрек-назидание: «Не агитируй русских ребят в ополченцы идти», то есть на смерть не посылай...

Но что сам Ясир сделал для исправления реалий и не отвлечения от них внимания? Дрейфовал по стране, фиксировал то, что ему казалось кривдой?

Человек в капюшоне, тень с проповедью пассива и высококонравного нравоучения, невмешательства ни во что. Тактика личных шкер, так и в розыск объявили: чуть ли не снежок в полицейского кинул или показалось, а глаза велики, поэтому и исчез.

Опять же революция, за которую догматично держится Ясир, – это не посылание на смерть? А ради чего? Ради заброшенных деревень, простого мужика, ради справедливости или как на Украине?

«Ну и кровь бы не помешала. Отличный толчок», – говорит отец героини повести Сенчина «Чего вы хотите?», в которой угадывается сам писатель.

Это из разговора на кухне: конец 2011 года, протестные волнения в Москве, собеседник – писатель и крестный дочери Сергей (писатель Сергей Шаргунов), который заскочил прямо с митинга. Повесть была опубликована в 2013 году. Главной героине Даше – 14 лет. В начале повествования она читает параграф учебника истории «У порога

мировой войны». Речь идет о Первой мировой, о 1914 годе и будто заглядывая в новый 14-й.

В повести периодически всплывают безлетовские интонации. Только если у советника губернатора из «Саньки» небытие России – свершившийся факт, то в сенчиновской повести – процесс.

Тот же отец-писатель рассуждает о том, что «еще сорок-пятьдесят лет – и России как таковой не будет». По его словам, проблема в том, что «нам не дают никаких ориентиров, целей. Мы не знаем, зачем живем здесь». Считает, что «у русских почти нет пассионарности», что «мы совершенно безвольны, обессилены». В «русскую весну» он также не верит.

«Период упадка» – таков вердикт и все та же инерция «ничто», пустоты:

«– Вы так говорите, – возмутилась Даша, – будто Россия вообще ничто!

– Да так оно почти и есть, – грустно отозвался папа».

Будто Санька и Безлетов. Тем более что через страницу прилепинский роман вспоминается.

* * *

Такое ощущение, что Ясир не столько Санька в оптике автора, сколько персонаж раннего сенчинского рассказа «В новых реалиях» Егоров. Он ходил по перестроечным демонстрациям, размахивал популистскими плакатами того времени, триколором. И было все у него в жизни хорошо, но как наступили новые реалии, к которым призывал, то оказался за бортом.

Сенчин подводит к мысли, что автор «Саньки» сам стал вполне себе буржуазным писателем (схожая логика была у критика романа Петра Авена), перестал «шифроваться», постепенно вырабатывается глухота к чаяниям простых людей. Именно поэтому на место Саши Тишина будто бы становится Ясир, а Гуцин превращается в его альтер эго.

Роман Сенчин не озвучивает, но будто бы актуализирует реплики из диалога Саши с Безлетовым:

«– В этой стране революции требует все, – сказал Саша, наблюдая, как Безлетов ест суп. – У вас же хороший вкус, Алексей, как вы смиряетесь со всем этим кошмаром вокруг?»

Получается, что Гуцин-Прилепин смирился, или отчаялся, или приспособился? Поэтому он и говорит в рассказе Ясиру, что «революционные перемены сейчас невозможны».

Хотя что значит невозможны? Смотря какой меркой мерить и какими шаблонами оперировать. В одной системе координат киевский майдан – революция, а в другой – новый буржуазный переворот и раскол, продолжение распадной перестроечной тенденции. Советская перестройка ведь тоже была революцией, как уговаривал Михаил Сергеевич. И если в этой оптике, то так и есть: раздробила страну, изменила строй, а затем... Да все тоже самое: гражданская война 90-х, делящаяся и поныне в разных формах и актуализировавшаяся после того же майдана.

Или в догматическом восприятии Ясира революция – самоцель, а какая она – не имеет никакого значения?

Тот же Крым, 24 февраля – это разве не революция? Когда Россия и ее народы вновь осознали себя обществом, страной, цивилизацией. И этому пробудившемуся самосознанию, по сути, противостоит рас-

падная, перестроечная логика тех самых малых дел, хаты, которая всегда где-то с краю. Логика, как казалось, избавления от балласта, всего того, что мешает для скорого процветания. А она только делала маленькими, немощными и безразличными. Логика обчуждения. Ясир оперирует ей. Неслучайно в рассказе звучит песня Михаила Борзыкина 1987 года «Полуфабрикаты». И ей противостоят уже из наших реалий «Миллионы» Александра Ф. Скляра. Вот и оппозиция в восприятии: полуфабрикаты, жаждущие все перекопать и встать в ряд, а с другой стороны, герои, встающие ото сна, пробуждающиеся. Вопрос выбора здесь тоже в исходной оптике рассуждений.

* * *

«Миллионы» Александра Ф. Скляра вспоминает военкор Александр Коц в материале, вышедшем 13 февраля 2017 года в «Комсомолке», в котором было объявлено, что «Захар Прилепин собрал в ДНР свой батальон».

Журналист отталкивается от строчки Скляра «надо просто выбрать оружие, которым сражаться» и говорит, что «Захар Прилепин за три года перебрал весь арсенал человека творческого: гуманитарка, которую писатель поставлял сюда тоннами; музыка (одна песня “Капрал”, написанная в Донецке, чего стоит); глагол, которым он жжет сердца людей по обе стороны линии фронта в публикациях и книгах. Последние пару лет он официально занимал должность советника главы ДНР. Казалось бы, чем еще писатель может помочь Донбассу?»

Та новость о батальоне Прилепина потрясла, вызвала огромный резонанс и гул страстей. Прогрессивная общественность захлебывалась в проклятиях.

«Вот Захар Прилепин на войну пошёл людей убивать. И мне кажется, что это совершенно ужасно», – писала тогда литератор Ксения Букша, которая после начала СВО покинула страну. Журналист Матвей Ганапольский (признан в РФ иноагентом) назвал Прилепина фашистом и затем скатился в поток безудержных оскорблений. «Перешел черту. И пути назад уже не будет», – а это уже Ксения Ларина (признана в РФ иноагентом), также уехавшая после 24 февраля. И вишенка на этом торте – реплика поэтессы Веры Полозковой с обещанием открыть бутылку лучшего шампанского, когда ему там прострелят голову (в оригинале – непечатное).

Такая реакция понятна: произошел совершенно непозволительный слом шаблона, который либерально-прогрессивный мейнстрим навязывал обществу, что литератор и воинская служба – диаметрально противоположные вещи. Что человек может с войны прийти в литературу, но обратно – ни-ни.

Но как раз перед этим интервью у Прилепина вышла книга «Взвод» с подзаголовком «Офицеры и ополченцы русской литературы», которая сложила в голове четкое понимание, что «за нами стоит спецназ русской литературы».

В том же интервью Коцу Прилепин назвал самозванцами тех, кто доказывал, будто «русский литератор – это такой исусик на тонких ножках, который вечно говорит о слезинке ребенка и о прочих трогательных вещах. Причем эти люди активно и настоятельно болеют за украинскую сторону».

Прилепин заявил, что «здесь идет война» и «здесь я не ощущаю себя писателем». Так же он отметил, что Пушкин был абсолютным

«ватником» и что «война для него гораздо более важное занятие, чем собачья свадьба нашей литературы».

«Я нахожусь тут в пространстве романа “Тихий Дон”, романа “Война и мир”, “Слово о полку Игореве”. Эти люди за тысячу лет не изменились. Роман “Я пришел дать вам волю” Шукшина. Все эти ополченцы, воины, разинские бунтари собрались. И они есть. Это было такое огромное счастье узнавания, что все эти люди есть», – сказал Прилепин в том резонансном интервью.

А еще Александр Коц тогда спросил Захара: «Во что ты веришь в этой жизни?»

Ответ был совершенно тишинский: «Бог есть. Очевидным совершенно образом. Есть очень добрый, очень терпеливый, во всем помогает. Нет вообще даже в человеческом сознании представления и границ его милосердия. Есть. Старается изо всех сил. Искренне верю, что Россия святая, Бог есть, ты умрешь. Эти вещи простые. Мы – спасители мира. И надо в этом отдавать себе отчет. Мы – хранители не традиции, это слово может что угодно в себя вмещать. А просто хранители здравого человеческого смысла. Хранители того, что оставляет человека человеком».

* * *

Наверное, необходима антиутопия. Попытка реконструкции того, что было бы, если Россия не встряла, если бы отвернулась и в 2014 году, и позже, делая вид, что ее не касается. И раньше, в том же 2008 году в Южной Осетии. Наверное, это была какая-то другая Россия. И не Россия. Контуженная. Россия девяностых, против которой как раз и выступает Саша Тишин и «союзники». Но ведь нынешняя, хоть и категорически далекая от идеала, но другая. Способная на поступок, а значит, и на преобразование.

Кстати, у Романа Сенчина есть еще один текст, где появляется Трофим Гуцин, – повесть «Петля». Там главное действующее лицо Антон Дяденко, в котором легко узнается Аркадий Бабченко (признан в РФ иноагентом, включен в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга). Гуцин там необходим в качестве антипода, противопоставления. Кстати, сборник прозы Бабченко «Алхан-Юрт» также увидел свет в 2006 году.

В какой-то момент в образе Дяденко проявляются черты того же Ясира. Или, скорее, становится носителем доводов самого Сенчина. Например, когда автор пишет, что «то, к чему призывал Антон здесь, в России, воплощалось там, в Украине».

Есть в повести и рассуждения Дяденко по поводу того, что «российская власть революцией в Украине воспользовалась по полной программе». Взять те же территории: «Наверняка нынешнему режиму в России на фиг не нужны Крым и Донбасс с Луганщиной, но он показывает своей оппозиции: “Вот что бывает, когда случаются революции: страна неизбежно теряет территории. Вы этого хотите?”».

Впрочем, как Ясир, говорит сам Гуцин, обращаясь к Дяденко: «Зря ты, Тош, такую позицию занял. Обидно. Такой был...».

Всплывает и образ Шукшина, который Сенчин регулярно использует, рассуждая о Прилепине (взять хотя бы то самое «перестал шифроваться»): «Несколько лет назад Антон встретил в интервью его суждения о шукшинских рассказах: они Трофиму не нравились, их героев он

называл дураками. Но вот образ Шукшина-актёра, а может, и человека Трофим явно взял на вооружение: эта улыбочка, взгляд, словно смотрит на забавную пакость, язвительные словечки...» Дяденко также замечает, что Гуцин начинает копировать героя «Калины красной» с нотами азарта. Да и уходит он «по-шукшински».

Впрочем, тут надо сказать, что не нравилась, скорее, расхожая фокусировка на «чудиках», к которой очень часто и сводили шукшинского героя. Да и слышал эти суждения, конечно же, не Дяденко-Бабченко, а сам Сенчин.

Вот, кстати, и прилепинская цитата: «я люблю шукшинские романы, я люблю «Любавиных», особенно первую часть, люблю «Я пришел дать вам волю», потому что это время огромных тектонических сдвигов – революция, восстание Степана Разина. Я не люблю рассказы Шукшина, чудиков его не люблю. Все это юродство по большому счету мне физически неприятно». То есть очевидно, что ни о каких дураках речи не идет, а «чудики» – литературоведческий штамп, навязанный шукшинским героям.

И дальше продолжение цитаты из интервью Прилепина 2010 года: «я люблю мир, где “Илиада” и “Одиссея”, где извержение вулканов происходит. У Леонова, у Шолохова это все происходит. Невозможно представить себе Шолохова, который после “Тихого Дона” и “Поднятой целины” будет описывать быт даже не казачества, а просто донских крестьян в 73-м году. На фиг это ему не нужно! Он такое видел, там такое происходило! Он и перестал заниматься литературой, потому что ему не за что уже было браться». Уже здесь можно увидеть оппозицию большого и малого, дальнего и ближнего, вокруг которой позже будет выстраивать свои суждения Сенчин.

Надо сказать, что своя трактовка Василия Макаровича чрезвычайно важна Роману Сенчину, и в первые месяцы российской спецоперации он выпустил статью с говорящим названием «Почему не стоит отправлять героев Шукшина “на Донбасс”». Подзаголовок текста также очень характерный: «об одном заблуждении Захара Прилепина».

При этом в той же «Петле» не вспоминается имя Шукшина, когда Роман Сенчин пишет, что у Гуцина одна из статей «называлась прямо и четко: “Полярные расы”. О россиянах, которые не могут найти общий язык, обрести общие ценности. Тех, у кого ценности другие, Гуцин считал врагами». У Василия Шукшина по схожей теме есть рассказ «Чужие». Сенчин же настаивает, что позиция Гуцина является деструктивной, показателем разобщенности и умножения розни.

В этом и основная претензия Сенчина к Трофиму-Захару, что тому «нужно было ставить эти точки, делить людей на своих и чужих. Да и не только людей, а целые их группы». Он последовательно подводит к тому, что именно Трофим – проводник линии разделения в современном отечественном обществе, вот даже про «две расы» писал, что твой Шукшин... Мол, у кого другие ценности, тот становится для Трофима врагом. При этом сенчинский Гуцин неискренен, он играет, вживается в шукшинский образ Егора Прокудина, который был явлен в фильме «Калина красная». У Антона-Аркадия же – души прекрасные порывы и все предельно искренне. Причем, все это не попытка реконструкции образа Прилепина-Гуцина, не одна из версий его мотивации, а стойкая убежденность автора, которой он придерживается годами, при случае повторяя ее формулировки.

Образ сложился, и ничто его не пошатнет. Поэтому после покушения на Прилепина подумалось, что если бы замысел убийц достиг своей цели, то остаться с образом Гуциным – это... Мороз по коже.

У Романа Сенчина к личности Прилепина – особое внимание в силу поисков и особого интереса к образу героя времени. Внимание к Прилепину, скорее, скептическое: пытается снять маски и различные социальные роли и выявить то самое приспособленчество в ситуации невозможности противостояния миру, когда герой его не меняет, а подстраивается и вписывается, принимает логику мира сего. Вот и Прилепин-Гущин скорее мимикрирует под обстоятельства, а то и играет, по крайней мере, такова версия Романа Сенчина. То есть встраивается в общий пресс тех сил, которые формируют человека. Что тот самый друг Егорова, принявший новые реалии и расцветший в них.

Схожая попытка критической ревизии героя времени в свое время была описана Романом Сенчиным в рассказе «Настоящий парень».

«Сама жизнь делает человека слабым. Компромиссы, общепринятые ценности, ограничения...» – говорит герой рассказа девушке, фанатеющей от киноактера Сергея Бодрова. С ней и развернулся у него диспут на предмет: настоящий он или нет, сильный или слабый. Вписался ли в систему.

Вот и к Прилепину теперь такая же предьява: вписался? Настоящий?

Чем обернется этот вопрос? Тем же, чем и в том самом рассказе? Пониманием, пришедшим со временем, что более настоящих, чем Бодров, и не встречал, а в реальности все больше стало попадаться парней, схожих с ним по тому самому критерию настоящести: «внутренней силе и природной доброте. Есть у них инстинкт честности, благородство...». Сейчас Роман Сенчин будто повторяет своего персонажа, спорящего со страстной и юной поклонницей Бодрова. Чтобы со временем с ней согласиться?..

«Я ищу сильного героя, крепкого. К каждому человеку приглядываюсь. И... я сейчас сильных имею в виду... и – или животное, зверь точнее, или притворяется до первого осложнения. Зверей не хочу плодить в литературе. Да и что в них интересного? Шагают по жизни, остальных топчут, если кто-то дёрнется – в харю. А те, кто сильными притворяются... Да ну их тоже... Приходится писать о слабых. И вот кумир ваш... это на экране он такой, а в жизни реальной...» – рассуждает у Сенчина персонаж того самого «Настоящего парня». Сам автор продолжает приглядываться и повторять позицию своего персонажа. В какой-то момент она прирастает к нему и становится его оптикой.

* * *

«Все, что нас не убивает, делает нас сильнее, мудрее и злее», – в день своего 48-летия Захар Прилепин записал видео из больничной палаты, куда он попал после покушения.

Не всем последнее слово показалось уместным.

«Зачем про злость, не надо про злость?» – писали некоторые комментаторы в соцсети. Злость не вписывалась в их картину мира.

В отечественной культурной традиции такая характеристика, как «злой» и эмоционально-психическое состояние «злоба» едва ли имеют положительную коннотацию.

Вот известное описание состояния Раскольникова перед совершением убийства: «Он был раздавлен, даже как-то унижен. Ему хотелось смеяться над собою со злости... Тупая, зверская злоба закипела в нем».

Злоба закипает, через нее человек сгорает, саморазрушается. Она может быть испепеляющей, порождающей ненависть и мстительность. Злоба – проявление слабости, она часто возникает из осознания невозможности что-либо сделать, изменить.

«Я сгорал от негодования, злости и какого-то особенного чувства упоения своим унижением, созерцая эти картины, и не мог оторваться от них; не мог не смотреть на них, не мог стереть их, не мог не вызывать их», – это уже из «Крейцеровой сонаты» Льва Толстого.

Через злость человек не только сгорает, но она и отравляет его: «В лице не нравится нам “злое”, “неприятное” выражение потому, что злость – яд, отравляющий нашу жизнь» (Николай Чернышевский «Эстетические отношения искусства к действительности»).

Или, наоборот, злость становится мотивацией для свершения. Она может сопровождать волевое усилие человека, направленное на достижение той или иной цели:

«Вдруг является смелость и даже злость», – писал Иван Тургенев в рассказе «Часы».

Со злостью связано и такое понятие, как гнев, который может восприниматься в качестве проявления греха, а также и реакцией на грех. «Господь гневающемуся напрасно угрожает судом, но не запрещает, где должно, употреблять гнев, как бы в виде врачевства» (святитель Василий Великий).

Злость – это и болезнь, показатель разобщенности общества и людей. И то самое средство врачевания, правда, при котором сгорает врачующий. Поэтому он и становится в какой-то мере проклятым героем.

Впрочем, тут уместны слова православного святого преподобного Исаака Сирина, что «лучше быть нам осужденными за некоторые дела, а не за оставление борьбы».

В то же время злость дает силы, заставляет преодолевать те или иные препятствия. Вот в «Обитатели» Прилепина: «Если бы вокруг была суша – он бы нашёл в себе силы разозлиться. От злости прибавляется жизни и веры. Если рядом есть люди – всегда можно разозлиться на них, – а тут на что? И куда он с этой злостью пойдёт?»

«Союзники» в романе «Санька» злы. Они ведомы и мобилизованы злостью.

Но тут должно следовать одно важное уточнение. Необходимо отличать злость от злобы. На этом, например, настаивает писатель Андрей Рубанов. В книге «Великая мечта» он отмечал, что «злость продуктивна. Она мобилизует. Злость – это состояние, тогда как злоба – качество. Злые люди либо разрушают, либо создают, в любом случае – действуют. Тогда как злобные способны только шипеть и завидовать».

Санька ответил зло. Он пульсировал «злой, ощерившейся энергией». Окружающие смотрели на задержанных зло. Зло и беспробудно пил отец. Поговорка бывшего омовца Олега «зол злодей, а я троих злей». Он и есть концентрация внутренней злобы, отчего и последние его слова звучали «бесновато и хрипло».

Или вот характеристика эмоционального состояния Негатива, который «скорей чувствовал раздражение, переходящее в добротную, неистеричную злобу, – и направлено это раздражение на всех поголовно,

кто представлял власть в его стране, – от милиционера на перекрестке до господина президента».

Опять же очень схожее ощущение злости есть в шолоховском романе «Они сражались за Родину», выразителем которого является Петр Лопахин.

Шолохов пишет, что тот «сдержанно и зло заговорил», уча бить врага и излагая победительную науку ненависти.

По Лопахину выходило, что воевать «еще не научились и злости настоящей в нас маловато. А вот когда научимся да когда в бой будем идти так, чтобы от ярости пена на губах кипела, – тогда и повернется немец задом на восток, понятно?» Сам Лопахин отмечал, что «уже дошел до такого градуса злости, что плюнь на меня – шипеть слюна будет, потому и бодрый я, потому и хвост держу трубой, что злой ужасно!»

Вот и главный герой книги Санька Тишин пребывает практически в состоянии противостояния, брани, по мере развития действия он наполняется злостью, которая чем дальше, тем сильнее начинала кипеть. Но в стихии этой злости не только жестокое, но и любовное. Их сочетание дают понимание цели и делают злость вовсе не слепой, не спонтанной яростью, а целенаправленным действием.

«Любовь и война!» – скандировали «союзники» на митинге. И это также два полюса злости, которые Санька переиначил в «любовь и любовь!»

Нынешняя злость – родом из девяностого года, из эпохи распада, как реакция на него. «Именно тогда я впервые испытал унижение, злость и обиду», – писал Прилепин в статье 2008 года «Второе убийство Советского Союза».

Он добавлял, что «В те дни Советский Союз получил очертания, и вкус, и цвет, и запах. Ненависть ненавидящих его родила во мне любовь и нежность к нему. Сегодня, говорю я, все это стерлось в памяти, сегодня уже о другом болит. Но нет-нет и вернется знакомое ощущение гадливости и незащитности, незащитности и гадливости».

В той же статье он писал, используя строчку Иосифа Бродского: «Пока рот мой не забили глиной, я буду снова и снова повторять: моя Родина – Советский Союз. Родина моя – Советский Союз».

Строка эта проявилась и под занавес 2023 года в колонке «На колею иную»: «Так что, как сказал поэт, пока мне рот не забили глиной, я буду повторять: Советский Союз = Российская империя – моё Отечество. Оно вылепилось, создалось не случайно, а богоданно». В ней Захар рассуждает о неизбежности интеграции на территории бывшего СССР.

Окончание в следующем номере

Вехи памяти

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литинститут им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук.

Автор семи поэтических и четырех прозаических книг, а также более двухсот публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), литературной премии имени Николая Рыленкова (Смоленск, 2022) и многих других, победитель нескольких международных поэтических конкурсов.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

ПТИЦЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ ДОМОЙ

90 лет со дня рождения поэта Виктора Кумакшева

1

Вот уже 43 года прошло с тех пор, как переступил я порог небольшой комнаты ДК работников просвещения на Свердловке, где каждую среду, с 18 до 21 часа проходили заседания литературного объединения «Данко». Стихи и прозу писал я с семи лет, и было это занятие столь важным, столь жизненно необходимым для меня времяпрепровождением, что я и не мог себе представить, что это когда-нибудь может закончиться. Внутреннее чувство не подвело меня – пишу я до сих пор и теперь уж точно могу сказать, что закончится этот вид деятельности только с концом самой жизни.

Меня всегда отличал очень низкий уровень социальности, а уж в школьные-то годы мне совершенно по барабану было, прочитают ли мои творения благодарные читатели или останутся сочинения эти на серой линованной бумаге толстых переплетенных амбарных книг, которые приносил мне папа с работы. Кстати, до сих пор с недоумением иногда смотрю на болезненное желание некоторых моих коллег непременно напечататься, как будто гениальное стихотворение, написанное химическим карандашом на туалетной бумаге, перестает от этого быть гениальным. Многие начинающие писатели надеются на то, что их талант обязательно оценят, и тогда их жизнь изменится – станет ярче, полноценней и значительнее. Увы, не изменится. Как бы ты хорошо не писал.

Но это уже размышления человека зрелого, прошедшего воду, огонь и медные трубы всего этого сочинительства. В октябре 1981 года я так, разумеется, не думал.

В комнате встретил меня пожилой человек с морщинистым лицом и длинными седыми волосами чуть ли не до плеч. Точнее, показавшийся мне пожилым – Кумакшеву было тогда всего лишь сорок шесть лет, но выглядел он куда старше своего возраста. Сидел он за длинным лакированным столом, в центре которого возвышалась полная окурков хрустальная пепельница – вечный атрибут как этого стола, так и облика Кумакшева. Руководитель литобъединения не просто много курил – курение давно стало для него тяжелой зависимостью, и глухой, напряженный, лающий кашель каждые пять минут оглушал стены комнаты.

Честно сказать, совсем уже не помню, какие именно стихи читал я в день своего первого появления в «Данко». Во-всяком случае, «медленная Лета» давно поглотила эти ученические строки, и поделом. Руководитель заметил, что у автора несомненно есть чувство рифмы и ритма, и что формальные признаки стихосложения соблюдены, но не каждые рифмованные строки, однако же, можно назвать поэзией.

– Сейчас ты, наверное, не совсем понимаешь, что я имею в виду, – сказал он. – Но придет время, и ты поймешь. А если не поймешь, значит, поэзия – не твоя стезя. В наш век поэты созревают поздно, а тебе только восемнадцать. Походи к нам, послушай, как другие пишут. Сравни со своими стихами. А там и сам решишь, чем тебе предстоит в жизни заниматься.

Кстати, Виктор Кириллович вовсе не считал, что литература – альтернатива другим занятиям человека. «Если ты поэт, – повторял он, – то никуда от поэзии уже не денешься. Талант сквозь асфальт прорастет».

Через месяц с небольшим Кумакшев устроил обсуждение моих стихов. Такие обсуждения практиковались в «Данко» весьма часто. Виножник торжества распечатывал через копирку три-четыре подборки стихов, в среднем 15–20 стихотворений, скреплял их канцелярскими скрепками, первый экзепляр, самый читабельный, давал руководителю, а остальные – официальным оппонентам. Эти назначенные оппоненты в течение недели читали подборку, оставляли на полях свои замечания, а затем, уже на обсуждении, обстоятельно высказывались по поводу прочитанного. Взять подборку стихов и не прийти на обсуждение считалось более чем моветоном. После выступления официальных оппонентов Кумакшев давал высказаться всем, кто пришел на обсуждение, в том числе и случайно забредшим в ЛитО обывателям. От общего сценария обсуждения он никогда не отступал. Когда выступления слушателей заканчивались, он многозначительно произносил: «А сейчас – перекур». Этот перекур был особенно мучительным для обсуждаемого. Слова Виктора Кирилловича подчас воспринимались как суровый судебный приговор, обжалованию не подлежащий. Интересно было то, что предсказать реакцию руководителя было невозможно. Подчас доброжелательный и добрый тон оппонентов неожиданно встречал резкую до умопомрачения критику мэтра и наоборот.

После первого обсуждения в «Данко» я не спал всю ночь. А наутро понял, что начался новый этап моей жизни. Этот этап продолжается по сей день.

Любая подборка, обсуждаемая Кумакшевым, прежде всего анализировалась им как иллюстрация того или иного недостатка. Подчас студийцы разбирали не только учеников, но и книги вполне состоявшихся поэтов. Так, Юрия Уварова наш наставник ругал за многоречивость, неумение остановиться, Игоря Чурдалева – за излишний рационализм. Мне, в ту пору еще только делающему первые шаги, тоже доставалось за рационализм и «литературщину».

С одной стороны, конечно, мне было не совсем комфортно от того, что в «Данко», кроме Игоря Грача и Виталия Гольнева практически не было людей моего поколения (рожденных в 60-х годах века минувшего). Ядро литературного объединения составляли стихотворцы на десять, а то и больше лет меня старше. Все они без исключения помнили то время, когда руководителем студии был Валерий Шамшурин. А некоторые помнили и более зрелого литературного наставника – Бориса Пильника. С другой стороны, общество более старших и опытных товарищей всегда способствует творческому росту.

Эти более старшие товарищи существенно отличались и по уровню дарования, и по манере письма. Игорь Чурдалев, Сергей Карасев, Евгений Супрун, Вячеслав Хламин, Александр Михайлов, Людмила Ефремова, Татьяна Чинякова, Андрей Иудин, Александр Высоцкий, Борис Селезнев... У Кумакшева не было любимчиков. Точнее, были студийцы, к которым он относился с особой симпатией как людям. Но это совсем не означало, что критика их произведений была менее суровой.

Время было совершенно замечательное. Талантливый (или даже не такой уж и талантливый!) молодой (и не очень молодой, возрастного ценза и в помине не было!) человек имел возможность два раза в неделю бесплатно посещать очень квалифицированные литературные курсы. Хочу отметить, что Кумакшев вел занятия и по субботам, но уже в другом формате. По субботам я посещал его реже, но были люди, особенно слишком стеснительные, которых «субботний» формат устраивал куда больше, чем публичные чтения и разборы. По субботам мэтр сидел в маленькой комнатке возле лестницы и в полной тишине читал тексты приходивших к нему людей. Присутствовать при этом другому стихотворцу было совершенно неинтересно, поскольку он не видел и не слышал текста. Но такой формат тоже имел большое значение, особенно для начинающего литератора.

Почти сразу после моего появления в «Данко» Кумакшев стал звать меня на выступления. Я, конечно же, был в восторге от его предложений. Стоять на сцене мне всегда нравилось, независимо от высоты подмостков. Это скорее был нарциссизм, нежели социальность. Но особенно меня впечатляло в те доперестроечные годы, что за выступления еще и деньги платят!

Бюро пропаганды художественной литературы при Союзе писателей СССР выплачивало деньги за выступления. Членам Союза – 15 рублей с небольшим, а нам, простым смертным, ровно половину – 7 рублей 60 копеек. Но тогда, когда зарплата начинающего врача или инженера равнялась ста рублям в месяц, семь рублей с лишним казались значительной суммой – во всяком случае, за 5 рублей можно было доехать в поезде до Москвы, а на рубль – хорошо пообедать.

Никогда не забуду, как однажды утром пришел я на лекцию в мединститут и увидел своего однокурсника с отеками под глазами. Парень сообщил мне, что очень хочет спать, поскольку всю ночь разгружал вагоны на Московском вокзале, за что получил... 10 рублей. А я накануне этой ночи ездил на служебном автобусе в Зеленый город с группой артистов и музыкантов, где прочитал со сцены два стихотворения, после чего меня накормили санаторским сытным ужином, а потом еще должны были и деньги заплатить почти такие же, как за разгрузку вагонов. Конечно, я не поделился своим успехом со своим коллегой, чтобы не вызывать его зависть.

Мой приятель по «Данко» Игорь Грач часто повторял: «Не понимаю, почему тебе Кум (так некоторые студийцы называли Кумакшева) всегда

выступления предлагает. Ведь он же тебя ругает постоянно на обсуждениях!» Мои же относительно частые выступления связаны были, конечно, не с гениальными стихами. Просто Кумакшев знал, что я не явлюсь на выступление в грязных сапогах, не напьюсь, не буду ругаться матом и приставать в пьяном виде к каким-нибудь сексапильным библиотекарям. Не случайно в «Данко» меня прозвали «советским мальчиком». Могу ошибиться, но почему-то мне кажется, что авторство этого прозвища принадлежит одному из лучших нижегородских поэтов – Игорю Чурдалеву. Последний часто ругал меня за излишнюю, по его мнению, правильность. А еще меня в узких кругах называли «книжным мальчиком». Это буквально месяц назад сказала мне свидетельница литературной жизни того времени.

Завершая тему платных выступлений, хочу отметить, что, конечно, никакой меркантильности у нас, советских и книжных мальчиков, никогда не было и за выступления мы получали сумму, не превышавшую студенческую стипендию в 40 рублей. Важно было другое – ощущение того, что за спиной твоей стоит сильное государство, которое ценит твой талант и которому ты нужен.

Но это сильное и заботливое государство, однако, не всем нас устраивало. Прежде всего, конечно, не нравилась нам та коммунистическая конъюнктура, которая заметно мешала выражать свои мысли.

Именно от Кумакшева я впервые услышал резкую критику в адрес конъюнктурщиков всех мастей, особенно поэтов-шестидесятников, которых тогда считали чуть ли не классиками. Конечно, не только консонансы Евтушенко и К^о вызывали негодование нашего мэтра, не только причудливые, сконструированные, «головные» рифмы типа «официантка – оцепеневаешь», но прежде всего сервильное, лизоблюдское поведение этой агитбригады перед властью имущими. Ну где я тогда, в брежневские годы, мог услышать, что писать такие заказные вещи, как «Братская ГЭС» – высшая степень лакейства и приспособленчества? Об этом не говорили ни в школе, ни в институте, ни по радио, ни по телевидению. Не писали об этом в газетах и журналах. Только от Виктора Кирилловича Кумакшева я впервые услышал это и был удивлен, насколько его общественные убеждения пересекаются с моими!

Общественные да. Но не художественные. И здесь мне хотелось бы поделиться мыслями о том, что легло в основу художественных и нравственных принципов моего учителя, почему до сих пор он стоит особняком, не слишком вписываясь ни в нижегородскую литературную традицию, ни в русскую вообще.

2

«Все мы родом из детства», – эти слова классика нашей литературы удивительно точны. Для писателя же биографические вехи куда важнее, чем, скажем, для ученого. Наверное, не имеет большого значения, в каком городе родился какой-либо выдающийся химик или физик, служил он в армии или нет. А для писателя имеет.

В 1956 году молодой военнослужащий Виктор Кумакшев подавлял вооруженное восстание в Будапеште, и эти впечатления во многом легли, как мне думается, в основу общественных взглядов поэта. Кумакшев крайне редко говорил об этом эпизоде своей биографии, а если и говорил, то только пропустив рюмку-другую. Говорил о том, как тяжело ему было участвовать в подавлении национально-освободительного

движения венгров, уставших от коммунистической сталинско-хрущевской диктатуры. Вспоминал, какими ненавидящими взглядами провожали его венгерские женщины, старики и дети. «Но я ведь только выполнял приказ, что я мог тогда!» – повторял он, пытаясь закурить новую сигарету. Но руки его дрожали, а спички безнадежно ломались и гасли.

Кумакшев был ярким антисталинистом, сравнивал Сталина с Атилой, Тамерланом и Чингизханом, и я до сих пор не понимаю, почему он так отрицательно отнесся к перестройке. Наверное, был умнее и глубже многих из нас.

Второй биографический факт, во многом определивший жизнь и творчество поэта, на мой взгляд, заключался в том, что поступив в литературный институт, Кумакшев попал в семинар Ильи Львовича Сельвинского. Парень с нижегородских рабочих окраин попал не просто в Москву, не просто в Литинститут, а в семинар рафинированного интеллигента, тончайшего знатока поэзии, а к тому же еще и конструктивиста.

«О чем писать? На то не наша воля!» Ну кто не знает этих знаменитых, можно сказать, хрестоматийных слов Николая Рубцова? Так посчитать и так подумать мог и Алексей Прасолов, и Анатолий Жигулин, и Федор Сухов. Но никак не Ильи Львович. Ни в коем разе! Сельвинский как раз и считал, что только от нас все и зависит в этом мире и о чем писать – только наша воля и есть. Все эти постоянные слова Кумакшева о том, что надо работать над каждой строчкой, что «каждая строчка должна быть работающей» (я его цитирую почти дословно!) идут, несомненно, от суровой, спартанской школы конструктивиста Ильи Сельвинского. Отсюда все эти бесконечные короны и венки сонетов, которые писал трудяга Сельвинский и задавал писать своим ученикам.

Сейчас, когда техника стихосложения во многом утрачена, опыт Кумакшева пригодился бы многим стихотворцам. Виктор Кириллович был экспертом в области стиха. Как опытный ювелир мгновенно отличит бриллиант от искусно ограненной стекляшки, наш учитель мгновенно отличал истинную поэзию от подделки, имеющей только внешние признаки таковой.

Многие считают, что искусство писать сонеты заключается только в умелой и кропотливой версификации. Как раз нет. Сонет – сложнейшая композиционная форма. Первый катрен сонета это всегда некое утверждение, тезис. Второй – антитезис. А последующее шестистишие – некий синтез, объединяющий первый и второй катрены. Венок сонетов – сложнейшая форма. Каждая строка главного сонета, магистраля, должна выражать суть одного из четырнадцати сонетов.

Уже в 1990 году, когда я практически не общался с Кумакшевым, написал я несколько сонетов, которые в дальнейшем переросли в венки. Этот венки сонетов вошел в мою первую книгу «Облако», которую я в 1994 году подарил своему наставнику по Литинституту Юрию Кузнецову.

– Только второстепенные поэты пишут все эти венки, – презрительно провозгласил Кузнецов на одном из семинаров (к тому времени он прочитал мою книжку). Ваша фамилия случайно не Волошин? Бросьте это занятие раз и навсегда, пусть вышиванием занимаются наши поэтессы.

Я не возражал Кузнецову. Хотя поэтессы, кстати, редко писали венки сонетов. Мышечная масса не позволяла. А сочинение венков сонетов вещь не только кропотливая, как вышивание, но и мыслительная. А ведь Ильи Львович и короны сонетов писал, то есть своеобразные венки из венков. Конструктивист!

Подход к поэтическому творчеству Кумакшева мне был всегда очень близок. Он относился к искусству, как пушкинский Сальери, – образец глубокого профессионала. Любая самодеятельность, любая халтура, пусть это был даже добродушный слепой скрипач, его раздражала. Я тоже всегда с уважением относился к словам пушкинского героя:

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля!
Мне не смешно, когда фигляр презренный
Пародией бесчестит Алигьери!

Это вовсе не значит, что мой наставник был суров, педантичен и лишен чувства юмора. А вот зависти у него я никогда не наблюдал. Может, он тщательно скрывал ее? Вряд ли.

Об особенной черте Кумакшева, а именно – о детском почитании таланта, я хотел бы рассказать подробнее, поскольку это, на мой взгляд, ключик к его неординарной личности.

Особое отношение у Виктора Кирилловича было к его старшему другу и коллеге – Александру Люкину. У поэтов было много общего. Оба жили в промышленных районах огромного, но закрытого от иностранцев и не слишком культурного города, оба пришли в поэзию от заводского станка, оба учились в Литинституте (Люкин в формате ВЛК). В отличие от Кумакшева, Люкин сонетов не писал и вообще формалистикой не занимался. Но при этом был непревзойденным мастером поэтической формы. Трагическая смерть поэта от рук хулиганов в самом центре города, на площади Минина, в обкомовском доме, находящемся напротив областной библиотеки, глубоко переживалась Кумакшевым. На занятиях ЛитО он часто говорил о Люкине, читал его стихи и искренне восхищался ими.

– А знаете, – сказал он однажды, – Саша ведь у меня строчку позаимствовал. А я и не знал. Пришел ко мне однажды и сказал: «Я виноват, украл строчку у тебя». Я ответил ему: «Да что ты, Саша! Я только рад, что моя строчка тебе пригодилась».

Проанализировав эту историю, я пришел к выводу, что Люкин переоценил свою вину. Не только о воровстве, но даже о заимствовании в данном случае говорить не приходится. Просто не совсем обычное сочетание двух слов употребляют оба поэта. Так у Кумакшева в стихотворении «Щенок» написано:

...Так
Одним только ласковым словом
Можно до смерти
Обмануть...

У Люкина же читаем:

И случится:
В гражданской стычке,
Презирая какую-то гнусь,
Я доверюсь вот этой привычке
Так, что до смерти обманусь.

В середине 1992 года, проходя по улице Минина, решил я зайти в писательскую организацию. Странное это было время, во всяком слу-

чае для меня. Учась в Литературном институте, я вовсе не собирался вступать в Союз писателей, который к тому времени из творческого союза превратился в клуб по интересам. Я наблюдал, как некоторые мои одноклассники, как правило, лентяи и двоечники, неожиданно разбогатели, а бывшие отличники, люди с высшим образованием и нередко уже с учеными степенями, перебиваются с хлеба на воду. Я всегда знал, что Россия – страна парадоксов. В 90-е годы русские парадоксы дошли до абсурда.

Поднявшись на второй этаж, я застал в маленьком кабинете литконсультанта привычно кашляющего Кумакшева. Я обратил внимание, как он постарел и осунулся, лицо пожелтело, черты лица заострились.

– А знаешь, – сказал он, – из планов Волго-Вятского книжного издательства все наши книги повыкидывали. Издавайтесь, говорят, за свой счет. Или за счет этих... как их там... спонсоров.

Я тогда впервые услышал это слово – «спонсор». И совершенно не связал его со своим будущим.

– Тут одному нашему писателю (Кумакшев назвал фамилию) такой вот спонсор книжку издал. Привез на машине десять пачек из типографии. А куда их класть? Квартирка-то махонькая. Так вот положил наш коллега эти пачки под кровать. Придет к нему собутыльник какой, так он сразу под кровать лезет. Достанет книжку, подпишет ее и даст собутыльнику. Придет сосед – соседу вручит. Придет любовница – любовнице. Читай мои стихи, дорогая!

– Ну а вы-то что теперь делать будете? – спросил я его.

– Как что? Пойду на пенсию. У меня этих книг – шесть штук. Пусть стоят на книжной полке. А так вот издавать, без гонорара, да еще и самому их распространять... увольте. И засуньте себе вашу демократию в...

В последние годы жизни Виктор Кириллович так и работал в Союзе писателей в должности литконсультанта. Бюро пропаганды художественной литературы уже растворилось в мутном воздухе 90-х годов, но писательская организация еще существовала по какой-то инерции. Там было тогда три ставки – председателя правления, литконсультанта и бухгалтера.

На одной из таких консультаций своего учителя я присутствовал уже в середине девяностых. Это была одна из последних моих встреч с поэтом. Напротив Кумакшева сидел пожилой, старомодно одетый и, судя по стихам, не слишком одаренный человек. Но обсуждал его стихи наш мэтр со всей серьезностью. Понимал ли его пришедший со стихами старичок? Не знаю. Хочется верить, что понимал.

Школа Кумакшева не прошла даром ни для меня, ни для других его учеников. Стихи его сейчас не на слуху, как, впрочем, не на слуху стихи и более выдающихся поэтов. Но они обязательно вернуться, как перелетные птицы из одного из лучших стихотворений Виктора Кирилловича.

Птицы возвращаются домой.
Вот и всё. Оставь перо скорее.
Строчки пятистопного хорея
Родиной повеют и весной.

И не нужно больше ни одной
Праздной, неработающей строчки.
Чувство меры – это чувство точки.
Птицы возвращаются домой.

Виктор КУМАКШЕВ (1935–1997)

Родился в Горьком. Работал на Горьковском автомобильном заводе станочником. Работал в газетах, на Горьковской студии телевидения, в Волго-Вятском книжном издательстве, руководил литературным объединением «Данко». Окончил Литературный институт им. Горького. Автор поэтических сборников «Позывные моей весны», «Зрение», «Прильни к земле» (1971), «Память» (1975), «Середина апреля» (1980), «Ранний снег» (1985), «Вечерний разговор» (1990) и других.

Жил в Нижнем Новгороде, похоронен на Бугровском кладбище

КОГДА БЕССОННИЦА

Рябина

Рябина, песенное деревце,
Прелюдия минорных строк,
То пригорюнишься, как девица,
То вспыхнешь, словно костерок.

Но все курчавые сравнения
Я забываю как-то вдруг,
Когда смотрю, как в дни осенние
Ты кормишь птиц из добрых рук.

Шумит пернатая застолица
И наспех ягоды клюет,
И, как случайный гость, торопится,
Как будто навсегда отлет...

Но ты-то знаешь, ты спокойна –
Вернутся вновь издалека.
На горькой ягоде настояна
В веках по родине тоска.

Ракета

Горе мое, Ракета!
Снова приснилась мне
Кобыла мышинога цвета
С черным ремнем по спине.

Бывало, табун в ночное –
Как с места возьмет она!
Аж ветер с досады взвоят,
Что не может ее догнать!

Ругал ее председатель.
Слова – басовой струны:

– Скорость ее и стати
В колхозе кому нужны?

Здесь нужно в плуге, в телеге.
Здесь нужно работать, пахать.
А ее – барыню – в неге
Извольте-ка содержать.

Конечно, чудо-кобыла,
Хоть Буденному покажи.
Но в упряжке металась, билась,
Не выдерживали гужи.

То ли дело – вольная скачка!..
Но однажды,
Средь мартовских вьюг,
Принесла жеребенка-мальчика
И смиренницей стала вдруг.

Старший конюх победно щурится:
–Ну, теперь возьмем в оборот!

Правда. Вижу однажды – по улице
Воз какой-то Ракета везет.

Да Ракета ли? Быть не может!
Взгляд у той был дик и горяч.
А у этой – господи боже! –
Вид последней из загнанных кляч.
Не на ту на стезю попала...

Я узнал через месяц-другой,
Что Ракета вскорости
Пала,
Не смогла смириться с дугой.
Просто пала. Не загубили.
Закопали сзади села.
И, как водится, позабыли.

А какая лошадь была!..

Щенок

Он с утра
До позднего вечера
Всюду рыскал, сбиваясь с ног,
Подгоняемый голодом вечным,
Неказистый, смешной щенок.

Неизвестной лохматой породы.
С мелкой дрожью отдавленных лап,
Все коротенькие полгода
Жил без ласки и без угла.

Как-то раз
В толчее базара,
Где его пинали в бока,
Кто-то в добрых морщинках, старый
Подозвал тихонько щенка.

Под рукой ласкающей замер
Жизнь познавший во всей красе...
Вдруг
Блеснула перед глазами
Сеть...

Ящик – полон собачьим уловом.
К живодерне – последний путь.
...Так
Одним только ласковым словом
Можно до смерти
Обмануть...

* * *

Успех...
Да разве дело в этом!
Я многих знаю,
Многих знал,
Кто сроду не бывал поэтом,
Но книжки бойко издавал.
И вот – торговлишка:
Кто – выше?
Кто – так себе?
А кто – велик?
...А где-то
«Илиаду» пишет
Безвестный и слепой старик...
И этой гнусной круговертью
Не избран он,
Не вознесен -
Он исповедь, как перед смертью,
Как перед смертью
Пишет он.

Сказка

Я иду – Иван-царевич опечаленный –
В тридевятую далекую страну.
– Слушай, бабка,
Ты не знаешь ли случайно,
Кто,
Какой злодей унес мою жену?
Ты ведь добрая старушка, посоветуй,
Погадай на тайных травах
И скажи –

Как злодея моего позвать к ответу,
И в плену моей царевне
Долго ль жить?

Улыбнулась бабка:
– Эх ты, сокол ясный!
Все такой же ты чудной, как в старину...
Я скажу тебе –
Не мучь себя напрасно,
Не ищи ты
Тридевятиую страну!
Аль не слушаешь?
Послушался бы, право!
Ну изволь, поворожу. Что за труды!

Бабка вздула уголек. Достала травы.
В ковш плеснула заколдованной воды.
Замерла старуха.
Что-то пошептала.
Закурилась, занялась колдун-травы...
Мне на ковшик бабка пальцем показала,
Мол, смотри да не пугайся волшебства.

И увидел я:
Худой и угловатый,
Кто-то смотрит на меня со дна ковша.
Очень юный.
Мы встречались с ним когда-то...
Кто ты? Кто?
Но он растаял не спеша...

– Да, сынок, бессильны травы и коренья.
Ворожба моя – ты понял? – не нужна.
Твой злодей – он побойчей меня.
Он – время.
Не вернется к тебе, молодец, жена...

Мефистофель

Полночь сутки перекатила
Так легко, как море волну.

Час раздумий...

Мысли постылые
Снова тянут меня ко дну:
Жалко времени! –
Мог я столько ли
Сделать, выдумать, завершить,
Если б только
Заново жить,

Как сейчас –
Не растерянным, стойким!

Миновала та полоса.
Но попробуй-ка разобраться –
Где и в чем ошибался сам,
Где был вынужден
Ошибаться...

Если б заново
Все вершить!
Если б заново можно жить,
Как сейчас,
(Но только – с начала!),
Чтоб ни идиолов
И ни шор,
Чтоб не в сводке –
В сердце стучало
Неподдельное «хорошо!»
Не играть бы с совестью в жмурки!..

Ночь.
Горой посреди стола
Недокуренные окурки –
Недоделанные дела.

Он возник внезапно.
Из дыма.
(Знать, повадка их такова.)
Был не оперный он – без грима.
Сел.
И начал цедить слова:

– Извините,
Услышал жалобы,
И зашел вот
На огонек. –
Помолчал.
– А что,
Не мешало бы,
Если б, скажем,
Я вам помог?
В самом деле –
Начать с начала!
Отрешиться от общих бед,
Чтобы в прошлом
Память качала
Лишь хмельные часы побед!
В остальном –
Ваше полное алиби
Обеспечу:
Вины вашей – нет!
(Вы расписочку

Написали бы,
Что душой
Заплатите мне...)
Впрочем, ладно.
Пускай без риска
Обмозгуете – что и как,
Мы еще вернемся к распискам,
Я же
Суть объясню пока:
Заявляйте четко и просто
И в стихах,
И в столбцах статей,
Что, мол, культы
Любого роста
Отвергали вы с первых дней.
Мол, ошибки – они не ваши,
Вы-то знали – что и к чему!
И сегодня
Вы вправе спрашивать
С тех,
Кто верил
ЕМУ
Одному,
С тех,
Кто слепо верил другому...
Напишите!
И вы – на коне!
Кстати,
Многие ваши знакомые
Так и делают.
Верьте мне.
Я устрою, чтоб совесть молчала
По моей, не вашей вине...
Вот теперь
Вернемся к началу:
Вы дадите расписку мне?
Лишь расписку – и все готово!
Отмежуетесь ото всего! –

Я ему не сказал ни слова.
И не выругал я его.

От усталости чуть не падая,
Я окно распахнул в рассвет,
И вернулся к столу.
...Ни чада,
И ни дьявола больше нет.

Чуть позванивало оконце.
Острый месяц медленно гас.
Беспощадно вставало солнце,
Проверяя на честность нас.

О героях

Мы о героях песни пели
За стопкой праздничной вина.
И долго над столом гремели
Их бронзовые имена.

Мы пели с чувством и с размахом,
Пять полнокровных мужиков,
Готовых,
Словно те,
Без страха,
За правду
В бой или на плаху –
К былинной зависти веков!

Мы пели.
И сидела с нами
Мать четверых из нас.
Она,
Любуясь жаркими сынами,
Тарелки придвигала нам.
И слушала.
И улыбалась
Задору детскому мужчин
Так,
Словно солнце пробивалось
Сквозь сетку плотную морщин.
Вздыхала, старая, украдкой...
И все, быть может, оттого,
Что две войны –
Была солдаткой,
А в третью –
Сделалась вдовой...
Все только нянчила,
Кормила.
А холод – лют.
А голод – лих...

Ах что там!
Всяко в жизни было.
Зато взрастила – вон каких!
И, удивляясь вместе с нами
Героям песенным,
Она
Сидит,
Любуется сынами,
Тарелки придвигая нам.

* * *

Однажды я лежал,
Раскинувшись в полстепи,

Смотрел, как в небесах
Кочуют острова.
Насколько хватит глаз –
Вокруг моей постели
Росла полынь-трава.
Волшебная трава...

Ах этот терпкий дух,
Могучий дух полыни!
Как в жизни,
Горечь в нем,
И солнце –
Пополам.

И может, потому
Издrevле и доныне
Так притягателен горчащий дух полыни,
Растущей по степям, по горестным холмам.

Когда бессонница

Мы – любых чинов и званий,
Нужные или ничьи –
Сквозь репы воспоминаний
Продираемся в ночи.

Пусть нечасты эти ночи
(Лучше б чаще...)
Но они
Так, иначе ли,
Не очень
Просветляют наши дни.

Вот лежишь ты, горемычный,
Сон нейдет. Покой нейдет.
Прокурор какой-то личный
Все вопросы задает.
Да про то, чему свидетель
И ответчик – ты один,
Ты один
На целом свете
От рожденья до седин
И до смерти...

Прокурору
Не соврешь: мол я – не я,
Над тобой в ночную пору
Совесть трудится твоя.
Дай же бог тебе везенья!
А оно всего-то в том,
Чтоб ночные эти бденья
Долго помнились потом.

Лариса ЕСИНА

Родилась в Самарканде, Узбекистан. Окончила факультета русской филологии Самаркандского госуниверситета, работала в школе, в СМИ. В 2001 году на постоянное место жительства в Российскую Федерацию.

Автор книг поэзии и прозы. Живет в Краснодаре.

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖИЗНИ В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ

О пьесе Юрия Васина «Ласточка»

События на Донбассе – трагедия поистине библейского масштаба. «Никого не оставляют равнодушными» в данном случае не фигура речи, а констатация факта. Эмоции выплескиваются на бумагу, превращаясь в стихи и песни, рассказы, очерки, пьесы... Можно смело говорить о новом направлении в современной русской литературе. Как когда-то – стихи и песни периода Гражданской войны, Великой Отечественной, Афганской, Чеченской... История человечества есть история войн – гласит известный афоризм. Сведения о многих военных конфликтах далекого прошлого сохранились только потому, что их воспели в балладах, описали в мемуарах, рассказах, романах...

Энциклопедией жизни в прифронтовой полосе на истерзанном междоусобицей Донбассе можно назвать пьесу драматурга из Краснодара Юрия Васина – «Ласточка». Как некогда чеховская «Чайка», она символизирует собой жизнь и веру в светлое доброе будущее. События переносят читателя/зрителя «за ленточку» – в городок, за который идут жестокие бои и откуда еще не ушли войска ВСУ. Автор в предисловии обращает внимание читателя и потенциального режиссера, что в основу легли реальные события.

И это считается – происходящему сразу и безусловно веришь. С 2014 года он занимался сбором гуманитарной помощи и лично доставлял ее на Донбасс, поэтому он знает не понаслышке, как и чем там живут люди, о чем говорят, о чем мечтают, на что надеются. Вскоре после освобождения Северодонца Юрий Васин отправился в этот регион. У каждого действующего лица есть свой прототип, с которым автор встречался лично. Но есть у Юрия Геннадьевича и личный военный опыт: будучи офицером, он принимал участие во Второй чеченской компании – без которого было бы невозможно почти с документаль-

ной точностью выписать образы солдат и воссоздать солдатские будни. Безусловно, автору помогло и режиссерское образование – он окончил Краснодарскую государственную академию культуры. С 2003 года он член Союза писателей России.

«Ласточка» – не первое драматургическое произведение Юрия Васина. Его пьеса «Серая зона Донбасса» рассказывает о причинах гражданской войны на Украине и жизни стариков на протяжении восьми лет в «серой зоне», на нейтральной полосе между украинской армией и народной милицией республик ДНР и ЛНР. Премьера пьесы состоялась в Вольском драматическом театре. Именно она стала финалистом и победителем конкурса «Герой» – осень 2023-го.

В своей новой пьесе драматург повел читателя/зрителя дальше за собой: за линию фронта, в небольшой городок Северодонецк, в подвалы, в которых прячутся от войны горожане, в их разбитые и разграбленные квартиры, в окопы посреди городских улиц – к своим мыслям о том, а что потом, как жить дальше, как после этого чудовищного кошмара построить новую счастливую жизнь...

Мыслью, что происходящее вокруг временно, пронизана вся пьеса. Красноречивыми узорами реплик главных героев, красной нитью уверенности в этом самого автора сшиты все 11 сцен: «Любая война заканчивается миром. Закончится и эта. И мы забудем, как кошмарный сон, про обстрелы, про сидение по подвалам. Про все наши страхи. Обязательно. Я в это верю», – убежден Аркадий Павлович. Это – пенсионер, родившийся в древнем русском городе Нижнем Новгороде, приехавший в Северодонецк по распределению после окончания вуза, всю жизнь проработавший здесь на заводе и мечтающий о новом, счастливым этапе в жизни ставших родными города и края. Он – воплощение неразрывно связанной с Россией истории и Северодонецка, и всего Донбасса – главный герой произведения.

Как практически все жители Украины, независимо от того, по какую сторону «ленточки» они оказались, собирательным образом которых стал солдат ВСУ с позывным Жук, родившийся после развала СССР, в независимой Украине, не знающий другой Украины и поэтому готовый биться за ее незалежность. Выясняется, что его родители тоже приехали сюда по распределению из России, а теперь в постмайданном нацистском обществе за русское окончание громкой победоносной фамилии Жуков, которую носил великий советский полководец Георгий Константинович, его племянника в школе «чмырят»: «Моя мама тоже родом из Горького. В Канавине там жила. И тоже закончила Горьковский университет. Только направили ее на работу в Харьков. А отец из Белоруссии туда после учебы приехал. Ну а мы с сестрой уже родились харьковчанами».

Его друг с позывным Грек родом из Одессы, из династии поваров и рестораторов – пожалуй, самых мирных профессий на свете. Потомок греков, осевших на Черноморском побережье и в Приазовье благодаря мартовскому Указу императрицы Екатерины Второй 1792 года «О поселении греков в Аджигее (Одессе) и Тавриде около Балаклавы». Однако он тоже не знает другой Украины, кроме той, в которой родился и рос и которую отправился защищать добровольцем. «Защищать» – в его понимании этого слова...

«А нас не надо приглашать. Мы сами пришли, чтобы защищать нашу нэньку Украинну», – с вызовом бросает он Аркадию Павловичу, видя в нем потенциального врага:

«Я вижу, как ты ее защищаешь», – обреченно сокрушается тот.

Первое появление Жука и Грека, риторика их реплик словно списаны автором со сцен послевоенных фильмов о войне и фашистах: «Сильный удар по входной двери в квартиру. Затем второй. Слышно, как дверь распаивается и с силой ударяется об стену прихожей. Через несколько секунд появляется Жук с автоматом наизготовку». Грубые угрожающие реплики Грека не оставляют никаких сомнений в этом: «Щас башку тебе прострелю, чтоб не умничал», «Так, старик, гитару мы у тебя реквизируем на благо украинской армии», «Я из тебя сейчас дуршлаг сделаю, старый хрен»...

Но автор понимает, что парень в глубине души добрый – из приличной семьи, получивший хорошее образование, владеющий самой мирной на свете профессией повара – не способен намеренно причинить кому-либо зло. Именно Грек приносит баклажки с водой в подвал, где прятались от обстрелов мирные жители. Встретили его неласково, так как видели в нем врага.

«Не трогай его, фашист! Дядя Паша хороший! А ты фашист», – заходится в испуганной истерике мальчик Леша, отца которого расстреляли солдаты ВСУ – на глазах сына расстреляли.

На Грека реакция ребенка производит неизгладимое впечатление и заставляет посмотреть на свое поведение со стороны: «Вы что тут с ума посходили? Никого я не убивал! И не фашист я! В Одессе нет фашистов! Мой прадед в партизанах с немцами воевал».

«Предал ты прадеда своего и героическую Одессу предал! Такие, как ты, у вас в Доме профсоюзов людей заживо сожгли», – рискуя жизнью обличает его бойкая на язык Тамара Сергеевна, старшая по дому. Но в ее словах нет ни злобы, ни ненависти: для нее и Жук, и Грек, и другие солдаты ВСУ «свои же, родные, хоть и дурные», которые «не ведают, что творят». Половина ее «родни живет на Украине, а половина в России», одни – в рядах российской армии, другие – украинской: «Один мы народ, и воюет брат с братом», – заключает она и дарит неверующему Жуку свой нательный крестик как оберег от бед и горя.

Это – самая сильная сцена в пьесе. Реплики Тамары Сергеевны режут по живому, подобно скальпелю хирурга вырезая злокачественную опухоль вражды и ненависти. Состоявшийся после ее ухода разговор между Жуком и Греком говорит о переосмыслении ими происходящего – они вдруг осознают, что воевать им и незачем, и не за что.

«В чем-то и шкет, и старуха правы», – приходит к выводу Грек и пускается в воспоминания, сокрушаясь, что сейчас все совсем не так, как раньше: «А мне, честно говоря, какая разница кого кормить, что украинцев, что русских, что молдаван с татарами. Ресторан у нас греческий, главное, чтоб мир был, чтоб не стреляли друг в друга».

Откровения Грека его боевой товарищ сначала воспринимает почти как предательство, но в процессе разговора «по душам» говорит почти о том же: «Не нужны мы здесь. Не для того затевали эту войнушку, чтобы быстро ее закончить. Столкнули нас лбами, а теперь смотрят и радуются».

Тяжелые мысли. Способные кого угодно довести до состояния депрессии даже в тылу. А когда жизнь словно на пороховой бочке – не метафора, а реальность, особенно. Не сойти с ума и сохранить психическое здоровье помогает юмор. В «Ласточке» шутят все – с первой сцены до последней. Поэтому-то пьеса и читается так легко, буквально на одном дыхании. Шутки да прибаутки помогают героям справиться с

эмоциональным напряжением – все как в жизни. «Если юморить начал, значит, дела на поправку пошли», – радуется Аркадий Павлович шутке тяжелораненного Жука.

В тот же день Тамара Сергеевна вместе с другими обитателями подвала погибнет под пулями солдата ВСУ, присланного Жуку с Греком на подмогу. Погибает и Грек от прилета мины. Получивший серьезное ранение Жук, прячась от вошедших в город российских солдат, в надежде на помощь и спасение приходит к тому, кто, с его же слов, переживает не за себя, а о том, кто «будет строить новую Украину, без Бандеры, без нациков».

А строителем этой «новой Украины» пенсионер Аркадий Павлович, да и сам автор, видит именно его – Александра Жукова: «А кто же новую жизнь будет строить? Кроме тебя некому», – говорит он теряющему сознание гостю и рассказывает ему, какой она будет, какой должна быть, – «фамилия у тебя хорошая, боевая. И ты еще будешь гордиться своей страной, людьми, которые тебя окружают, и фамилию свою будешь носить гордо». Озвученная им же в первой сцене эфемерная мечта о мире и счастливом будущем теперь получает зримые очертания.

Символично, что спасает Жука, Александра Жукова, российский офицер с позывным Француз по имени Георгий. Георгий Победоносец – имя этому герою автором выбрано далеко не случайно: литературный прием русской классики – «говорящие» имена – отлично работает и здесь: победа будет за нами, убежден автор «Ласточки». Решая вопросы эвакуации местных жителей, оказывая помощь раненому солдату вражеской армии, русский офицер доказывает, что он не оккупант, не захватчик на истерзанной междоусобицей земле Донбасса, а спаситель и освободитель.

Приходит к пониманию этого и сам Жук, ставший свидетелем расстрела мирных жителей его сослуживцем. Он уже многое переосмыслил, многое понял и из персонажа отрицательного стал персонажем почти положительным. Эволюция героя литературного произведения говорит о том, что оно состоялось: значит, есть конфликт – с собой, миром, обществом, а значит, есть динамика и развитие. Логическое разрешение этого конфликта или развязка – ответ на вопрос, к которому автор постепенно подводит своего читателя/зрителя.

Неслучайно именно в этой сцене Аркадий Павлович рассказывает раненому о ласточке: «Я только сейчас понял, для чего меня ласточка спасла. Это знак Божий! Если мне, старому дураку, Господь зачем-то жизнь сохранил, значит, чего-то главного в своей жизни я еще не сделал. Мне тебя нужно спасти, не дать погибнуть». Ласточка, по замыслу драматурга, символ жизни, тепла, уюта – перемен к хорошему после горя и жизненных неурядиц. Как в известном стихотворении «Травка зеленеет, солнышко блестит; ласточка с весною в сени к нам летит». Нужно только увидеть и понять этот «знак Божий».

Рассказывая о буднях войны, Юрий Васин заставляет читателя задуматься о будущем – мирном будущем, в котором не может быть ненависти и зла. Нам предстоит его строить – не на страницах книги или театральной сцене, а в реальной жизни, и только с теми, кто пересмотрел и переосмыслил свои взгляды на происходящее, поверил в Россию и россиян.

В Северодонецк приходит мир – хрупкий и тревожный, но все-таки мир – все лучше доброй ссоры, как говорят на Руси. А война продолжится. И не только на линии фронта. Далеко не случайно в пьесу включен

один эпизод, который на первый взгляд никак не связан ни с одной сюжетной линией. Но только на первый взгляд.

«Вновь пришло время перейти на скрытые методы борьбы. Ваша главная задача – раствориться среди оставшегося мирного населения города, стать его частью», – уже во второй сцене ораторствует безымянный офицер, а по всем сценам пьесы «расползаются» безымянные агенты. Именно на них – незаметных, безымянных, серых людишек – возложена миссия дестабилизации ситуации в России: «Часть из вас вольется в потоки беженцев, получит российские паспорта и разъедет по всей России, по городам, представляющим стратегический интерес. Далее, внедрение в органы власти, вербовка агентуры, диверсии, террор». Увы, это не художественный вымысел и фантазии автора. Сообщениями о том, что спецслужбами выявлена и обезврежена очередная группа диверсантов, въехавших в нашу страну под видом беженцев или переселенцев, регулярно пестрят новостные ленты. «Ладно, хватит ля-ля, нужно дальше в тыл пробираться. Москаля гражданских будут эвакуировать, и мы с ними двинем, здесь нам торчать не стоит», – признается безымянный мужчина Светлане ближе к концу пьесы, до этого стоически деливший с обитателями подвала все тяготы их нехитрого быта. По контексту их разговоров друг с другом становится понятно, что супруги они только по легенде. Драматург напоминает читателю/зрителю о необходимости быть более внимательными, проявлять бдительность – время сейчас такое, иначе нельзя.

Поэтому эта пьеса – с многозначительным многоточием в конце – заставит читателей задуматься, самим найти ответы на поставленные вопросы.

Ольга БЕЛОВА-ДАЛИНА

Родилась в Мурманске, где провела первые годы жизни. До переезда в Чехию в 2000 году жила в Москве. Выпускница Карлова университета в Праге.

Автор семи поэтических книг. Стихи переведены на чешский язык. Автор-составитель сборника «История искусств. Краткий курс лекций для средних школ». Победитель и призёр литературных конкурсов в номинациях «Поэзия», «Сонет» и «Поэтический перевод».

Живет в Праге.

ТРЕТИЙ ГЛАЗ ЭДУАРДА ПОБУЖАНСКОГО

Пятая книга стихов Эдуарда Побужанского «Агент неба» вышла в издательстве «Образ» в 2020 году. Объём книги, разделённой на пять частей, каждая из которых окрашена своей особой интонацией, на мой взгляд, не соизмерим с многоплановостью содержания.

О чём эта книга? О диалектике бытия с его тайнами и банальностями, болью и радостью; о быстротечности жизни, непросто к ней отношении; о любви, взаимной и неразделённой; о творчестве; о прошлом и будущем.

Имя Эдуарда Побужанского, поэта и издателя, хорошо известно в современной русской поэзии. Факт, принуждающий автора рецензии «разглядывать» творчество поэта Побужанского «издалека»: откуда, как известно, большое видится более отчётливо.

Но давайте всё-таки дерзнём мысленно приблизиться к творческой мастерской поэта, нарушим почтительную дистанцию, чтобы рассмотреть инструментарий, которым он пользуется, вдохнуть воздух, которым он дышит.

Говорить о техническом оснащении «лаборатории» поэта Побужанского долго и умно, наверное, не стоит. Отмечу лишь тот факт, что Эдуард Побужанский умело и бережно пользуется всем арсеналом выразительных средств, освоенных поэзией за время её существования. Рифмы (в том числе внутренние: «И пусто до хруста в безвременье Пруста», метры (любые), отсутствие оных, филигранная логика в построении текста, подчас клиповая подача сюжета, неожиданный ракурс, крепкая метафора, от которой просто так не избавиться – будете мысленно возвращаться к ней, «как ёж противотанковый в тумане», – всё это вы найдёте в стихах Побужанского. И вот что интересно: в короткие тексты, которые, оказывается, растут из сюра, оттуда же, откуда растут и цены ЖКХ, поэт умудряется вложить целый мир «от САО (Северный административный округ Москвы, где он живёт) до Сиам».

Поэзии Побужанского свойственны интертекстуальность и ассоциативность, что выдаёт в нём человека высокообразованного и обладающего незаурядным воображением. Только ему одному, наверное, могло прийти в голову, что из-за созвучия в словах «дантист» и «Данте», в поэтическом тексте должны замкнуться «дантистовы» круги ада:

...он всё сделает, как надо:
 Забытый главврачом и Богом,
 Допишет он алмазным бором
 Поэму собственного ада.

Такое ощущение, что сама жизнь в её вполне себе бытовых, малопоэтических проявлениях подкармливает способность поэта к ассоциативному мышлению: «Вот вам, Эдуард, ресторан “Тануки”, а вот вам – хаши». Но это для нас с вами они – хаши, китайские палочки для еды, а для Эдуарда Побужанского – стрелки невидимых часов:

...словно тонкие
 белые стрелки
 часов-невидимки,
 словно время само
 у меня в кулаке

Метафоры, которыми пользуется автор «Агента неба» настолько убедительны, что трудно бывает удержаться, чтобы не почесать в затылке, прочитав:

И за ночь где-то на затылке,
 Как чирей, вскочит третий глаз.

И желающих приобрести третий глаз, несмотря на эксклюзивные возможности, которые вместе с ним предоставляются, становится меньше на прочитавшего эти строки.

Не только метафоры Побужанского заставляют читателя почти физически погружаться в стихотворный текст: то же воздействие производят фоностилистические приёмы, которыми поэт пользуется легко и непринуждённо. Прочитайте стихотворение «Муха», и вам будет казаться, что назойливое насекомое где-то рядом.

Эдуард Побужанский виртуозно работает с текстами, подчиняя, где это необходимо, форму содержанию, а интонацию – атмосфере стиха.

Как разнообразны его интонации, когда поэт говорит о самом сокровенном! Даже Бог для него – то естественная составляющая цифрового мира, как в этих строках:

Этот бой колокольный –
 Как будто рингтон
 В телефоне уснувшего Бога,

– то привычный, близкий каждому верующему сердцу Творец:

Боже, прими мою требу –
 Век мамы моей продли!

Или:

Он есть.
Он здесь и в небесах.
И до, и днесь, и после,
Но в дом Его о трёх крестах
Вхожу я робким гостем.

А небеса, упомянутые в приведённой выше строфе из стихотворения «Пасха», через мгновение станут «ночным экраном» «в пикселях битых звёзд».

Какой бы ни была или ни казалась выбранная поэтом интонация, за каждой строкой безошибочно угадывается подкупающая искренность: «Жил поэт – вся душа нараспашку!» – нет, это он о ком-то другом. Но читатель понимает: автор «Агента» не боится остаться «один на один» с читательской аудиторией, не боится говорить о важном – говорить пронзительно, почти безжалостно по отношению к самому себе. Короткие рубленые исповедальные фразы:

Я начал разговаривать с отцом.
Мы были с ним полжизни не враги ли...
И вот я тут. Седой. С его лицом.
Реву и рву пустырник на могиле.

Или:

Где же? Когда? На каком закладе
Я от тебя отказался, сын?

Не менее, чем Побужанский-лирик, убедителен и Побужанский-мастер иронического высказывания, подчас колкого, всегда меткого, но никогда – вульгарного. Даже в том случае, когда поэт позволяет себе воспользоваться «сниженной» лексикой, мы включаемся в игру про непринуждённый, неформальный разговор, в котором нередко рождаются истины, ну или хотя бы правды, которым не суждено родиться в солидных дискуссиях по поводу и на тему:

Живи себе не тухни
И попусту не охай,
Не ссы, не ссы на угли –
В них есть ещё картоха.

И это настолько не про пищу телесную и физиологический процесс (скорее, мероприятие в данном случае), что мыслительные процессы читающего эти строки вдруг восходят к философским раздумьям о том, что всё в жизни ещё возможно, «пока угли не остыли».

Поговорим о «сниженной» ритмике. Верлибр! Многие его не любят: не в русской поэтической традиции, мол. Кто-то даже считает, что верлибр написать – плёвое, так сказать, дело. Вовсе нет! По опыту знаю: написать достойный читательского внимания верлибр – дело нешуточное! Если верлибр – поэтический текст, то какие средства, которыми оперирует поэзия, ему доступны? Как без регулярного ритма, выразительной рифмы убедить читателя в поэтичности

произведения? Что остаётся? Образность, неожиданность, новаторская работа со словом. Видите, как всё непросто! Но Эдуард Побужанский справляется.

Мне довелось читать переводы верлибров Побужанского перед чешской аудиторией, для которой «рифмы сегодня так же нелепы / как пуговицы на голом теле»: даже требовательные к качеству свободного стиха, привыкшие к нему европейцы отметили особый, пронзительный драматизм верлибров Эдуард Побужанского.

При всей своей мастерovitости, о которой поэт безусловно догадывается, он не позволяет себе возвыситься «голос над толпой». Поэзия Побужанского не терпит крупного, небрежного яркого мазка. Однако её «камерное» звучание, весомое и убедительное, располагает к автору, даёт читателю возможность почувствовать себя его доверенным лицом. Приблизившись к Побужанскому-поэту, оставайтесь рядом – на расстоянии вытянутой руки – той, которая снимет с книжной полки поэтический сборник «Агент неба».

Эдуард КУЗНЕЦОВ

Родился в 1941 году в Горьком. Окончил химический факультет Горьковского госуниверситета и более 40 лет проработал на Горьковском автомобильном заводе.

Крупнейший в России коллекционер пародий, эпиграмм, шаржей, исследователь сатирических жанров, автор 12 книг по этой тематике и более сотни статей. Лауреат премий имени Горького (2006, 2012) и «Бриллиантовый Дюк» (Одесса, 2013).

Живет в Нижнем Новгороде.

САМИ О СЕБЕ

В лабиринтах автобиографий

Рассказать о себе не так-то просто. Как будто вся жизнь известна и в какой-то степени понятна. Выстроив хронологию, остаётся вспоминать и записывать. Но тут автора ожидает много подводных камней. Один из главных – самоощущение: каков герой биографии, каковы его главные черты, что перевешивает в его внутренней характеристике, в каких поступках он был прав, а где виноват... И, конечно, из самоощущения вытекает тон повествования: сугубо серьёзный или нейтральный, пафосный или с налётом самоиронии.

Немаловажный фактор автобиографий – правдивость. Здесь подразумевается не только скрупулёзное следование датам и фактам, но и объективная оценка чувств и поведения автора в тех или иных обстоятельствах. Не всем удаётся это сделать искренне и верно. Жан-Жак Руссо писал:

Никто не может описать жизнь человека лучше, чем он сам. Его внутреннее состояние, его подлинная жизнь известны только ему. Но, описывая их, он их скрывает: рисуя свою жизнь, он занимается самооправданием, показывает себя таким, каким он хочет казаться, но отнюдь не таким, каков он есть.

Отклонения от истин и фактов нередки в автобиографических повествованиях. Понимая, что избежать их трудно, авторы заранее пытаются оправдаться. И. Одоевцева: «Очень возможно, что и у меня найдутся ошибки и неточности. Я совсем не претендую на непогрешимость, граничащую со святостью. Но я утверждаю, что пишу совершенно честно и правдиво». Но, как показывает опыт, далеко не всегда автор может позволить себе писать до конца правдиво. Кто-то обходит острые вопросы умолчанием, кто-то сразу предупреждает читателя о лакунах. М. Шафутинский в книге «И вот стою я у черты...»

пишет открытым текстом: «Разумеется, я не могу быть откровенным до конца и полностью рассказать всё о себе и ещё больше о других». Жизненные ситуации бывают настолько сложны и неоднозначны, что их трактовка ставит «автобиографов» в тупик. А. Кончаловский: «Да, не всегда и не обо всём можно сказать правду, но всегда можно избежать лжи».

У каждого свои пределы откровения. У одного – покаяния за детские шалости, у другого – за ситуации, граничащие с потерей уважения. Кажется, что существует некая черта, перейти которую без нравственного ущерба просто невозможно. Но жизнь берёт своё: и вот в автобиографических опусах А. Кончаловский подходит к этой черте вплотную, а Ю. Нагибин смело её пересекает.

Прообразом автобиографий можно считать анкету, вроде тех, что заполняются при приёме на работу. Для простоты в них уже записаны вопросы, на которые следует ответить: ФИО, год и место рождения, адрес, послужной список и т. п. (что-то вроде анкет ныне называется «резюме»). Такой набор вопросов и ответов на них служит своеобразным скелетом или арматурой для автобиографии, а то, что наращивается на этот костяк, и придаёт ей осмысление и литературное звучание.

Читатель уже с детских лет начинает знакомиться с автобиографиями известных людей, заключёнными в их художественных произведениях – С. Аксакова, Л. Толстого, М. Горького, позже читает авторские жизнеописания протопопа Аввакума или Черчилля, Паустовского или Чарли Чаплина.

Появление автобиографий вызывается множеством причин: от избытка впечатлений, захлёстывающих автора, и излишков свободного времени (как у находящегося в ссылке А. Герцена или в больнице, как у М. Козакова) до желания или прославиться или в чём-то оправдаться. Но чаще всего они пишутся по заказу: их сочинение стимулируют либо кадровики, либо редакторы, интервьюеры или какие-то серьёзные органы в преддверии юбилеев, наград, наказаний, публикаций, вернисажей...

Судьба автобиографий разная: большинство их оседает мёртвым грузом в папках и архивах делопроизводителей до завершения срока хранения, некоторые попадают на страницы журналов и книг, становясь достоянием общественности. Такие жизнеописания бывают востребованны читателями и специалистами в течение многих (иногда сотен) лет. Называются они обычно без затей: «Моя жизнь», «О себе», «Мой путь» или просто «Автобиография». И начинаются самым примитивным образом: «Я родился...». (Правда, случаются и необычные отступления – иногда возвышенные, иногда ироничные. О. Вишня: «Теперь я уже твёрдо знаю, что я родился». Н. Тихонов: «Иногда мне кажется, что я жил несколько жизней»).

Акценты в биографиях возможны всякие: кто-то сосредотачивается на трудностях судьбы, кто-то на карьерных этапах, кто-то на восприятии действительности и собственных эмоциях. Многие за основу принимают свою профессию и считают, что вне её ничего не значат, ставят знак равенства между жизнью и работой. П. Антокольский: «Так продолжается моя работа, а вместе с ней моя биография». В. Маяковский: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу».

Сама архитектура автобиографий может сильно отличаться: у одних авторов они берут начало с детских ощущений (а то и ещё раньше: с описания жизни родителей), у других – с каких-то важных, определя-

ющих событий. Например, многие писатели считают, что их биография начинается с первой публикации. Некоторые же сразу предуведомляют, что в написанном ими и опубликованном в печати уже содержится всё то, чем их жизнь наполнена и оправдана.

Многое из тех вопросов, что встают перед авторами биографий и их читателями, предуведомил Ф. Шаляпин в предполагаемом предисловии к книге «Страницы из моей жизни». Вот соображения о причинах создания книги: «Автобиография написана и печатается мною не в целях саморекламы... и не в целях самооправдания». О правдоподобию: «Я просил бы верить, что мне нет надобности кривить душою, прятать свои недостатки, оправдываться и вообще выставлять себя лучше, чем я есть». О неполноте фактов: «В книге моей много недосказано, о многом я нарочно умолчал». О самовосприятии: «Я знаю: никто не поверит мне, если я скажу, что не так грешен, как обо мне принято думать». Это всё не случайные оговорки, а принципиальные размышления о жанре автобиографии. Большой смысл вложил Шаляпин в название другой своей книги «Маска и душа», подразумевая неизбежные расхождения в оценке того, что называется имиджем и внутренним миром нестандартного человека.

В автобиографии может последовательно описываться вся жизнь, а могут выхватываться лишь отдельные её эпизоды. Авторы могут сосредотачиваться исключительно на своих внутренних переживаниях, а могут параллельно анализировать судьбы современников и происшествия мирового масштаба. Описания способны чуть ни документально воспроизводить события жизни, а могут перемежаться выдумками, содержать недостоверные факты и вымыслы. Любопытные соображения изложил К. Паустовский в предисловии к своей автобиографической «Повести о жизни» (1962 г.). Он признался, что хотел бы создать свою вторую, но уже вымышленную автобиографию с описанием себя «среди тех удивительных событий и людей, о которых постоянно и безуспешно мечтал».

Известны «художественные» биографии, в которых авторы вовсе не стремятся к точному соблюдению событий и явлений, произошедших в действительности. В силу разных причин они их интерпретируют по-своему, часто с большими отклонениями от реальности. В книге В. Ерофеева «Москва-Петушки» дотошные исследователи находят массу автобиографических (и весьма подробных) элементов, но их окружение выдуманно событиями не позволяют до конца разобраться в истинности истории. Но фактические отклонения от правдивости не всегда связаны с вымыслами. Л. Утёсов создал три автобиографические книги, и в каждой следующей, как писал сам, пытался исправить ошибки, промахи и неточности предыдущих, «иными глазами посмотреть на свои поступки, на свои дела, на свои мечты и их осуществление».

Пожалуй, наиболее разнообразно и витиевато автобиографии составляют литераторы. Им тесно в жёстких анкетных рамках, они ищут возможности своеобразно высказаться на более обширной территории. И. Эренбург в самом начале автобиографии сделал существенную оговорку: «Писателю трудно написать автобиографию: о своей жизни он привык рассказывать по-другому – смешивая правду с вымыслом, пряча за спины героев».

Профессия литератора тем или иным образом сказывается в жизнеописании. Вот как неожиданно начинается автобиографию Н. Асеев:

«Город жил коноплей. Густые заросли чёрно-зелёных мохнатых метёлок на длинных ломких стеблях окружали город...». У Н. Панфёрова аналогично, но более поэтично: «Помню лес густой, будто грива откормленного коня, и глубокий овраг, поросший сочными травами...» Ясно, что подобные автобиографии рассчитаны на неспешное чтение и укладываются далеко не в две-три странички.

Не менее впечатляюще писатели завершают жизнеописания. Кто-то благодарит партию и правительство за успехи страны и свои личные достижения, кто-то задумывается о будущих, ещё не свершённых планах. (А. Безыменский: «Хочется жить и жить, чтобы выполнять положенную мне на земле работу коммуниста»). Кто-то надеется на продолжение жизни и творчества. (Одну из автобиографий С. Есенин завершил: «Что дальше – будет видно», другую: «Жизнь моя и моё творчество ещё впереди»). М. Горький одно из начатых жизнеописаний оборвал при воспоминаниях о людях, много сделавших для его становления: «Больше не хочу писать. Я расстроился и растрогался при воспоминании об этих великолепных людях».

В автобиографиях всегда заключена загадка, мучительная интрига. Их авторам известно, что было, что есть, но предугадать ход времени не дано. И читатели вынуждены оставаться в неведении о завершающем этапе жизни автора. Не случайно кто-то образно назвал биографию повестью без конца. Но у некоторых и о всех остальных периодах жизни сказать бывает нечего. По образному выражению, для многих ушедших автобиография – всего лишь чёрточка между датой рождения и смерти.

Биографии могут входить составными частями в различные произведения – от рассказов до эпопей. Но чаще всего они перерастают в развёрнутые мемуары. Но, с другой стороны, и мемуары подчас становятся своеобразными автобиографиями, когда их авторы делают упор не столько на судьбах знакомых современников, сколько на перипетиях собственной жизни. Н. Мандельштам, работая над «Второй книгой» мемуаров, со временем стала называть её книгой о себе. В. Каверин в мемуарной книге «Эпилог» специально оговорился: «Я решил подвести итоги – вот почему “Эпилог” ни в коем случае нельзя считать трудом, связанным с историей советской литературы. Этот труд тесно связан лишь с моей литературной историей». К сожалению, иные мемуарные жизнеописания сплошь и рядом превращаются в самолюбование, в утверждение собственной значимости. Это тем более странно, если автор не столь известен и знаменит, каким он себя пытается представить.

Существует целый ряд произведений, в которых пустословие автобиографий высмеивается саркастически и даже издевательски. К ним относится например пародия А. Архангельского на А. Мариенгофа «Автобиография Аркадия Брехунцова». Картины жизни писателя с говорящей фамилией охватывали переломные годы борьбы за советскую власть. На этом фоне прослеживался путь человечиски, путающего мелочи обывательской жизни с важнейшими моментами советской эпохи. Под рефрен «как сейчас помню» мешались в кучу события революции и боязнь простуды, наступление Юденича и отсутствие водки, перестрелки гражданской войны и получение пайка, становление литературы и покупка пирожков с мясом... Гонор и самомнение позволяли Брехунцову причислять себя к разряду литераторов, что оборачивалось анекдотическими эпизодами: «Как сейчас помню мою встречу с Максимом Горьким. Великий писатель земли советской был болен и

через своего секретаря любезно сообщил, что принять меня не может. Эту незабываемую встречу я запечатлел в своей книге «Я и Горький»».

Проблема «преподнесения себя» всегда оставалась одной из главных для авторов исповедей: скромность не часто служила для них ориентиром. Над этим посмеялся художник Б. Антоновский в юмористической автобиографии 1928 года:

Отличительная черта моего темперамента – это скромность. Она не позволяет говорить о том, как отзывались обо мне Лев Толстой, Кнут Гамсун, а также тов. Луначарский, который обо мне никак не отзывался. Да оно, пожалуй, и не требуется, ибо моё имя мирового масштаба, а рисунки мои переведены на все европейские языки...

Впрочем, не всегда авторская нескромность зашкаливала; есть примеры обратного отношения к собственной персоне. Как писал литератор 1920-х годов М. Андреев:

Самое замечательное в моей автобиографии это то, что её спросили. Это для меня настолько неожиданно, что когда сел писать, задрожали руки... Родился я, как и все. Живу, как и все, пью, ем, как и все (иногда пью больше, чем ем). Пишу, как и все... Возможно, что хуже, так как рукописи чаще в возврате, чем в наборе...

Скромно передоверил право писать о себе будущим биографам П. Чагин – издатель и редактор многих газет, в юности – друг Есенина:

Автобиографом не собираюсь стать.
Зачем так зло лишать биографов работы?
Пусть, если заслужу, их вьедливая рать
До слёз помучается, до седьмого поту,
Чтоб хоть один факт неизвестный отыскать...

Вообще несерьёзное отношение к своим жизнеописаниям весьма характерно для русских авторов. Вот образцы «автобиографий» начала XIX века, начала XX века и советской эпохи.

А. Измайлов:

Я месяц в гвардии служил,
А сорок лет в отставке был,
В деревне я учил собак,
Ловил зверей, курил табак,
Наливки пил, секал крестьян,
Жил весело и умер пьян.

В. Воинов:

Сидел в трактире. Пил и ел.
Потом внезапно заболел.
Потом упал на грудь земли.
Потом подняли, повезли.
Потом мозги окутал мрак...
Карета чёрная... Барак...
Носилки подали...
Кладут... Несут...
Опять кладут... Капут!

С. Маршак:

Жил на свете Маршак Самуил.
Он курил, и курил, и курил.
Всё курил и курил он табак.
Так и умер писатель Маршак.

Самоирония, конечно, хороша, но и тут надо знать меру. А кроме того, необходимо учитывать неадекватность восприятия написанного и опубликованного людьми с разными жизненными установками. Тут любое лишнее слово, сказанное невпопад или с долей двусмысленности, может вернуться автору в непредсказуемом варианте. Например, стоило М. Арцыбашеву упомянуть о своей неудачной учёбе («Дошёл до пятого класса, но так и не узнал, чему учат в гимназии»), как на него посыпались издевательские комментарии.

Бой-Кот (из «Автобиографии “бессмертных”»):

Пускай свой локоть укушу,
Но лучше я не напишу,
Чем то, что, не стерпев науки безобразий,
Я выгнан был из целых трёх гимназий.

О.Л. Д’Ор (из «Автобиографий великих, малых и крошечных писателей»):

Родился в 1905 году и с 12 ноября с.г. мне пошёл третий годок.
По своим убеждениям я блондин.
Из гимназии меня выгнали, хотя я никогда в ней не учился.
Писать я начал на восьмом месяце моей жизни, хотя уже тогда у меня была борода и, клеветали мои родные, будто мне уже под тридцать лет...

Но не только над другими автобиографиями подсмеивались сатирики: они и свои истории представляли в юмористическом виде. Вот как, далеко не серьёзно, описывал свою жизнь «с молодых ногтей» А. Флит:

На берегу Днепра седого,
Назад тому немало лет,
В семье еврея молодого
Я мигом выскочил на свет...

Я рос привольно на просторе
Под шум дворовой чепухи,
И вдохновенно на заборе
Писал и буквы, и стихи...

Мне надоела сладость лиры,
И, глянув в самое нутро,
Я в яд возлюбленной сатиры
С восторгом обмакнул перо...

Но случались явления и иного рода, когда юмор вполне естественно уживался с конкретными, вполне серьёзными фактами биографии. «Ещё за пятнадцать минут до рождения я не знал, что появлюсь на белый свет», – начал свою историю Аркадий Аверченко – редактор зна-

менитого «Сатирикона». В таком же стиле она и продолжалась на последующих десяти страницах: юмор не помешал автору рассказать о действительных событиях своей жизни. За незатейливыми пересмешками явно ощущается зоркий, внимательный взгляд неравнодушного к окружающей обстановке человека.

Авторы биографий (возможно, начитавшись традиционных жизнеописаний и неудовлетворённые их содержанием) иной раз позволяют себе всевозможные отклонения от привычных рамок изложения. Чего стоят, например, автобиографии в виде брачного объявления или некролога. Вот начало необычной истории М. Казовского в книге «Маска, я тебя знаю»:

Молодой, подающий надежды крокодилец*, автор весёлых пародий, рассказов и пьес, ищет спутницу жизни, в которой всё было бы прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. О себе может сообщить такие характеристики: Рост 174. Вес 72. Размер шляпы 57. Шатен. Глаза карие. Умеет свободно печатать на машинке и разговаривать на двух иностранных языках при помощи словаря и переводчика... Зарабатывает. Не жалуется...

Автобиография-некролог В. Черного (1928 год) являет пример издевательства над возможным самовосхвалением нескромного автора:

Пишу я свой некролог на всякий случай и заблаговременно... Вот он. Телеграф принёс известие, что в ночь на 29 февраля на английском пароходе «Карл Маркс» по дороге в Нью-Йорк (если я умру в другом месте – указать его) скончался известный писатель В. Черный. Маститый писатель умер в преклонном возрасте, 80 лет от роду. Им написано 80 сочных романов (по роману в год) и одна трёхактная комедия. Одна. Но зато какая! Она обошла все мировые сцены и сделала автору миллионное состояние. К писателю был прикомандирован специальный фининспектор, который следил только за его доходами... После покойного осталась вдова и дочь Катя без всяких средств к существованию.

«Автобиография» В. Черного в своём роде уникальна не только экстравагантной формой, но и тем, что в ней нет ни слова правды. Читателю надо быть готовым к встрече и с такими фантастическими интерпретациями жизни.

Отсюда и разное отношение пишущих к своим биографиям. Кто-то составляет их равнодушно и формально, кто-то с излишним тщанием. Ю. Олеша писал: «Мне кажется, что единственное произведение, которое я могу написать как значительное, нужное людям – книга о своей собственной жизни».

Автобиографии – как элементы истории, бытия – просто необходимы. Не стоит к ним относиться свысока и снисходительно. По ним нередко восстанавливается «дух» эпохи, более понятный иным поколениям, чем голые события и факты. Известно (И. Эренбург): «когда очевидцы молчат, рождаются легенды».

* Автор журнала «Крокодил».

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Наталья Петрищева

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Оренбург)

Елена Крюкова

Александр Орлов (Москва)

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Санкт-Петербург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Елена Гаврюшова

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и биографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий

и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 27.01.2025.

Выпущено в свет 25.02.2025.

Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.

Тираж 800 экз. Заказ

Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13